

E-ISSN 2713-0622

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

**Russian Journal of
DEVIANT BEHAVIOR**
Scientific and Theoretical
Issues

**TOM
vol. 5 № 4 / 2025**

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Том 5 № 4
2025

**Russian Journal
of Deviant Behavior**
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 5 № 4
2025

Российский девиантологический журнал

Научно-теоретический журнал

Том 5 № 4 2025

«Российский девиантологический журнал» – периодическое сетевое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных исследований по девиантологии (девиантному поведению). Дисциплинарное поле журнала – психология, педагогика, право (криминология, уголовное право, уголовно-исполнительное право), медицина, социология.

В «Российском девиантологическом журнале» публикуются результаты оригинальных фундаментальных и прикладных научных исследований по вопросам девиантного поведения.

Цели журнала:

- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными специалистами в области девиантологии;
- знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области девиантологии, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем девиантологии междисциплинарного характера, касающихся психологии, педагогики, права, социологии, медицины;
- поддерживать молодое поколение ученых.

Журнал включен в Перечень ВАК (К3) при Минобрнауки России по научным специальностям:

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Принимает к опубликованию материалы по специальностям (по данным специальностям журнал еще не включен в Перечень ВАК при Минобрнауки России):

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

С 2025 года включен в «Белый список» научных журналов (2 уровень).

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Метаданные статьи публикуются на русском и английском языках. Редакция журнала ориентируется на географическое разнообразие авторского состава журнала и приглашает к опубликованию новых оригинальных исследований в области девиантологии как российских, так и иностранных авторов. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить читательскую аудиторию и усилить влияние исследований в мировом научном сообществе. Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Требования к статьям. Критериями отбора статей являются соответствие профилю журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях. Направляя статью в редакцию, автор соглашается на редакторскую правку материала. Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы «Антиплагиат». Плата за публикацию статей отсутствует. Поступившие в редакцию статьи регистрируются. Датой регистрации считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее регистрации считается день получения окончательного текста. Поступившие в редакцию статьи рецензируются. Редакция оставляет за собой право на литературное редактирование статьи.

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов «Российского девиантологического журнала» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – А. Н. Великих, Г. Н. Голядкин, Л. М. Букина.

Дизайн и верстка – С. Н. Горбунова.

ISSN 2713-0622 (online)

Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет МВД России.

Журнал издается с января 2021 года.

Финансирование издания журнала осуществляется за счет средств учредителя журнала – Санкт-Петербургского университета МВД России.

Периодичность – 4 номера в год.

Сайт: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Адрес учредителя и издателя: 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, д. 1

Тел. +7 (812) 730-26-96

Russian Journal of Deviant Behavior

Scientific and Theoretical Issues

Vol. 5 N° 4 2025

“Russian Journal of Deviant Behavior” is an international online peer-reviewed publication in the field of interdisciplinary research in deviancy. The journal publications combine the insights of psychology, pedagogy, law (criminology, criminal law, penal law), medicine and sociology.

The journal “Russian Journal of Deviant Behavior” publishes the results of original basic and applied researches in the field of deviancy.

The journal aims:

- to bring together scientists and practitioners researching into relevant issues of deviant behavior;
- the journal makes every effort to disseminate research findings as well as to integrate scientific research in the field of deviant behavior
- the journal's priority is to support young scholars.

The journal is included in the List of Higher Attestation Commissions under the Ministry of Education and Science of Russia in scientific specialties:

- 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)
- 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics
- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology
- 5.3.9. Legal psychology and security psychology

Accepts for publication materials in specialties (for these specialties the journal is not yet included in the List of Higher Attestation Commissions under the Ministry of Education and Science of Russia):

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
 - 5.8.7. Methodology and technology of vocational education
- Since 2025, it has been included in the “White List” of scientific journals (level 2).

Language and geography of the journal. The main language of the journal is Russian. Metadata articles are published both in Russian and English. The editorial board of the journal focuses on the geographical diversity of the authors and invites both Russian and foreign authors to publish new original research in the field of deviancy. Articles of foreign authors are published in English, which makes it possible to expand the readership and strengthen the influence of research in the world scientific community.

The journal is open access. All articles are freely available to readers immediately after publication. Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in Ulrich's Periodicals Directory.

Editorial and publishing policies. The main criteria for the manuscript selection is compliance with the profile of the journal, relevance and validity of the results. Submission of a manuscript implies that the work described has not been published before; that it is not under consideration for publication anywhere else. The journal does not tolerate plagiarism in any form to prevent publication malpractice. There are no fees payable to submit or publish in this journal. If you have been invited to revise and resubmit your paper, you should follow instructions provided by the editor in their decision email. All manuscripts undergo review. The editors reserve the right to stylistic editing. Manuscripts not accepted for the publication will not be returned.

Reference to the scientific-theoretical journal “Russian Journal of Deviant Behavior” is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors – A. N. Velikikh, G. N. Golyadkin, L. M. Bukina.
Design and layout – S. N. Gorbunova.

ISSN 2713-0622 (online)

Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
The journal has been published since January, 2021.

The publication of the journal is financed at the expense of the founder of the journal - Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Frequency - 4 issues per year.

Website: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Postal address: 1 Letchika Pilyutova Street, St.Petersburg, Russian Federation, 198206

Phone +7 (812) 730-26-96

Главный редактор

Реан А. А. – доктор педагогических наук, профессор, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель научного совета РАО по проблемам профилактики агрессии и деструктивного поведения учащихся, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, заведующий лабораторией психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи ФНЦ ПМИ (Россия, Москва)

Заместитель главного редактора

Злоказов К. В. – доктор психологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Бавсун М. В. – председатель редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе (Россия, Санкт-Петербург)

Каверина Л. В. – ответственный секретарь редакционной коллегии, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Базаров Т. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Баранов А. А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета (Россия, Ижевск)

Бородавко Л. Т. – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры физической подготовки и прикладных единоборств Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гайдамашко И. В. – доктор психологических наук, доцент, академик РАО (Россия, Москва)

Гаррисон Е. – доктор педагогических наук, профессор, Университет Монтаны (США, Вашингтон).

Гейжан Н. Ф. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гилинский Я. И. – доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Гогиберидзе Г. М. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии воспитания и профилактики девиантного поведения Института психологии и педагогики Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва)

Горелов А. А. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник – заведующий учебно-научным центром кинезиологических исследований и лечебно-реабилитационных технологий Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Россия, Якутск)

Григорьев А. Н. – доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гундур Р. – доктор криминологии, Университет Флиндерс (Центр политики и исследований в области преступности) (Австралия, Аделаида)

Дозорцева Е. Г. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии и права МГППУ, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста ГНЦССП имени В. П. Сербского (Россия, Москва)

Енгальчев В. Ф. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной психологии, руководитель научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики государственного университета им. К.Э. Циолковского (Россия, Калуга)

Змановская Е. В. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психотерапии Восточно-Европейского института психоанализа (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р. – доктор педагогических наук (Россия, Санкт-Петербург)

Караяни А. Г. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии служебной деятельности Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации (Россия, Санкт-Петербург)

Кириллова Т. В. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России (Россия, Москва)

Клейменов М. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

Костромина С. Н. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург)

Лельчицкий И. Д. – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, Директор Института педагогического образования и социальных технологий, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Тверского государственного университета (Россия, Тверь)

Лясковска К. – доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет (Польша, Белосток)

Пудовочкин Ю. Е. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Россия, Москва)

Рыбников В. Ю. – доктор медицинских наук, доктор психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины имени А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Ситников В. Л. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Стрельникова Ю. Ю. – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Тесленко А. Н. – доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор, директор Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Центр ювенологических исследований) (Казахстан, Кокшетау)

Утюганов А. А. – доктор психологических наук, доцент, заместитель начальника по научной работе – начальник научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации (Россия, Санкт-Петербург)

Федотов С. Н. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, Москва)

Хусаинова С. В. – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института педагогики, психологии и социальных проблем (Россия, Казань)

Шестаков Д. А. – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург)

Яворчикова Я. – PhD, университет Матвея Бела (Словакия, Банска-Бистрица)

Editor-in-chief

A. A. Rean, Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of the Scientific Council of the Russian Academy of Education on the problems of preventing aggression and destructive behavior in students, Head of Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research Moscow Pedagogical State University, Head of the Laboratory of Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center for PMI (Russia, Moscow)

Deputy Chief Editor

Zlokazov K. V., Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Research Department Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Editorial Board

Bavsun M. V. – Chairman of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Science and Research of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Kaverina L. V. – Executive Secretary of the Editorial Board, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Bazarov T. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University (Department of Social Psychology, professor) (Russia, Moscow)

Baranov A. A. – Doctor of Psychology, Professor, Udmurt State University (director Department of Developmental Psychology and Differential Psychology) (Russia, Izhevsk)

Borodavko L. T. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Physical Training and Applied Martial Arts of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gaidamashko I. V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Academician of the Russian Academy of Education (Russia, Moscow)

Garrison E. – Doctor of Education, Professor, University of Montana (USA, Washington)

Geyzhan N. F. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gilinskiy Ya. I. – Doctor of Law, Professor, St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, St. Petersburg)

Gogiberidze G. M. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior, Institute of Psychology and Pedagogy Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow)

Gorelov A. A. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher – Head of the Educational and Scientific Center for Kinesiological Research and Treatment and Rehabilitation Technologies of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov (Russia, Yakutsk)

Grigoriev A. N. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gundur R. – Doctor of Criminology, Flinders University (the Center for Crime Policy and Research) (Australia, Adelaide)

Dozortseva E. G. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education,

Head of the Laboratory of Child and Adolescent Psychology of the Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry (Russia, Moscow)

Engalychev V.F. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of General and Social Psychology, Head of the Research Center for Forensic Science and Criminalistics of the State University. K.E. Tsiolkovsky (Russia, Kaluga)

Zmanovskaya E. V. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychotherapy of the East European Institute of Psychoanalysis (Russia, St. Petersburg)

Ilakavichus M. R. – Doctor of Pedagogy (Russia, St. Petersburg)

Karayani A. G. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Service Activities of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops (Russia, St. Petersburg)

Kirillova T. V. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)

Kleimenov M. P. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)

Kostromina S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Personality Psychology St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

Lelchitsky I. D. – Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Director of the Institute of Teacher Education and Social Technologies, Head of the Department of Social Work and Pedagogy, Tver State University (Russia, Tver)

Lyaskovska K. – Doctor of Law, Professor, University of Bialystok (Poland, Bialystok)

Pudovochkin Yu. E. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow)

Rybnikov V. Yu. – Doctor of Medical Sciences, Doctor of Psychology, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy Head of Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Sitnikov V. L. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Strelnikova Yu. Yu. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Teslenko A. N. – Doctor of Pedagogy, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Center for Juvenile Research) (Kazakhstan, Kokshetau)

Utyuganov A. A. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Deputy Head of Research – Head of Research Center of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops (Russia, St. Petersburg)

Fedotov S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

Khusainova S. V. – Doctor of Psychology, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Deputy Director for Science, Leading Researcher) (Russia, Kazan)

Shestakov D. A. – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of St. Petersburg International Criminological Club (Russia, St. Petersburg)

Javorchikova J. – PhD, Matej Bel University (Slovakia, Banska Bystrica)

Содержание

Слово главного редактора

Реан А. А.	538
-------------------------	-----

Антропология девиантного поведения

Нижник Н. С. Проституция на территориях, оккупированных нацистами в годы Великой Отечественной войны: коллаборационизм или вынужденная мера выживания?.....	542
--	-----

Педагогические исследования и профилактика девиантного поведения

Чудаков А. Ю., Горелов А. А. Проблемы профилактики деятельности информационных деструктивных интернет-клубов.....	564
--	-----

Тесленко А. Н. Превенция школьного остракизма в системе психолого-педагогического сопровождения учащейся молодежи.....	576
---	-----

Психологические исследования девиантного поведения

Булавина Е. В. Программа развития компонентов информационно-психологической устойчивости сотрудников полиции: результаты апробации.....	594
--	-----

Власов А. Э. Изучение факторов мотивации и демотивации у кандидатов на службу в органы внутренних дел.....	609
---	-----

Кириллова Е. Б., Ильянкова Е. И., Миркомиллов М. Д. Сравнительный анализ эмоционального выгорания и жизнестойкости у сотрудников органов внутренних дел Республики Узбекистан.....	623
---	-----

Психолого-педагогические исследования и профилактика девиантного поведения

Фам В. К. Профессиональная идентичность студентов педагогических вузов в контексте изменения правовой политики Социалистической Республики Вьетнам.....	636
--	-----

Криминологические исследования девиантного поведения

Берестовой А. Н. Неформальные субкультурные объединения: вопросы криминализации и противодействия.....	649
---	-----

Малофеева А. Д. Распространение деструктивного контента в сети «Интернет» как способ радикализации молодежи: криминологический взгляд.....	660
---	-----

Обзоры, рецензии

Гилинский Я. И., Харабет К. В. Принципы дополненности и универсального эволюционизма в методологии современных девиантологических исследований (обзор академической секции по девиантологии с международным участием).....	674
---	-----

Душкин А. С., Юренкова В. А. Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики (обзор международной научно-практической конференции).....	693
--	-----

Contents

Editor-in-Chief's word

Rean A. A.	538
-------------------------	-----

Anthropology of deviant behavior

Nizhnik N. S. Prostitution in the territories occupied by the nazis during the Great Patriotic War: collaboration or a necessary survival measure?.....	542
--	-----

Pedagogical research and prevention of deviant behavior

Chudakov A. Yu., Gorelov A. A. Problems of preventing the activities of destructive information internet clubs.....	564
--	-----

Teslenko A. N. Prevention of school ostracism within the system of psychological and pedagogical support for students.....	576
---	-----

Psychological research of deviant behavior

Bulavina E. V. Curriculum development of components of information and psychological resilience in police officers: the results of experimental testing.....	594
---	-----

Vlasov A. E. The study of motivation and demotivation factors among candidates for service in the internal affairs bodies.....	609
---	-----

Kirilova E. B., Ilyankova E. I., Mirkomilov M. D. Comparative analysis of emotional burnout and resilience among employees of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan.....	623
--	-----

Psychological and pedagogical research and prevention of deviant behavior

Pham V. K. Professional identity of students of pedagogical universities in the context of changes in the legal policy of socialist republic of Vietnam.....	636
---	-----

Criminological research of deviant behavior

Berestovoy A. N. Informal subcultural communities: concept, issues of criminalisation and counteraction.....	649
---	-----

Malofeeva A. D. The spread of destructive content on the Internet as a means of radicalizing young people: a criminological perspective.....	660
---	-----

Reviews

Gilinsky Ya. I., Kharabet K. V. Principles of complementarity and universal evolutionism in the methodology of modern deviantological research (review of the academic section on deviance with international participation).....	674
--	-----

Dushkin A. S., Yurenkova V. A. Pedagogy and psychology in law enforcement: bridging theory and practice (a conference review).....	693
---	-----

Уважаемые читатели!

Предлагаем к прочтению заключительный в 2025 году номер «Российского девиантологического журнала».

Открывает номер рубрика «**Антропология девиантного поведения**» статьей «*Проституция на территориях, оккупированных нацистами в годы Великой Отечественной войны: коллаборационизм или вынужденная мера выживания?*», целью которой стала реконструкция обстоятельств, выступающих детерминантами выбора индивидуальных жизненных стратегий в условиях Великой Отечественной войны с акцентированием внимания на факторах, определяющих поведение женщин на оккупированной территории в сфере предоставления ими сексуальных услуг комбатантам в создаваемых оккупантами домах терпимости. Результатом явилось освещение организационных и социально-медицинских аспектов функционирования бордель-хаусов, личностных аспектов предоставления сексуальных услуг, психологических аспектов устройства послевоенной жизни лиц, подвергшихся сексуальному насилию в годы Великой Отечественной войны.

Рубрика «**Педагогические исследования и профилактика девиантного поведения**» включает две статьи, посвященные изучению проблем девиантного поведения подростков, учащейся молодежи и молодых людей призывного возраста. Так, авторы статьи «*Проблемы профилактики деятельности информационных деструктивных интернет-клубов*» провели исследование деятельности информационных деструктивных интернет-клубов в контексте провоцирования факторов риска суицидального поведения у подростков и молодых людей призывного возраста; уделили особое внимание анализу механизмов воздействия таких клубов на уязвимую психику молодых людей, находящихся в критическом периоде формирования личности, и их адаптации к социальным условиям, включая период призыва на военную службу. Кроме того, рассмотрены основные характеристики деятельности деструктивных интернет-клубов, их целевая аудитория, а также психологические и социальные факторы, способствующие вовлечению в них.

Целью следующей статьи «*Превенция школьного остракизма в системе психолого-педагогического сопровождения учащейся молодежи*» стал анализ распространения различных форм остракизма (харассмент, моббинг, буллинг) как девиантологических конструкторов в образовательной и повседневной среде современной учащейся молодежи, роли системы психолого-педагогического сопровождения учащихся средствами практической психологии и восстановительной медиации. Приступая к исследованию, автор исходил из гипотезы, что специально разработанная программа «Школа примирения: равный – равному» способствует профилактике остракизма в форме харассмента, моббинга и буллинга психолого-педагогическими средствами и позволит снизить уровень агрессии, укрепить социальные связи внутри

подростковых сообществ, развивая у несовершеннолетних такие личностные качества, как эмпатия, толерантность и навыки эффективной коммуникации и мирного разрешения конфликтов.

Рубрика **«Психологические исследования девиантного поведения»** открывается статьей *«Программа развития компонентов информационно-психологической устойчивости сотрудников полиции: результаты апробации»*, в которой автор делает оценку эффективности модульной программы развития личностных и поведенческих компонентов информационно-психологической устойчивости курсантов ведомственных вузов, а также проводит сравнительный анализ между группами обучающихся, который выявил статистически значимые различия по таким параметрам, как: ответственность, самоконтроль, осознанная регуляция деятельности, ориентация на самостоятельность и автономность. Полученные результаты свидетельствуют об эффективности разработанной программы, одновременно указывая на устойчивые базовые психологические характеристики, требующие более продолжительного и комплексного воздействия.

Актуальность статьи *«Изучение факторов мотивации и демотивации у кандидатов на службу в органы внутренних дел»* определяется необходимостью совершенствования работы с личным составом органов внутренних дел, обусловленной проблемой недостатка научных знаний о мотивации и демотивации к служебной деятельности. Практическая значимость изучения мотивационной сферы личности граждан, поступающих на службу в органы внутренних дел, связана с ведением эффективной кадровой политики в части адаптации молодых сотрудников, профилактики девиантного поведения, происшествий среди личного состава. В результате исследования у кандидатов на службу в органы внутренних дел выявлены как наиболее выраженные мотивы, так и наименее важные. Понимание дуализма мотивов (эгоцентрических и альтруистических) в зависимости от направленности сотрудника позволит совершенствовать работу по профилактике нарушений служебной дисциплины и законности. Автор предлагает рекомендации по использованию выявленных особенностей при принятии решения о категории профессиональной психологической пригодности кандидатов и при дальнейшем психологическом сопровождении их в рамках морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности.

Завершает рубрику статья *«Сравнительный анализ эмоционального выгорания и жизнестойкости у сотрудников ОВД Республики Узбекистан»*, посвященная описанию результатов эмпирического исследования эмоционального выгорания, проведенного на выборке сотрудников полиции Республики Узбекистан. Результатом исследования стало изучение степени выраженности и различий в проявлении симптомов эмоционального выгорания у сотрудников полиции офицерского и сержантского состава. Кроме того, оценивались степень удовлетворенности сотрудников полиции различными аспектами своей трудовой деятельности и уровень выраженности жизнестойкости как важного личностного ресурса, который может способствовать снижению симптомов эмоционального выгорания.

Рубрика **«Психолого-педагогические исследования и профилактика девиантного поведения»** представлена статьей автора из Вьетнама, в которой проведено

исследование профессиональной идентичности студентов педагогических вузов в контексте изменения правовой политики Социалистической Республики Вьетнам, в результате чего сформулирован следующий вывод: изменение правовой политики государства в образовательной сфере приводит к положительным результатам, которые выражаются в высоких показателях профессиональной идентичности студентов и повышении спроса на квалифицированную рабочую силу.

Статья *«Неформальные субкультурные объединения: вопросы криминализации и противодействия»* открывает рубрику **«Криминологические исследования»**. В статье рассматриваются теоретико-правовые аспекты криминализации субкультурных неформальных объединений, обладающих повышенной степенью общественной опасности. Проведен анализ природы субкультурных сообществ, их структуры, идеологических особенностей и механизмов интеграции в криминальную среду; исследованы ключевые характеристики субкультурных групп, особенно молодежных организаций, демонстрирующих признаки экстремистской активности и противоправного поведения, а также влияние современных цифровых платформ на распространение деструктивных идей в молодежной среде.

В статье *«Распространение деструктивного контента в сети "Интернет" как способ радикализации молодежи: криминологический взгляд»* изложены результаты исследования с учетом применения метода контент-анализа действующего законодательства, в частности антиэкстремистского, юридической доктрины, социальных сетей и мессенджеров, методов правовой статистики. Исходя из сформулированного автором современного комплекса проблем противодействия цифровой радикализации молодежи, предложено выработать механизмы повышения уровня защиты информационного пространства от проникновения деструктивного медиаконтента.

В рубрике **«Сообщения о научных событиях»** представлены информационные материалы о прошедших научно-представительских мероприятиях – обзор девиантологической секции в составе XXXII Моисеевских чтений Российской академии наук, походивших в Москве весной этого года в Главном здании Российской академии наук, и обзор международной научно-практической конференции «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики», состоявшейся в октябре 2025 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России и посвященной обсуждению академических и прикладных проблем внедрения теории юридической педагогики и психологии в практику, укрепления научных связей между сотрудниками правоохранительных органов и образовательных организаций силовых структур, а также поиску эффективных психолого-педагогических форм и методов подготовки сотрудников правоохранительных органов.

Подводя итоги пятого года выхода «Российского девиантологического журнала», отмечу, что совместный труд редакционной команды и авторов приносит плоды признания его экспертами и научной общественностью: изданию присвоена 3-я категория научной значимости в Перечне ВАК при Минобрнауки России и решением Межведомственной рабочей группы по формированию и актуализации «Белого списка» научных журналов, созданной Министерством науки и высшего образования Российской

Федерации, журнал включен в данный список и отнесен ко второму уровню; началось размещение информации о журналах и метаданных статей на новых информационных площадках: CoLab и ИС «Метафора» Российского центра научной информации, что повышает его видимость и способствует широкому распространению.

В планах редакции на 2026 год интересные задумки, среди которых информационная поддержка и участие в научно-представительских мероприятиях различного уровня, выход тематического выпуска журнала «Антропология преступного поведения», который будет посвящен осмыслению преступления и преступника через призму теорий, разрабатываемых в предметном поле культурологии, психологии и педагогики, социологии и философии, уголовно-правовых наук. Уверен, что наши читатели найдут много интересного и полезного на страницах журнала.

**Главный редактор – доктор педагогических наук, профессор,
Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Председатель научного совета РАО по проблемам профилактики
агрессии и деструктивного поведения учащихся,
Директор Центра социализации, семьи
и профилактики асоциального поведения
Московского педагогического государственного университета
А. А. Реан**

УДК 342.51

Проституция на территориях, оккупированных нацистами в годы Великой Отечественной войны: коллаборационизм или вынужденная мера выживания?

Надежда Степановна Нижник

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
n.nishnik@bk.ru

ORCID: 0000-0002-3369-9490

Аннотация

Введение. Изучение детерминант выбора личностью индивидуальной модели правового поведения продолжает оставаться актуальной задачей юридической науки. Особую сложность представляет определение закономерностей выбора жизненных стратегий в экстремальных условиях. Обширный материал для исследования этой проблемы предоставляет история Великой Отечественной войны, в условиях которой множество факторов военного времени расширило спектр индивидуальных стратегий выживания от защиты Отечества с оружием в руках и работы в тылу до различных форм приспособления к условиям оккупации. На территориях, оккупированных нацистами в годы Великой Отечественной войны, существенной составляющей повседневности женщин стало принуждение их оккупантами к проституции. При этом факты сексуального насилия нацистов частью послевоенной коллективной памяти не стали, а сюжеты, связанные с ними, до настоящего времени в общественном сознании остаются табуированными. **Цель.** С учетом того, что проблемы половых отношений и кросс-культурного взаимодействия в оккупации в контексте гендерной истории, темы сексуального насилия на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны были включены в круг научных исследований только в последние десятилетия и к настоящему времени фрагментарно охватили лишь незначительную часть актуальных вопросов, целью настоящего исследования явилась реконструкция обстоятельств, выступающих детерминантами выбора индивидуальных жизненных стратегий в условиях Великой Отечественной войны с акцентированием внимания на факторах, определяющих поведение женщин на оккупированной территории в сфере предоставления ими сексуальных услуг комбатантам в создаваемых оккупантами домах терпимости. **Источники.** Только изучение источников различных видов (правовых актов противоборствующих сторон, материалов правоприменительной практики, документов административных органов, периодической печати, источников личного характера) позволит реконструировать события военных лет и оценить последствия «горизонтального» коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны. Основным источником настоящего исследования стала периодическая печать – газеты и листовки, издававшиеся в тыловой части СССР, на оккупированных территориях, в советских воинских частях

и партизанских отрядах в 1941–1946 гг. **Методы.** Исследование осуществлено посредством инструментария разного уровня. Особое значение имели конкретно-исторический метод, позволяющий учесть условия, факторы и обстоятельства, в которых функционировали бордель-хаусы на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны, и биографический метод, благодаря которому выявлены модели поведения женщин в условиях нацистской оккупации и детерминанты «горизонтального» коллаборационизма. **Результаты.** Средством поддержки способности армии воевать и разгрузки комбатантов от психологического и физического напряжения на захваченной территории оккупанты рассматривали дома терпимости (бордель-хаусы), работа которых обеспечивалась принуждением женщин к проституции. Организация бордель-хаусов в статье рассмотрена как часть оккупационной политики. Освещены организационные и социально-медицинские аспекты функционирования бордель-хаусов, личностные аспекты предоставления сексуальных услуг, психологические аспекты устройства послевоенной жизни лиц, подвергшихся сексуальному насилию в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова

Великая Отечественная война, оккупационная политика нацистов на советской территории, преступления нацистов против мирного населения, коллаборационизм, принудительная проституция, публичный дом, бордель-хаус, распространение венерических заболеваний, мотивы определения стратегий выживания, женская военная повседневность, гендерная дискриминация

Для цитирования: Нижник, Н. С. (2025). Проституция на территориях, оккупированных нацистами в годы Великой Отечественной войны: коллаборационизм или вынужденная мера выживания? *Российский девиантологический журнал*, 5 (4), 542-563.

Original paper

Prostitution in the territories occupied by the nazis during the Great Patriotic War: collaboration or a necessary survival measure

Nadezhda S. Nizhnik

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

n.nishnik@bk.ru

ORCID: 0000-0002-3369-9490

Abstract

Introduction. The study of the determinants of a person's choice of an individual model of legal behaviour continues to be a relevant task for legal science. Determining the patterns of choice of life strategies in extreme conditions is particularly difficult. The history of the Great Patriotic War provides extensive material for studying this problem, as many wartime factors broadened the range of individual survival strategies, from defending the Fatherland with arms in hand and working in the rear to various forms of adaptation to the conditions of occupation. In the territories occupied by the Nazis during the Great Patriotic War, forcing women into prostitution became a significant part of their daily lives. However, the facts of sexual violence

committed by the Nazis did not become part of the post-war collective memory, and stories associated with such violent acts remain taboo in the public consciousness to this day. **Purpose.** G Since issues of sexual relations and cross-cultural interaction during occupation in the context of gender history, themes of sexual violence in the occupied Soviet territories during the Great Patriotic War have only been included in scientific research in recent decades and, to date, have only fragmentarily covered a small part of the relevant issues, the purpose of the study was to reconstruct the circumstances affecting the choice of individual life strategies during the Great Patriotic War, with a focus on the factors determining the behaviour of women in the occupied territories when providing sexual services to combatants in brothels opened by the occupiers. **Sources.** Only studying various types of sources (legal acts of opposing sides, materials on law enforcement practices, documents from administrative bodies, periodicals, personal sources) makes it possible to reconstruct the events of the war years and assess the consequences of “horizontal” collaboration during the Great Patriotic War. The main resource for the research was periodicals – newspapers and leaflets published in the rear of the USSR, in occupied territories, in Soviet military units and partisan detachments from 1941 to 1946. **Methods.** The research was carried out by means of various tools. Particular importance was attached to the concrete historical method, enabling consideration of the conditions, factors and circumstances that affected the functioning of brothels in the occupied Soviet territories during the Great Patriotic War, and the biographical method, used to identify patterns of behaviour among women under Nazi occupation and the determinants of “horizontal” collaborationism. **Results.** The occupiers considered brothels, kept open by forcing women into prostitution, as a means of supporting the army’s ability to fight and relieving combatants of psychological and physical stress in the occupied territory. The organisation of brothels is discussed in the article as part of the occupation policy. It highlights the organisational and socio-medical aspects of the functioning of brothels, the personal aspects of providing sexual services, and the psychological aspects of the post-war lives of persons who were subjected to sexual violence during the Great Patriotic War.

Keywords

Great Patriotic War, Nazi occupation policy in Soviet territory, Nazi crimes against the civilian population, collaborationism, forced prostitution, brothels, brothel houses, spread of sexually transmitted diseases, motives for determining survival strategies, everyday life of women in wartime, gender discrimination

For citation: Nizhnik, N. S. (2025). Prostitution in the territories occupied by the nazis during the Great Patriotic War: collaboration or a necessary survival measure? *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (4), 542–563.

Введение

Великая Отечественная война стала трагической страницей истории нашей страны. Война внесла коррективы во все сферы социального бытия и потребовала от каждого из современников вооруженного конфликта определить индивидуальную стратегию выживания и выбрать модель своего правового поведения. Множество детерминант повседневности населения расширило спектр индивидуальных стратегий выживания от защиты Отечества с оружием в руках на фронте или в партизанском отряде, работы в тылу на производстве или в сельском хозяйстве до различных форм приспособления к жизни в условиях оккупации.

В годы Великой Отечественной войны под оккупацией немецко-фашистских захватчиков оказались 13 краев и областей РСФСР, территории Белорусской, Украинской, Эстонской, Латвийской и Литовской союзных республик. Молдавская ССР и отдельные районы юга

Украинской ССР попали под управление Румынии; часть Карело-Финской ССР была оккупирована финскими войсками. Оккупация советской территории (с 22 июня 1941 г. по 7 ноября 1944 г.) в разных регионах страны продолжалась от нескольких недель до нескольких лет.

На захваченной фашистами территории СССР проживали около 70 млн мирных советских граждан – треть населения страны. Большинство взрослого населения составляли женщины, в повседневность которых на оккупированной нацистами территории были включены многочисленные факты половой и гендерной дискриминации – изнасилования и принуждения к проституции. Стремление командования вермахта Германии поддержать боеспособность комбатантов всеми способами, в том числе разгрузкой от психологического и физического напряжения посредством предоставления им сексуальных услуг, обусловило создание на оккупированных территориях легальных нацистских борделей – домов терпимости, получивших в быту название бордель-хаусов. Работа бордель-хаусов стала частью истории военных лет, важным фактором выбора женщинами, оказавшимися на оккупированной территории, моделей своего поведения и определения ими индивидуальных стратегий выживания.

Несмотря на то что факты массовых изнасилований советских женщин комбатантами вермахта и принуждения их к проституции, безусловно, являются существенными обстоятельствами женской повседневности на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны и отражают гендерные особенности выбора стратегий выживания в экстремальных условиях, частью послевоенной коллективной памяти они не стали; сюжеты, связанные с ними, до настоящего времени в общественном сознании остаются табуированными.

Литература и источники

Проблемы половых отношений и кросс-культурного взаимодействия в оккупации в контексте гендерной истории, вопросы сексуального насилия на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны были включены в круг научных исследований только в последние десятилетия. В числе работ, прямо или опосредованно затрагивающих эти вопросы, исследования J. Steinberg (Steinberg, 1995), K. C. Berkhoff (Berkhoff, 2004), И. В. Ребровой (Реброва, 2008), R. Sommer (Sommer, 2009), R. Mühlhäuser (Mühlhäuser, 2010), R. D. Markwick, E. C. Cardona (Markwick & Cardona, 2012). Особый интерес вызывают работы научного сотрудника Гамбургского института социальных исследований, соучредителя и координатора Международной исследовательской группы «Сексуальное насилие в условиях вооруженных конфликтов» R. Mühlhäuser. В монографии «Секс и нацистский солдат. Насильственные, коммерческие и добровольные контакты во время войны в Советском Союзе, 1941–1945 гг.» (Mühlhäuser, 2021) (Гамбург: Hamburger Edition, 2010; Токио: Iwanami, 2015; Эдинбургский университет, 2021) автор констатирует, что сексуальное насилие было широко распространенной реальностью во время войны и оккупации в Советском Союзе. R. Mühlhäuser развенчивает миф о том, что военные лидеры, следуя нацистской идеологии «растления расы», подавляли сексуальность солдат; описывает сексуальное поведение солдат и то, как военное командование интегрировало его в свое стратегическое мышление. Проблему легальной проституции R. Mühlhäuser рассмотрела как часть гендерного насилия через практики нацистского командования по регулированию сексуальных отношений.

Стратегии выживания советских женщин на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны представлены в немногочисленных публикациях отечественных и зарубежных авторов в контексте различных проблем: оценки влияния идеологии национал-социализма и политики гитлеровской Германии на совершение насилия (B. Beck (Beck, 2004), R. Mühlhäuser (Mühlhäuser, 2010, 2021)), выявления причин коллаборационизма

(Б. Н. Ковалев (Ковалев, 2009); А. Р. Дюков (Дюков, 2007)), описания женской военной повседневности (И. В. Реброва (Реброва, 2008), Н. С. Нижник (Нижник, 2025а, 2025б)).

Особую значимость имеют публикации К. В. Сак (Сак, 2021, 2024а, 2024б, 2025) и Е. Ф. Кринко (Кринко & Сак, 2023), в которых исследователи охарактеризовали официальную позицию советского руководства по отношению к сексуальному насилию на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны; выявили отдельные сведения о преступлениях захватчиков против мирного населения, представленные в официальных документах советских органов; опираясь на различные источники, описали особенности организации и функционирования нацистских публичных домов на территории Ростовской и Сталинской (Донецкой) областей в условиях фашистской оккупации.

Поведение женщин, вступавших в интимную близость с оккупантами, по формальным характеристикам, без учета мотивов выбора своей жизненной стратегии, отнесенное к сотрудничеству с оккупантами, получило названия пологового (Ковалев, 2009), «горизонтального» (Сак, 2025; Нижник, 2025а, 2025б) или «сентиментального» (Vinen, 2006) коллаборационизма. В исследовании проблем выбора женщинами, находившимися на оккупированной территории в военные годы, моделей их поведения делаются только первые шаги. До настоящего времени не реконструирована система социальных связей, сложившаяся в годы войны в конкретном оккупированном регионе; неизвестно, сколько публичных домов работало на временно оккупированной нацистской Германией территории СССР, сколько женщин было вовлечено в обслуживание комбатантов; как сложились судьбы барышень из бордель-хаусов; не выявлены доминантные мотивы выбора женщинами модели своего поведения.

Для исследования «горизонтального» коллаборационизма на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны необходимы источники различных видов. Часть их сосредоточена в фонде Р-7021 Государственного архива Российской Федерации – фонде Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК)¹. В фонде ЧГК, существовавшей в 1942–1951 гг., собрано более 43 тыс. дел². Сообщения ЧГК, основанные на собранных материалах, были представлены в качестве документальных свидетельств обвинения на Нюрнбергском процессе. Но составители актов ЧГК при описании злодеяний сведения о половых преступлениях против женщин специально не собирали, поэтому источники – протоколы допросов сотрудников и бывших проституток борделей в органах НКВД единичны. Женщины, привлекавшиеся к обслуживанию комбатантов, на допросах были немногословны, из-за страха перед общественным осуждением предпочитали молчать о пережитом. Родственники барышень стремились к забвению «позорного прошлого». Мемуары организаторов борделей и штатных сотрудников домов терпимости, которые проституцией не занимались, не обнаружены.

Как и подавляющее большинство советских гражданок, переживших насилие, обслуживавшие комбатантов после войны оказались «фигурами умолчания» (Никонова, 2005), и их «тяжелый и крайне травматичный опыт выживания в оккупации не был артикулирован» (Кринко & Сак, 2023). Поэтому в документах ЧГК представлен «эклектичный образ бордель-хауса» (Сак К., 2024а), а факты сексуального рабства, зафиксированные в документах НКВД, донесениях партизан и средствах массовой информации, личными свидетельствами очевидцев не подкреплены. Поиск источников и выявление информации по данной теме до настоящего времени представляют чрезвычайно сложную исследовательскую проблему.

¹ Государственный архив Российской Федерации. (1997). *Путеводитель. Т. 3: Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории СССР* (с. 387).

² Там же. С. 387–392.

Новые возможности для исследований нацистской оккупации открыл проект «Без срока давности»³, посвященный преступлениям фашистских захватчиков против советских граждан на территории различных субъектов СССР. Собранные документы расширили представления о нацистской оккупации и ее трагических последствиях (Кринко, 2023), включая характеристику местных коллаборационистов.

Только изучение источников различных видов (правовых актов противоборствующих сторон, материалов правоприменительной практики, документов административных органов, периодической печати, источников личного характера) позволит реконструировать события военных лет и оценить последствия «горизонтального» коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны. Основным источником настоящего исследования стала периодическая печать – газеты и листовки, издававшиеся в тыловой части СССР, на оккупированных территориях, в советских воинских частях и партизанских отрядах в 1941–1946 гг.

Методы

Методологическая основа исследования включила в себя инструментарий разного уровня. Методологические принципы исследования стратегий выживания женщин в условиях нацистской оккупации в годы Великой Отечественной войны опираются на диалектику – общую методологию научного познания. Основными в исследовании явились принципы всесторонности изучения юридических процессов и явлений; единства теории и практики; единства сознания и деятельности. Они предусматривают проведение ретроспективного анализа с учетом требований объективности и комплексности исследования. Основным методологическим подходом исследования был определен системный. Использованы общенаучные (методы дедукции и индукции, анализа и синтеза, обобщения и конкретизации) и специальные (сравнительно-правовой, проблемно-хронологический, формально-юридический, статистический) методы, а также конкретно-исторический метод, позволяющий учесть условия, факторы и обстоятельства, в которых функционировали бордель-хаусы на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны, и биографический метод, благодаря которому выявлены модели поведения женщин в условиях нацистской оккупации и детерминанты «горизонтального» коллаборационизма.

Результаты

Планы порабощения различных стран и народов А. Гитлер связывал с армией. Обеспечение боеспособности армии являлось частью национальной политики гитлеровской Германии. Средством разгрузки комбатантов от психологического и физического напряжения и поддержки их физической способности воевать рейхсфюрер СС Г. Гиммлер считал публичные дома (Timm, 2001). В Германии дома терпимости легально были открыты в 1934 г., сначала для офицеров, а с 1936 г. посетителями публичных домов стали и солдаты. 9 сентября 1939 г. министр внутренних дел Германии В. Фрик подписал декрет о повсеместной организации в Третьем рейхе борделей для будущих комбатантов (Кринко & Сак, 2023). Когда война с СССР была развязана и пришло понимание невозможности ее быстрого завершения, организация передвижных борделей дополнилась созданием стационарных публичных домов для военнослужащих вермахта на захваченной территории.

Сколько публичных домов работало на временно оккупированной нацистской Германией территории СССР, сколько женщин, в документах получивших официальное название девушек или барышень, было вовлечено в их деятельность, до настоящего времени

³ Общероссийское общественное движение по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Без срока давности». Библиотека. Сборники по регионам. <https://xn--80abjd7bea0aebfrc0a.xn--p1ai/biblioteka/sborniki-po-regionam/>

неизвестно даже приблизительно. Исследователи полагают, что в СССР, в котором в 1930-х годах проституция как открытое социальное явление было устранено, а занятие проституцией считалось неприемлемым и преступным, в оккупированных регионах число бордель-хаусов, организованных немецкими, итальянскими⁴, испанскими⁵ комбатантами, достигало нескольких сотен.

Организация бордель-хауса как часть оккупационной политики

На захваченной территории оккупационные власти устанавливали свой порядок. Частью его было открытие в каждом населенном пункте публичных домов. «Уничтожая клубы, избы-читальни, библиотеки, гитлеровцы открывают вместо них публичные дома»⁶. Бордели создавались в больших и малых городах, в селах и небольших деревнях. «Немецко-фашистские мерзавцы ворвались в... города, открыли притоны, публичные дома, под конвоем приволокли девушек и женщин»⁷, – в начале октября 1941 г. писала «Комсомольская правда», комментируя события в Минске, Слуцке, Борисове, Любани.

По сообщениям, в ноябре 1941 г. публичный дом в Миргороде уже привычно работал⁸. В Курске «открыты три дома терпимости, куда немцы силой загнали русских девушек и женщин»⁹. На одном из домов разместили вывеску «Дом свиданий для немецких солдат»¹⁰. Второй бордель расположили в гостинице¹¹, третий – в здании театра имени А. С. Пушкина¹². «Дом терпимости... открыли торжественно, – сообщал об оккупации Курска И. Эренбург. – [С произнесением речи:] “Мы несем веселье в ледяную пустыню”»¹³. В Смоленске под бордель на 250 мест¹⁴ приспособили гостиницу¹⁵, полагая обслуживать военную элиту – офицеров-

⁴ Макаренко, Я., Галанов, Б. (1941, 22 ноября). Южный фронт. *Правда*.

⁵ Майский, П. (1942, 10 января). Ленинградский фронт. *Известия*; Майский, П. (1942, 11 января). *Социалистическая Якутия*.

⁶ Юдин, Ив. (1942, 22 июля). Разрушители культуры. *Комсомольская правда*.

⁷ Кононенко, Е. (1941, 11 октября). Советская девушка! Вот что несет тебе проклятый фашизм! Мерзавцы уничтожают твоих подруг. *Комсомольская правда*.

⁸ *Знамя Родины*. (1941, 17 ноября).

⁹ *Красная звезда*. (1942, 29 мая).

¹⁰ Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». (1942). *Бюллетень № 7 УНКВД по Курской области, направленный зам. наркома внутренних дел СССР Б. З. Кобулову, о положении в оккупированных районах Курской области за период с 1 по 31 марта 1942 г.* <https://victims.rusarchives.ru/byulleten-no-7-unkvd-po-kurskoy-oblasti-o-polozhenii-v-rayonakh-kurskoy-oblasti-okkupirovannykh>.

¹¹ В Курске. (1942, 28 июня). *Социалистическая Якутия*; *Красная звезда*. (1942, 9 мая).

¹² *Сын Родины*, с. 3 (1941, 11 декабря); Петров, С., Мерман, А. (1941, 11 декабря). Зверства фашистов в Курске. *Сын Родины*; *За честь наших женщин!* (1942, 10 апреля). *Красная звезда*; *Правда* (1942, 4 мая); Крайнов, П., Моран, Р. (1942, 29 мая). В Курске. *Красная звезда*; Башкиров, А. (1943, 11 февраля). В освобожденном Курске. *Комсомольская правда*.

¹³ Эренбург, И. А. (2004). *Война. 1941–1945* (с. 375). ООО «Агентство «КРПА Олимп».

¹⁴ Питерский, А. (1941, 24 августа). Варвары XX века. *Правда*.

¹⁵ Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». (1942, 6 января). *О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях: нота наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова*. <http://victims.rusarchives.ru/nota-narkoma-inostrannykh-del-sssr-molotova-6-yanvara-1942>; *За Родину*. (1942, 11 января); Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». (1942). *Разведывательная сводка № 8 4-го управления НКВД СССР* (с. 10). <http://victims.rusarchives.ru/razvedyvatelnaya-svodka-no-8-4-go-upravleniyankvd-sssr-o-polozhenii-vo-vremenne-okkupirovannykh>.

летчиков¹⁶. На территории оккупированной Ростовской области первый публичный дом – «Гостиница № 7» открылся в Таганроге 26 декабря 1941 г. Ровно через год был открыт солдатский бордель в Ростове-на-Дону. Над входом в него было написано: «Nur für Deutsche» (Кринко & Сак, 2023). С 1942 г. в Сталино (Донецке) открылась «Гостиница “Великобритания”» и «Итальянское казино»¹⁷ – известные во всех военных частях региона бордели.

Как увеселительные заведения с шумными кутежами действовали в Орле офицерская столовая (заведение, названное так официально, но фактически представлявшее собой казино и публичный дом) и офицерский ресторан на Октябрьской улице¹⁸.

Сразу после оккупации советских территорий были открыты бордель-хаусы в Витебске¹⁹, Новороссийске²⁰, Брянске и Вязьме²¹, Одессе и Сумах²², в городе Тим Курской области²³. В Тарнополе жизнь публичного дома была такой насыщенной, что услаждения посетителей не прекратились даже в момент, когда в город входила пехота советских освободителей²⁴. Газеты сообщали о злодеяниях фашистов, обеспечивавших работу бордель-хаусов в Краматорске, Киеве и Днепропетровске²⁵, Феодосии²⁶, Ялте²⁷, Орджоникидзеграде²⁸, Харькове²⁹, Слуцке³⁰, Никополе³¹, Двинске³², Ельне³³, Ворошиловграде³⁴, Старой Руссе³⁵.

В оккупированном Пскове царила полная разруха. Но бордель на улице Некрасова – первенец «нового порядка» – стараниями немецких властей процветал³⁶. На улице Советской работали два дома терпимости³⁷. Через Псков шли на фронт эшелоны с немецкими солдатами. «Тут их выпускают из вагонов, и они табунами прут в публичные дома»³⁸. Дом терпимости

¹⁶ Баканов, Н. (1943, 28 сентября). Бои за Смоленск. *Тревога*.

¹⁷ Шифман, А. (1942, 23 апреля). Город в ярме. *Комсомольская правда*.

¹⁸ Антонов, В. (1943, 6 августа). Орёл, 5 августа. *Известия*.

¹⁹ Железняк, М. Я. (1942, 1 декабря). Ужасы Витебска. *Знамя Сталина*.

²⁰ Новороссийская городская комиссия. (1943, 18 октября). Из акта Новороссийской городской комиссии. *В Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов* (Ч. 1, с. 251). Фонд «Связь Эпох».

²¹ Разумовский, А. (1942, 25 августа). Философствующий убийца. *Красноармейский удар*.

²² Александров, Г. (1943, 3 сентября). Сумы. *Комсомольская правда*.

²³ Корнейчук, А., Василевская, В., & Бажан, М. (1942, 5 января). Городок на холме. *Правда*, с. 2.

²⁴ В Тарнополе. (1944, 8 апреля). *За честь Родины*.

²⁵ Иваненко, О. (1942, 1 мая). Мы вернемся. *Учительская газета*.

²⁶ Цуккерман, И. (1942, 6 октября). Что несут гитлеровцы народам Советского Союза. *Красноармейский удар*.

²⁷ Гитлеровские зверства в Крыму. (1942, 24 июля). *Сын Отечества; Знамя Родины*. (1942, 26 июля).

²⁸ Сиволобов, М. (1942, 6 июля). Злодеяния гитлеровских извергов в Брянске и Орджоникидзеграде. *Правда*.

²⁹ Жуков, Ю., Ющенко, Л. (1943, 1 сентября). Иго. *Комсомольская правда*.

³⁰ Попрядухин, Ю. (1942, 3 сентября). Зверства немецких палачей. *На страже Родины*.

³¹ Малышев, В. (1944, 17 февраля). Зверства немцев в Никополе. *Вечерняя Москва*.

³² Крюков, Ю. (1944, 18 августа). Камни Двинска. *Труд*.

³³ Анпилогов, Г. (1941, 26 сентября). Кровавые злодеяния фашистских мерзавцев. *Красный флот*.

³⁴ Буковский, К. (1943, 18 февраля). На улицах Ворошиловграда. *Красная звезда*.

³⁵ Поляков, А. (1942, 28 марта). В Старой Руссе. *Тревога*.

³⁶ Громов, В., Федоров, В. (1942, 12 сентября). На Псковщине. *Правда*.

³⁷ Юдин, Ив. (1942, 22 июля). Разрушители культуры. *Комсомольская правда*.

³⁸ Аркадий, Б. (1942, 21 апреля). Псков в цепях. *Правда*.

устроили и в Пушкинских горах, в домике, где жила няня Пушкина Арина Родионовна³⁹. Для обслуживания комбатантов, обеспечивавших блокаду Ленинграда, дома терпимости были открыты в городах Мга⁴⁰, Пушкин⁴¹, Гатчина⁴², Луга⁴³, Любань⁴⁴, в деревне Стан Ленинградской области⁴⁵. Фашисты «свою страну... покрыли случными пунктами. И на захваченных ими землях они воздвигают памятники фашистской культуры в виде солдатских публичных домов. ... Теперь они собираются обратить Ленинград в гигантский дом терпимости»⁴⁶, – с негодованием писал Ф. Самойлов в статье «Коричневые скоты».

Бордель-хаусы в деревнях работали с не меньшей, чем в городах, интенсивностью. Вплоть до отступления частей вермахта действовали публичные дома в деревне Мисин Житомирской области⁴⁷, станице Кагальницкой Ростовской области (Кринко & Сак, 2023), деревнях Касторной Курской области⁴⁸ и Левикино Глинковского района Смоленской области⁴⁹, станице Пилинково Краснодарского края⁵⁰.

Организационные аспекты функционирования бордель-хаусов

Высшим органом власти в оккупированных районах РСФСР была военная комендатура. Организацией хозяйственной жизни населенного пункта занимались бургомистр и городская управа. Именно городская управа давала разрешение на открытие публичных домов, как правило, под вывеской гостиницы, казино или заезжего двора, утверждала смету, штатное расписание, выписывала карточки на питание барышням из борделя.

Городская управа утверждала директоров бордель-хаусов на своей территории. В большинстве случаев ими были советские граждане, которые добровольно выразили желание сотрудничать с оккупационными властями, стремясь получить от такого взаимодействия экономические и социальные выгоды. В Сталино, например, устройством гостиницы «Великобритания» занимался местный житель, украинец по национальности Г. М. Бондарь, а после его увольнения за взятки с марта 1943 г. работу этого притона организовывал старший санитар немец Эвальт (Кринко & Сак, 2023). «Директором солдатского “казино” в Таганроге была М. Ф. Бинюшиц. Она происходила из семьи мещан Таганрога, имела шесть классов образования в дореволюционной женской гимназии. В 1937 г. ее супруг, немец по национальности, вместе с сыном были арестованы НКВД. ... Возможно, ее коллаборация с оккупантами была ответом на репрессии со стороны советской власти. Вместе с тем могли сказываться

³⁹ Благой, Д., Гудзий, Н. (1944, 3 июня). Пушкин на фронте. *Литература и искусство*.

⁴⁰ Бакалов, А. (1944, 25 января). В освобожденном городе Мга. *Ленинский путь*.

⁴¹ Немцы загоняют русских девушек в публичные дома. (1943, 27 января). *Отважный воин*.

⁴² Ющенко, Л. (1944, 28 января). Варвары. *Комсомольская правда*.

⁴³ Майский, П. (1942, 11 января). Разговор с Августом Гуммелем. *Известия*; Майский, П. (1942, 5 февраля). Разговор с Августом Гуммелем. *Социалистическая Якутия*.

⁴⁴ *Удар по врагу*. (1942, 8 августа).

⁴⁵ Самойлов, Ф. (1941, 24 сентября). Коричневые скоты. *На страже Родины*.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ От Советского Информбюро. (1941, 2 сентября). *Пути коллективизации*; От Советского информбюро. (1941, 2 сентября). *На защиту Родины*; Городецкий, Е. (1941, 10 сентября). Партизаны Украины. *Красный флот*.

⁴⁸ Не отдадим братьев и сестер на лютую смерть, на поругание! (1942, 12 августа) *Советская Абхазия*; Помни и отомсти! (1942, 14 августа). *Труд; Звезда Советов (57 А): ежедневная красноармейская газета*, с. 2. (1942, 15 августа).

⁴⁹ Питерский, А. (1941, 24 августа). Варвары XX века. *Правда*.

⁵⁰ От Советского Информбюро. (1943, 31 октября). *Правда Севера*; От Советского Информбюро. Оперативная сводка за 30 октября. (1943, 2 ноября). *Социалистическая Якутия*; От Советского Информбюро. (1943, 2 ноября). *Голос колхозника*.

и экономические мотивы: официальный доход Бинюшиц в борделе составлял 1200 руб. в месяц и полное питание» (Кринко & Сак, 2023).

В Великих Луках к созданию дома терпимости для немецких офицеров и солдат под названием «Дом благородных девиц» бургомистр города Поморцев и начальник полиции Филиппков приступили в октябре 1942 г. По согласованию с фельдкомендатурой управляющей бордель-хауса назначили некую Древич, которая уже имела опыт содержания притона в Одессе (Ковалев, 2009).

Главным мотивом для сотрудничества советских граждан с оккупантами было стремление получить экономические и социальные выгоды в сложившейся обстановке. Директора подбирали персонал борделя, опираясь на принцип кумовства, устраивая на должности прежде всего своих родственников и знакомых. В штате состояли бухгалтеры, кухонные работники, «доктор, швейцары, маникюрша, массажистка и другой обслуживающий персонал» (Ковалев, 2009). В штат солдатского публичного дома в Сталино зачислялись: «агент по продовольственному снабжению, кладовщик, электрик, русский гинеколог, переводчик, санитарка, слесарь, разнорабочий, кассирша, баянист, повар, бухгалтер, семь уборщиц, три швейцара и три кочегара» (Кринко & Сак, 2023).

Устройство бордель-хаусов зависело от многих факторов местного значения. В Великих Луках «под помещение, в котором должен размещаться этот дом, было подобрано одноэтажное кирпичное здание... На оборудование дома терпимости и его ремонт городская управа отпустила 50 000 рублей из своего бюджета и выделила необходимое количество стройматериалов. Дом был рассчитан на 20–25 человек. По внутреннему устройству дом терпимости должен был представлять следующее: зал ознакомления, в котором должны были находиться буфет, эстрада, столики для закусок. В середине зала танцевальная площадка. Далее были оборудованы кабинеты с отдельными входами и выходами, соединенные между собой только общим коридором. Кабинеты были оборудованы по-разному и делились на несколько классов. В кабинете первого класса стояла никелированная кровать, ванна и прочие удобства» (Ковалев, 2009).

Женщины, оказывавшие сексуальные услуги, в документах чаще всего называвшиеся девушками или барышнями, официально были приняты на работу на должности официанток либо уборщиц гостиниц или казино.

Отбирали полностью здоровых женщин 16–38 лет, прошедших медицинское освидетельствование. По свидетельствам из Таганрога и Ростова-на-Дону, набирались только русские (Кринко & Сак, 2023), соответствовавшие определенным требованиям к внешнему виду (например, только девушки-блондинки). Одним из требований к барышням было наличие определенного гардероба: в Ростовской области, например, требовалось «не менее 5 крепдешиновых платьев и 3 пар модельных туфель» (Кринко & Сак, 2023).

Среди барышень были незамужние и замужние (в том числе жены бойцов Красной Армии), вдовы и разведенные, бездетные и имевшие детей. Довоенный социальный статус барышень был различным: среди них были работницы, служащие, учительницы, бухгалтеры. В числе тружениц бордель-хауса были и женщины с криминальным прошлым – ранее занимавшиеся воровством (Кринко & Сак, 2023) или проституцией, работавшие до этого официантками в кафе и столовых.

В Берлине полагали, что для организации работы борделей будет достаточно желающих местных жительниц, но если нужный контингент из девушек-добровольцев набрать не удастся, то надо будет проводить специальную вербовку барышень. Желающие получить такую работу должны были сами обратиться в городскую управу с заявлением. В Великих Луках для трудоустройства в «Дом благородных девиц» девушки подавали заявление непосредственно в фельдкомендатуру (Ковалев, 2009). Современники свидетельствовали о том, что в условиях

конкурсного отбора в бордель в Таганроге «отдельные женщины давали взятки директрисе солдатского казино, чтобы получить место» (Кринко & Сак, 2023), а факт увольнения за взятки директора гостиницы «Великобритания», публичного дома в Сталино, позволяет предположить, что и он получал вознаграждения за устройство девушек на такую работу (Кринко & Сак, 2023).

Е. Ф. Кринко и К. В. Сак, изучавшие повседневность в Ростовской и Сталинской областях в период немецкой оккупации, отмечали, что «в Сталино в гостинице “Великобритания” для немецких солдат первоначально было семь девушек, потом их число возросло до 31. В “Итальянском казино” было 15–18 девушек. В Таганроге в солдатском борделе работало 12 девушек, а в офицерском “казино” – 4–6 девушек. В солдатский бордель Ростова-на-Дону было набрано 11 девушек» (Кринко & Сак, 2023). С учетом того, что в этом регионе оккупанты установили свой порядок в октябре 1941 г., промышленный центр Донбасса – город Сталино и Таганрог находились под оккупацией вермахта около двух лет, в Ростове-на-Дону оккупационный режим устанавливался дважды, окончательно завершившись в феврале 1943 г., все это время на оккупированной территории работали бордель-хаусы. И «по многочисленным свидетельствам сотрудников публичных домов, трудностей с набором женщин не было» (Кринко & Сак, 2023). В оккупированной Калуге по объявлению об открытии публичного дома при наличии 80 вакантных мест добровольно явились 250 девушек (Лотарева & Тихонов, 2014).

Рассуждая о фактах добровольного избрания девушками такого вида занятий, начальник технического отдела городской управы Курска А. Г. Кепов вспоминал: «С огорчением надо отметить недостойное поведение многих отдельных женщин, добровольно пошедших по такому тяжелому пути, и, как много раз было проверено тогда, не из-за нужды, а в силу своего характера и расчета» (Кепов, 2002). 4-е управление НКВД СССР, составляя разведывательную сводку о положении во временно оккупированных противником районах на 20 ноября 1942 г., отмечало, что в Смоленске за время оккупации выросла проституция: «до 1800 девушек и женщин» (а это – 50–60 % проживавших в городе) легально и нелегально «занимаются этим позорным ремеслом»⁵¹.

Такие факты на публичное обсуждение не выносили, но они позволяют констатировать: те, кто шел в бордели по собственной воле, были (Кепов, 2002). Однако добровольно стремящихся на работу в бордель-хаусы в качестве оказывающих сексуальные услуги на оккупированной территории СССР оказалось намного меньше, чем требовалось для постоянного функционирования «пунктов отдыха комбатантов», поэтому оккупанты активно использовали иные способы пополнения рядов сексуальных рабынь.

Один из них – деятельность специальных агентов. В числе таких специалистов была фрау Каролина Штейнгольц. На оккупированной территории СССР она занималась «привычным и знакомым ей делом. Она организовывала публичные дома для господ офицеров немецкой армии. Это и была ее основная должность. Она прекрасно знала вкус господ офицеров и неутомимо рыскала по захваченным городкам и селам в поисках жертв. Насильно увозила девушек из родных домов, под угрозой расстрела заставляла их находиться в публичных домах»⁵². Сопrotивление молодых женщин ее не смущало: «она собственноручно застрелила двух девушек-колхозниц, которые отказались даже под угрозой расстрела пойти в публичный дом. Застрелила их на сельской площади, спокойно положила револьвер в кобуру и на штабной

⁵¹ Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». (1942). *Разведывательная сводка № 8 4-го управления НКВД СССР* (с. 10). <http://victims.rusarchives.ru/razvedyvatelnaya-svodka-no-8-4-go-upravleniyankvd-sssr-o-polozhenii-vo-vremenno-okkupirovannykh>

⁵² Сысоев, В. (1941, 30 декабря). Фрау Каролина. *Социалистическая Якутия*.

машине уехала дальше»⁵³. Распространенным способом отбора девушек в публичный дом было использование биржи труда. В соответствии с распоряжениями оккупационных властей «все женщины 1923 года рождения, проживающие на территории городов Орла, Брянска, Карачева, Жиздры, Бежицы, включая пригороды, или же временно проживающие на этой территории, обязаны, согласно расклеенным на улицах этих городов объявлениям, явиться в соответствующую биржу труда. Лица, фамилии которых начинаются с буквы А до М, – 27 мая до 12 часов, работающие – по полудни. Явке подлежат все, независимо от семейного положения и независимо от того, работают ли они или безработные. Не явившиеся будут строго наказаны»⁵⁴; «явке и освидетельствованию подлежат все без исключения женщины, русскоподданные, рождения 1924 г. и 1925 г., независимо от рода их занятия в настоящее время» (Агеева & Трапш, 2023).

Осуществляя регистрацию трудоспособного населения, оккупационные власти могли использовать трудовые ресурсы по своему усмотрению, в том числе для пополнения бордель-хаусов. Места регистрации женщин фактически становились биржей живого товара (Кринко & Сак, 2023).

Через биржи труда открыто предлагали работу в домах терпимости Симферополя⁵⁵. Были предложения и не прямые (обманные) – приглашения работать официантками в разных городах. Газета «Донецкий вестник» (Сталино), например, публиковала объявления о вакансиях и призывала девушек города работать «официантками по обслуживанию немецкого и итальянского командования за оплату по договоренности»⁵⁶, проживание и питание. Местом работы прибывших для трудоустройства реально оказывался публичный дом. Газете «Красная Армия» очевидцы сообщали, что в Харькове «идет отбор молодых девушек для офицерских и солдатских публичных домов... Вначале девушек отправляют на работу в качестве официанток. Через несколько дней их вызывает немецкий врач, приказывает раздеться догола и после осмотра объявляет: “Вы зачисляетесь на службу в публичный дом”»⁵⁷.

Распространенным способом пополнения числа сотрудниц борделей были облавы. Командиру партизанского отряда в августе 1941 г. сообщали, что фашистские штурмовики в деревне устроили облаву, «согнали на площадь всех женщин и отобрали 20 молодых девушек. Офицер заявил, что они будут отданы в публичные дома для солдат»⁵⁸. В Пожеревицком районе Ленинградской области гитлеровцы «согнали из деревень полтора десятка девушек [и] ... бросили [их] в публичный дом»⁵⁹.

Девушки, работавшие в «Гостинице “Великобритания”» (Сталино), рассказывали, что они очутились в числе сексуальных рабынь после того, как во время ночной облавы у них дома полицейские изъяли паспорта, а позже, когда они обратились для возврата документов, их насильно отправили в бордель (Кринко & Сак, 2023). Сопrotивлению отправки в публичный дом «не помогают ни протесты, ни мольбы, ни слезы. Остается одно из двух –

⁵³ Сысоев, В. (1941, 30 декабря). Фрау Каролина. *Социалистическая Якутия*.

⁵⁴ Черные дни Жиздры. (1943, 18 августа). *Разгромим врага*.

⁵⁵ Туровский, М. (1942, 30 октября). Зверства гитлеровцев в Крыму. *Вечерняя Москва*.

⁵⁶ Открывается гостиница. (1942, 12 марта). *Донецкий вестник*.

⁵⁷ Что творят гитлеровские рабовладельцы на Украине. Рассказ учительницы Оксаны Дубенок. (1942, 17 сентября). *Учительская газета*, с. 4.

⁵⁸ От Советского Информбюро. (1941, 1 сентября). *Коллективное животноводство*.

⁵⁹ Антифашистский митинг советских спортсменов в Москве: Самоотверженно трудись, и ты ускоришь разгром врага! Речь Галины Туровой. Заслуженный мастер спорта, методист лечебной физкультуры военного госпиталя. (1942, 4 августа). *Советский спорт*.

либо удрать из города (что почти невозможно), либо, чтобы избежать позора, покончить жизнь самоубийством»⁶⁰.

В условиях не случившейся молниеносной войны разнообразие в быт комбатантов вносили «отпуски для посещения публичных домов»⁶¹, где, по свидетельствам немецкого генерал-фельдмаршала, в 1941 г. главнокомандующего сухопутными войсками вермахта В. фон Браухича, «военнослужащие... пьянствуют и безобразничают»⁶².

Условия работы в борделях различных городов, скорее всего, принципиальных отличий не имели. Начало трудового дня – 16:00. Ежедневное количество клиентов зависело от многих факторов. В распорядке работы «Итальянского казино» в Сталино «указывалось максимально допустимое количество посетителей на одну “девушку” – до 30 человек в день» (Кринко & Сак, 2023). Но в реальной жизни число клиентов было и большим.

Бордель-хаусы пользовались спросом, часто для их посещения нужно было стоять в очереди. Заведения для офицеров официально работали до полуночи, но фактически закрывались гораздо позже. Солдатам оставаться в борделях на ночь запрещалось. За соблюдением этого правила должны были следить патрульные.

Посещение борделей офицерами и солдатами было платным. Стоимость услуг барышень была везде одинаковой – 3 марки, или 30 руб. Девушки получали 30–50 % от этой суммы и имели совокупный доход в 3–9 тыс. рублей в месяц без учета стоимости шоколада, мыла, одеколона, конфет, чулок, иного белья, которые посетители дарили девушкам, и оставляемых чаевых.

Для посещения бордель-хауса комбатантам нужен был пропуск. Офицерам выдавали постоянные пропуска. Их печатали типографским способом массовым тиражом на полукартоне желтого цвета, традиционно используемого для обозначения сексуальной коммерции, отмечая, что он предназначен для входа в дома терпимости. На пропуске фиксировались права и обязанности обладателя: «Без права передач. Предъявлять по требованию. Чек на 5-минутный поцелуй»⁶³.

«Солдатам выдают именные карточки с отрывными талонами. Пытаясь хоть несколько завуалировать существо талонов, фашистская верхушка тщательно разработала наименование талонов, – сообщал полковой комиссар М. Калашник в октябре 1941 г. – Тут: "языковый поцелуй", "затяжной поцелуй", "поцелуй в лунную ночь", "случайный поцелуй", "пятиминутный жаркий поцелуй" и т. д. Все это названия одного совершенно понятного существа»⁶⁴.

Свидетельством о работе заведений, куда комбатанты прибывали с подобными пропусками, является записка о жизни Пскова в условиях оккупации, подготовленная на основе разведанных: «Созданы крупные публичные дома... [которые] пользовались большим спросом, и были дни, когда перед этими домами выстраивались очереди»⁶⁵.

С особой фантазией оккупанты подошли к организации борделей в городе Пушкин Ленинградской области. «Фашистские развратники открыли в каждом своем полку по 2 публичных дома. Русских девушек в эти дома полк получает по заявкам немецкой комендатуры. Получив заявку, представитель полка идет на дорогу, где работает гражданское население, там выбирает

⁶⁰ Что творят гитлеровские рабовладельцы на Украине. Рассказ учительницы Оксаны Дубенок. (1942, 17 сентября). *Учительская газета*, с. 4.

⁶¹ Майский, П. (1942, 10 января). Ленинградский фронт. *Известия*; Майский, П. (1942, 11 января). Ленинградский фронт. *Социалистическая Якутия*.

⁶² Эренбург, И. (1941, 8 августа). Бескорыстные взломщики. *Правда*.

⁶³ Калашник, М. (1941, 24 октября). О чем говорят письма... *Знамя Родины*.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ *Псковские хроники*. (2004). Вып. 4, с. 21.

девушку и силой тащит ее в публичный дом»⁶⁶. По показаниям испанского солдата И. Рубио, добровольно перешедшего на сторону Красной Армии, «некоторых русских женщин заставляют работать уборщицами в воинских частях. Это молодые девушки. Для таких девушек полк имеет 2 публичных дома. В них живут по 20–25 русских девушек. Каждый дом охраняется отделением солдат во главе с капралом. Утром приходит солдат и отводит девушку туда, где она должна работать, а вечером приводит обратно “домой”. Этих девушек полк получил от комендатуры по заявке»⁶⁷.

Плененный под Ленинградом лейтенант германской армии А. Гуммель рассказывал, что в землянках холод и полуголодное существование изнуряли солдат, а быт офицеров скрашивался только отпусками для посещения публичных домов⁶⁸. Нацисты согнали девушек в дом терпимости и изготовили альбом с фотографиями пленниц. «Русские лица, искаженные ужасом, позором, нечеловеческой тоской»⁶⁹, – делился впечатлениями от просмотра трофейного фотоальбома военный корреспондент И. Эренбург. У каждой девушки на груди бляха с номером. Немецкие офицеры рассматривали альбомы и заказывали: «Выслать в блиндаж двух девиц, номера такие-то»⁷⁰.

Социально-медицинские аспекты работы домов терпимости

Перед администрацией оккупированных территорий, стремящейся поддержать боеспособность военнослужащих созданием борделей, стояла важная задача – не допустить распространения венерических заболеваний. В бордель-хаусы направляли женщин, здоровье которых, по свидетельству медиков, не вызывало сомнений. Медицинский осмотр являлся обязательным условием обеспечения работы публичных домов⁷¹. Предварительный осмотр врача был правилом посещения борделя. Офицеры и солдаты вермахта перед каждым посещением бордель-хауса проходили проверку у войскового врача, а барышни несколько раз в неделю осматривались венерологом. Каждого посетителя регистрировали в специальном журнале, который при необходимости мог помочь установить путь передачи инфекции и своевременно изолировать больных.

Перед посещением барышни в борделе от военнослужащего требовалось заполнить специальную квитанцию. Востребованность таких квитанций была настолько велика, что печатали их в типографии массовым тиражом. У одного из пленных – немецкого обер-ефрейтора Клинка сохранилась одна из таких квитанций:

*«Армейский публичный дом. Псков. Горная улица, 3.
Номер партнёрки: А-8.
Номер комнаты: 12.
День общения: 21.8.43.
Немедленная дезинфекция после общения есть долг».*

⁶⁶ Бойцов, С. (1943, 3 июня). Что творится в Пушкине. *На страже Родины*.

⁶⁷ Что творится в Пушкине. (1943, 31 мая). *Удар по врагу*, с. 2.

⁶⁸ Майский, П. (1942, 11 января). Разговор с Августом Гуммелем. *Известия*; Майский, П. (1942, 5 февраля). Разговор с Августом Гуммелем. *Социалистическая Якутия*.

⁶⁹ Эренбург, И. (1942, 8 ноября). Смерть колбаснику! *Патриот Родины*.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Фашистские зверства на Дону. (1942, 15 августа) *Звезда Советов* (57 А); Леонидов, Ю. (1942, 29 сентября). Крымские партизаны. *Красный флот*; Что дала советская власть трудовому крестьянину. (1942, 13 ноября). *Колхозная правда*.

На обороте этой черной квитанции стоит штамп дезинфекционного пункта и имя обер-ефрейтора Клинка – посетителя бордель-хауса⁷².

Несмотря на организацию медицинского контроля встреч в борделях, неоднократная смена клиентов приводила к инфицированию и персонала, и посетителей: «Заражение... шло взаимное, и большинство женщин из этих домов возвращалось с венерическими болезнями»⁷³. Если у потенциального посетителя обнаруживали признаки венерической болезни, его отправляли в лазарет, а после излечения – на три недели в карцер (Кринко & Сак, 2023). Однако применением этих мер желаемого результата не добивались: случаи распространения венерических заболеваний среди военнослужащих оставались частыми⁷⁴.

В Курске «перед войной... совершенно исчез сифилис. Немцы заразили Курск. По немецкой статистике, среди гражданского населения регистрировалось в декаду от 70 до 80 случаев заболевания венерическими болезнями»⁷⁵. В Таганроге только за один год оккупации заболевания сифилисом выросли на 2700 %. За два месяца после освобождения города советскими войсками (ноябрь–декабрь 1943 г.) кожно-венерологический диспансер оказал помощь 14 367 обратившимся (Кринко & Сак, 2023). Почти в четыре раза выросла посещаемость кожно-венерологической больницы в Ростове-на-Дону, большинство обратившихся за медицинской помощью составляли женщины. В Старой Руссе за время немецкой оккупации заболели венерическими болезнями 20 % всех женщин, загнанных немцами под угрозой расстрела в дома терпимости⁷⁶.

Архивные документы свидетельствуют и о фактах уничтожения венерических больных по распоряжению оккупационных властей (Титаренко, 2020), и об отдельных фактах получения барышнями квалифицированной медицинской помощи (Сак, 2024а). После лечения большинство девушек на работу в публичные дома уже не возвращалось (Кринко & Сак, 2023).

Личностные аспекты деятельности заведений по предоставлению сексуальных услуг

Какие аргументы становились основой выбора стратегии индивидуального выживания в экстремальной ситуации и добровольной работы женщин в бордель-хаусах в военные годы?

Один из очевидных мотивов – необходимость обеспечить пропитание себе, детям, престарелым родителям. Голод был постоянным спутником жизни в оккупации, и получение пищи являлось ключевой задачей для выживания. После обязательной регистрации на бирже труда большинство женщин направлялось на тяжелые восстановительные работы, которые не всем были по силам. Пайка, получаемого за изнурительный труд, едва хватало для утоления голода, в связи с чем «многие женщины на почве голода вступают в отношения с немцами»⁷⁷, – констатировало Управление НКВД по Курской области в марте 1942 г. «Немцы растлевают массу молодежи – женщин и девушек, доведенных до отчаяния голодом и террором, за кусок хлеба», –

⁷² Дымшиц, А. (1943, 16 декабря). Воины Красной Армии, наш гнев живёт в делах, в мести! Смерть проклятым фрицам! *На страже Родины*.

⁷³ *Псковские хроники*. (2004). Вып. 4, с. 241.

⁷⁴ Аркадий, Б. (1942, 21 апреля). Псков в цепях. *Правда*.

⁷⁵ Эренбург, И. Г. (2004). *Война. 1941–1945* (с. 375). ООО «Агентство «КРПА Олимп».

⁷⁶ Поляков, А. (1942, 28 марта). В Старой Руссе. *Тревога*.

⁷⁷ Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». (1942). *Бюллетень № 7 УНКВД по Курской области, направленный зам. наркома внутренних дел СССР Б. З. Кобулову, о положении в оккупированных районах Курской области за период с 1 по 31 марта 1942 г.* <https://victims.rusarchives.ru/byulleten-no-7-unkvd-po-kurskoy-oblasti-o-polozhenii-v-rayonakh-kurskoy-oblasti-okkupirovannykh>

вспоминал военнопленный, попавший к партизанам (Сак, 2024а). Заведующая хозяйственной частью борделя в Ростове-на-Дону подчеркивала, что девушки пришли в «казино» «отнюдь не по доброй воле»: «Их загнала сюда, в эту клоаку, немецкая власть, запугавшая свои жертвы голодом, гестапо, высылкой, расстрелом... Шли сюда и женщины, обремененные семьей, дети которых буквально умирали от голода: сюда их приводило желание любой ценой, даже ценой продажи врагам своего собственного тела, спасти своих детишек от голодной смерти...» (Кринко & Сак, 2023).

Проституция давала возможность прокормить себя и свою семью, позволяла получить бронь от отправки в Германию и на работы по рытью окопов или расчистке дорог. В борделях барышни обеспечивались питанием. По словам работницы бордель-хауса в Сталино, ее ежедневную норму составляли: «хлеба 600 гр., масло 40 гр., колбаса 200 гр., 2 палочки конфет, кофе, борщ, консервы мясные, сигареты» (Сак, 2024а). Барышни становились одной из наиболее защищенных групп населения в оккупации. Поэтому факт привода в публичный дом 16-летней девушки собственной матерью имел объяснение: женщина пришла в бордель «или из острой нужды... или спасая дочь от увоза в Германию» (Кринко & Сак, 2023).

«Часть девушек шла в эти дома из-за материальной необеспеченности, а часть для того, чтобы своим телом подзаработать себе на лишние “тряпки” и пожить праздной и развратной жизнью»⁷⁸, обеспечивая себе «пир во время чумы»⁷⁹.

С учетом того, что в борделях можно было вести разведывательную работу, собирая сведения, «которые могли разболтать подвыпившие клиенты», работа публичных домов на оккупированной территории привлекала особое внимание советских органов государственной безопасности (Ковалев, 2009).

Барышни в условиях оккупации приобретали относительную устойчивость и защищенность, но в обществе сограждан они превращались в изгоев. Местные жители к легализации проституции относились крайне негативно, стратегии выживания, основанные на проституции, не оправдывали ни голодом, ни угрозой жизни, а поэтому открыто осуждали всех, кто причастен к работе борделей, – и барышень, и обслуживающий персонал.

О создании «Дома благородных девиц» – борделя в Великих Луках местная жительница Л. А. Вишнякова отзывалась так: «Когда я узнала, что в нашем городе организуется столь гнусное заведение, я сказала, что рада за то, что моя племянница погибла от бомбежки, что она не будет знать об этом ужасном доме и не попадет в него» (Ковалев, 2009).

Сотрудники бордель-хаусов двойственность своего положения осознавали. Девушки, по словам уборщицы «Итальянского казино» в Сталино, «даже стеснялись выйти на базар, потому что люди знали, что они работали в доме терпимости» (Кринко & Сак, 2023). Обслуживающий персонал публичных домов свое место работы не афишировал. «Трудовые коллективы» борделей старались дистанцироваться от всех общественных отношений с соотечественниками.

Оккупационные власти называли проститутку патриотками Германии, обещали им различные привилегии по окончании войны⁸⁰. Но пока война еще шла, пренебрежительное отношение к барышням со стороны оккупантов не скрывалось. Выдавая им пропуски и иные документы на немецком языке, место их трудоустройства власти указывали незавуалированно – бордель. Над предъявительницами таких пропусков немецкие патрульные открыто

⁷⁸ Псковские хроники. (2004). Вып. 4, с. 241.

⁷⁹ Эренбург, И. Г. (2004). *Война. 1941–1945* (с. 376). ООО «Агентство «КРПА Олимп».

⁸⁰ Титаренко, Д. Н., Пентер, Т. (2013). *Опыт нацистской оккупации в Донбассе: свидетельствуют очевидцы* (с. 234). Світ книги.

смеялись, понимая неоднозначность их положения и возможные перспективы «вышвыривания»⁸¹ при приобретении «производственных травм» – заражении венерическими заболеваниями.

В условиях ликвидации в довоенном СССР проституции как открытого социального явления и формирования в общественном сознании отношения к проституции как к преступлению, средства массовой информации обращали внимание на эту сторону деятельности оккупационных властей и использовали образ поруганного женского тела для разжигания ненависти к врагу: «Идя в бой, вспомни, боец, о русских девушках, загнанных в публичные дома... ставших рабынями немецких баронов. Бей, беспощадно бей, немцев! Истребляй фашистских мерзавцев»⁸².

*«Боец! Не забудь! Не прости!
Такое не может забыться!
За русскую женщину МСТИ
кровавым немецким убийцам!»⁸³.*

Образы насилия обеспечивали эмоционально насыщенную реакцию против врага.

Когда обстановка на фронте изменилась, часть барышень отступила вместе с вермахтом добровольно, часть – была угнана силой вместе с комбатантами⁸⁴, часть – осталась в родных местах.

Психологические аспекты устройства послевоенной жизни

После Победы женщин только за половую связь с оккупантами к уголовной ответственности не привлекали. Наказанию подлежали содержатели домов терпимости, но не барышни, оказывавшие сексуальные услуги в бордель-хаусах. Однако жить в послевоенное время с глубокой психологической травмой и с клеймом «фашистская подстилка» было нелегко. Случалось, женщины, насильно вовлеченные в проституцию, силой загнанные в офицерские и солдатские публичные дома, не выдерживая позора, совершали самоубийства⁸⁵.

Еще хуже приходилось детям, рожденным от оккупантов, которых с детства дразнили фашистенком, немцем или испанцем. В марте 1943 г. оккупационными властями было принято решение о праве русской матери при рождении ребенка от немецкого солдата на алименты: «При регистрации внебрачных детей, которые происходят от германских отцов, надо одновременно представить доказательства, которыми подтверждается отцовство германского солдата... Содержание детей, относительно которых установлено, что отцом их является германский гражданин, обеспечивается уплатой текущего пособия. Пособие составляет ежемесячно 200 руб. и выплачивается матери районной кассой ежемесячно вперед со дня рождения ребенка» (Ковалев, 2009). Объявление в Старой Руссе сообщало, что «при рождении девятого живого ребенка или седьмого сына родители имеют право выбирать в крестные Адольфа Гитлера или имперского маршала Германа Геринга»⁸⁶.

⁸¹ Аркадий, Б. (1942, 21 апреля). Псков в цепях. *Правда*.

⁸² Кирсанов, С. (1943, 27 января). Немцы загоняют русских девушек в публичные дома. *Отважный воин*.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Слесарев, П. (1943, 10 марта). На смоленской земле. *Красная звезда*.

⁸⁵ Нота народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова о чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления. (1942, 28 апреля). *Красный флот; Известия*. (1942, 28 апреля).

⁸⁶ Поляков, А. (1942, 28 марта). В Старой Руссе. *Тревога*.

Ребенок, рожденный от немецкого военнослужащего, в условиях оккупации мог быть определенной формой заработка. Но после прихода советских войск ситуация кардинально менялась. Б. Н. Ковалев приводит обнаруженный им в архивных материалах факт: за три года, пока Северо-Запад России был оккупирован нацистами, местная жительница родила от них двух детей. В первый же день после освобождения своей деревни она вышла на дорогу, положила туда своих малышек и с криком «Смерть немецким оккупантам!» убила их булыжником (Ковалев, 2009).

Заключение

Легальная проституция и «горизонтальный» коллаборационизм стали стратегиями выживания женщин на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны. Избрав ресурсом выживания свое тело, женщина, насильно или по своей воле попавшая в бордель, оказывалась в ситуации двойной гендерной дискриминации – одновременно и как «унтерменш» («недочеловек»), и как трофей, и становилась заложницей двойных стандартов, с одной стороны, являясь помощницей новых оккупационных властей, которые поддерживали ее защищенность и материальное обеспечение, с другой стороны, становясь изгоем в своем прежнем окружении, которое оценивало проституцию как преступление и предательство.

«Можно ли обвинять наших женщин и девушек в том, что они жили и живут с немцами не насильно, а добровольно? – задавал себе вопрос майор Красной Армии Д. В. Жигунов в своем фронтовом дневнике 1943 г., рассуждая о тех, кто вступал в сексуальные отношения с немцами. – Не знаю, сейчас я не берусь сказать ни да, ни нет. А в 1941–1942 г. с декабря по июнь месяц и сказал бы: да, виноваты и подлежат расстрелу. Так и было, когда я со своим батальоном громил и гнал немцев на запад от Тихвина, были тоже такие случаи, их расстреливали без жалости, как и немецкую сволочь. А теперь почему-то я не решаюсь взять на себя решение этого вопроса...»⁸⁷.

Несмотря на то, что в странах-участницах Второй мировой войны были приняты правовые акты, в которых насилие оценивалось как преступление, и проблема сексуального насилия поднималась на советских открытых судебных процессах над нацистскими преступниками и их пособниками, за принуждение к занятию проституцией и сексуальное рабство никто осужден не был. На советских открытых судебных процессах и в Нюрнбергском трибунале женщины жертвами официально признаны не были, компенсации не получили.

Мысль о возможности взыскания компенсации за жизни мирных граждан в советском руководстве обдумывалась еще в годы войны, а ЧГК обсуждала основания для компенсации морального ущерба за изнасилования. В архивных фондах ЧГК К. В. Сак обнаружила записку неизвестного автора с рассуждениями о том, что, по его предположению, солдатами и офицерами вермахта за годы войны насилию подвергнутся 25 тыс. девушек и 40 тыс. замужних женщин и вдов. В качестве компенсации он предлагал взыскивать за девушек по 5 тыс. рублей золотом, а за остальных – по 3 тыс. рублей золотом. Получалось, что побежденная Германия только по факту изнасилований должна была выплатить 245 млн рублей золотом (Сак, 2024а). Однако было решено счета за людские потери и за поруганную честь женщин противнику не предъявлять, так как «честь советской женщины не измеряется деньгами» (Сак, 2024а).

В процессе подготовки Международного трибунала в Нюрнберге был принят Закон о наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против

⁸⁷ Жигунов, Д. В. *Дневник*. Прожито. <https://prozhito.org/note/439015>

человечности⁸⁸. «Изнасилование или другие бесчеловечные действия, совершаемые против любого гражданского населения» статья II относилась к преступным действиям. Однако сексуальное насилие как особое военное преступление квалифицировано еще не было.

Масштабы насилия над женщинами в период Второй мировой войны обусловили принятие в 1949 г. Женевской конвенции о защите жертв войны⁸⁹. Но трагическая сторона женской военной повседневности приобрела оттенок постыдности и дискредитации самих жертв. После Победы проблемы половой и гендерной дискриминации, изнасилований и принуждения к проституции утратили свое прагматичное значение для пропаганды. В официальной политике памяти опыт выживания женщин в экстремальных условиях оккупации был предан коллективному забвению и исключен из коллективной памяти.

Вопросы о том, как экстремальные условия Великой Отечественной войны влияли на выбор женщинами форм выживания, кто должен нести ответственность за лишение женщин права на собственное тело и его неприкосновенность, до настоящего времени остаются открытыми. Различные обстоятельства вовлечения в проституцию и исключительно тяжелые условия жизни в оккупации требуют дифференцированного подхода к изучению проблемы легальной проституции в контексте коллаборационизма и сексуального насилия.

В условиях «войн памяти» XXI в. и в стремлении переоценить потери советского народа и его вклад в Победу над фашизмом во Второй мировой войне принуждение к проституции на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны должно быть квалифицировано как преступление нацистов против мирного населения, оказавшее влияние на развитие послевоенного мира.

Список литературы

- Агеева, В. А., Трапш, Н. А. (2023). Насильственное перемещение гражданского населения города Таганрога на принудительные работы в Третий рейх: опыт комплексной характеристики. *Известия Коми научного центра УрО РАН*, 5 (63), 157–165. <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2023-5-158-165>
- Дюков, А. Р. (2007). *За что сражались советские люди: "Русский не должен умереть"*. Москва: Яуза. (Война и мы. Военное дело глазами гражданина). ISBN 978-5-699-22722-8. EDN QPGMCN
- Кепов, А. Г. (2002). Курск в период оккупации 1941–1943 гг. *Курские мемуары*, (2), 42–43.
- Ковалев, Б. Н. (2009). *Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы*. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. ISBN 978-5-98769-061-1. EDN YASQNF
- Кринко, Е. Ф. (2023). Новые подходы и проблемы в изучении нацистской оккупации советских территорий в годы Великой Отечественной войны. В *Фундаментальные исследования, инновационные технологии и передовые разработки в интересах долгосрочного развития Юга России: материалы Международного научного форума, посвященного 20-летию ЮНЦ РАН* (Ростов-на-Дону, 08–10 февраля 2023 года, стр. 349–352). Ростов-на-Дону: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук». EDN FDJSID

⁸⁸ Закон № 10 о наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности. (1945, 20 декабря). В *Нюрнбергский процесс: сборник материалов: В 8 т.* (Т. 1, с. 159–164). Юридическая литература.

⁸⁹ Организация Объединенных Наций. (1949, 12 августа). *Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны*. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml

- Кринко, Е. Ф., Сак К. В. (2023). «Дома терпимости» в Ростовской и Сталинской областях в период немецкой оккупации в 1942–1943 гг. *Уральский исторический вестник*, 2 (79), 106–115.
- Лотарева, Д., Тихонов, В. (2014). Собеседник Рокоссовского. *Родина*, 12, 27–30.
- Нижник, Н. С. (2025a). «Горизонтальный» коллаборационизм как стратегия выживания в условиях Великой Отечественной войны. В *Женщины и мужчины в экстремальной повседневности народов России и мира: материалы XVIII Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН* (Казань, 25–28 сентября 2025 года, стр. 141–144). Москва: Институт этнологии и антропологии РАН.
- Нижник, Н. С. (2025b). Принуждение к проституции – преступление нацистов против мирного населения оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны. *Вестник Уральского юридического института МВД России*, 2 (46), 32–41.
- Никонова, О. Ю. (2005). Женщины, война и «фигуры умолчания». *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, 2–3 (40–41), 282–289.
- Реброва, И. В. (2008). «Женская» повседневность в проблемном поле истории Великой Отечественной войны. *Женщина в российском обществе*, 2 (47), 25–33.
- Сак, К. В. (2024a). Женская повседневность в оккупации: сексуальное насилие в документах и советской пропаганде. *Quaestio Rossica*, 12 (2), 601–616. <https://doi.org/10.15826/qr.2024.2.898>
- Сак, К. В. (2021). Изнасилования на Восточном фронте: расследование, преступники и их жертвы. В *Трагедия войны: Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века* (с. 128–143). Москва: Издательский дом «Российское военно-историческое общество», Яуза-каталог. ISBN 978-5-00155-309-0.
- Сак, К. В. (2024b). Преступления против женщин в оккупированных национальных автономиях Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 15 (12-2 (146)). Получено из: <https://history.jes.su/s207987840033814-4-1/>. <https://doi.org/10.18254/S207987840033814-4>
- Сак, К. В. (2025). Социальная адаптация советских женщин к условиям нацистской оккупации (1941–1944 гг.). *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 16 (S24). <https://history.jes.su/s207987840034611-1-1/>. <https://doi.org/10.18254/S207987840034611-1>
- Титаренко, Д. Н. (2020). Судьба инфекционных и венерических больных в период нацистской оккупации (на примере Украины). В *Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне* (Ростов-на-Дону, 10–11 сентября 2020 года, стр. 418–427). Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН.
- Beck, V. (2004). *Wehrmacht und sexuelle Gewalt: Sexualverbrechen vor deutschen Militargerichten, 1939–1945*. Schöningh.
- Berkhoff, K. C. (2004). *Harvest of despair: Life and death in Ukraine under Nazi rule*. Harvard University Press.
- Markwick, R. D., & Cardona, E. C. (2012). *Soviet women on the frontline in the Second World War*. Palgrave Macmillan.
- Mühlhäuser, R. (2010). *Eroberungen: Sexuelle Gewalttaten und intime Beziehungen deutsche Soldaten in der Sowjetunion, 1941–1945*. Hamburger Edition.
- Mühlhäuser, R. (2021). *Sex and the Nazi soldier: Violent, commercial and consensual encounters during the war in the Soviet Union, 1941–1945*. Edinburgh University Press.

- Sommer, R. (2009). *Das KZ-Bordell: Sexuelle Zwangsarbeit in nationalsozialistischen Konzentrationslagern*. Ferdinand Schöningh.
- Steinberg, J. (1995). The Third Reich reflected: German civil administration in the occupied Soviet Union, 1941–4. *The English Historical Review*, 110 (437), 620–651.
- Timm, A. F. (2001). The ambivalent outsider: Prostitution, promiscuity, and VD control in Nazi Berlin. In R. Gellately & N. Stoltzfus (Eds.), *Social outsiders in Nazi Germany* (pp. 192–211). Princeton University Press.
- Vinen, R. (2006). *The unfree French: Life under the occupation*. Yale University Press.

References

- Ageeva, V. A., Trapsh, N. A. (2023). Nasil'stvennoe peremeshchenie grazhdanskogo naseleniya goroda Taganroga na prinuditel'nye raboty v Tretij rejh: opyt kompleksnoj harakteristiki. *Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN*, 5 (63), 157–165. <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2023-5-158-165>
- Dyukov, A. R. (2007). *Za chto srazhalis' sovetskie lyudi: "Russkij ne dolzhen umeret"*. Moskva: Yauza. (Vojna i my. Voennoe delo glazami grazhdanina). ISBN 978-5-699-22722-8. EDN QPGMCM
- Kepov, A. G. (2002). Kursk v period okkupacii 1941–1943 gg. *Kurskie memuary*, (2), 42–43.
- Kovalev, B. N. (2009). *Kollaboracionizm v Rossii v 1941–1945 gg.: tipy i formy*. Velikij Novgorod: Novgorodskij gosudarstvennyj universitet imeni Yaroslava Mudrogo. ISBN 978-5-98769-061-1. EDN YASQNF
- Krinko, E. F. (2023). Novye podhody i problemy v izuchenii nacistской okkupacii sovetskih territorij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. V *Fundamental'nye issledovaniya, innovacionnye tekhnologii i peredovye razrabotki v interesah dolgosrochnogo razvitiya Yuga Rossii: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, posvyashchennogo 20-letiyu YUNC RAN* (Rostov-na-Donu, 08–10 fevralya 2023 goda, str. 349–352). Rostov-na-Donu: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie nauki «Federal'nyj issledovatel'skij centr Yuzhnyj nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk». EDN FDJSID
- Krinko, E. F., Sak K. V. (2023). «Doma terpimosti» v Rostovskoj i Stalinskoj oblastyah v period nemeckoj okkupacii v 1942–1943 gg. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 2 (79), 106–115.
- Lotareva, D., Tihonov, V. (2014). Sobesednik Rokossovskogo. *Rodina*, 12, 27–30.
- Nizhnik, N. C. (2025a). «Gorizontal'nyj» kollaboracionizm kak strategiya vyzhivaniya v usloviyah Velikoj Otechestvennoj vojny. V *Zhenshchiny i muzhchiny v ekstremal'noj povsednevnosti narodov Rossii i mira: materialy XVIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZHI i IEA RAN* (Kazan', 25–28 sentyabrya 2025 goda, str. 141–144). Moskva: Institut etnologii i antropologii RAN.
- Nizhnik, N. C. (2025b). Prinuzhdenie k prostitucii – prestuplenie nacistov protiv mirnogo naseleniya okkupirovannyh territorij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2 (46), 32–41.
- Nikonova, O. Yu. (2005). Zhenshchiny, vojna i «figury umolchaniya». *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 2–3 (40–41), 282–289.
- Rebrova, I. V. (2008). «Zhenskaya» povsednevnost' v problemnom pole istorii Velikoj Otechestvennoj vojny. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, 2 (47), 25–33.
- Sak, K. V. (2024a). Zhenskaya povsednevnost' v okkupacii: seksual'noe nasilie v dokumentah i sovetskoj propagande. *Quaestio Rossica*, 12 (2), 601–616. <https://doi.org/10.15826/qr.2024.2.898>
- Sak, K. V. (2021). Iznasilovaniya na Vostochnom fronte: rassledovanie, prestupniki i ih zhertvy. V *Tragediya vojny: Gumanitarnoe izmerenie vooruzhennyh konfliktov XX veka* (s. 128–143). Moskva: Izdatel'skij dom «Rossijskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo», Yauza-katalog. ISBN 978-5-00155-309-0.

- Sak, K. V. (2024b). Prestupleniya protiv zhenshchin v okkupirovannykh nacional'nykh avtonomiyah Severnogo Kavkaza v period Velikoj Otechestvennoj vojny. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*, 15 (12-2 (146)). Polucheno iz: <https://history.jes.su/s20798784-0033814-4-1/>. <https://doi.org/10.18254/S207987840033814-4>
- Sak, K. V. (2025). Social'naya adaptaciya sovetskih zhenshchin k usloviyam nacistской okkupacii (1941–1944 gg.). *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*, 16 (S24). <https://history.jes.su/s207987840034611-1-1/>. <https://doi.org/10.18254/S207987840034611-1>
- Titarenko, D. N. (2020). Sud'ba infekcionnykh i venericheskikh bol'nykh v period nacistской okkupacii (na primere Ukrainy). V *Velikaya Otechestvennaya vojna v istorii i pamyati narodov Yuga Rossii: sobytiya, uchastniki, simvoly: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 75-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne* (Rostov-na-Donu, 10–11 sentyabrya 2020 goda, str. 418–427). Rostov-na-Donu: Yuzhnyj nauchnyj centr RAN.
- Beck, B. (2004). *Wehrmacht und sexuelle Gewalt: Sexualverbrechen vor deutschen Militargerichten, 1939–1945*. Schönigh.
- Berkhoff, K. C. (2004). *Harvest of despair: Life and death in Ukraine under Nazi rule*. Harvard University Press.
- Markwick, R. D., & Cardona, E. C. (2012). *Soviet women on the frontline in the Second World War*. Palgrave Macmillan.
- Mühlhäuser, R. (2010). *Eroberungen: Sexuelle Gewalttaten und intime Beziehungen deutsche Soldaten in der Sowjetunion, 1941–1945*. Hamburger Edition.
- Mühlhäuser, R. (2021). *Sex and the Nazi soldier: Violent, commercial and consensual encounters during the war in the Soviet Union, 1941–1945*. Edinburgh University Press.
- Sommer, R. (2009). *Das KZ-Bordell: Sexuelle Zwangsarbeit in nationalsozialistischen Konzentrationslagern*. Ferdinand Schönigh.
- Steinberg, J. (1995). The Third Reich reflected: German civil administration in the occupied Soviet Union, 1941–4. *The English Historical Review*, 110 (437), 620–651.
- Timm, A. F. (2001). The ambivalent outsider: Prostitution, promiscuity, and VD control in Nazi Berlin. In R. Gellately & N. Stoltzfus (Eds.), *Social outsiders in Nazi Germany* (pp. 192–211). Princeton University Press.
- Vinen, R. (2006). *The unfree French: Life under the occupation*. Yale University Press.

Информация об авторе

Надежда Степановна Нижник – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

About the author

Nadezhda S. Nizhnik – Professor of the Department of Theory and History of State and Law of St. Petersburg University of the MIA of Russia, Dr. Sci. (Jurid.), Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 01.12.2025

Одобрена после рецензирования 16.12.2025

Опубликована 28.12.2025

Submitted December 01, 2025

Approved after reviewing December 16, 2025

Accepted December 28, 2025

УДК 343.6

Проблемы профилактики деятельности информационных деструктивных интернет-клубов

Александр Юрьевич Чудаков

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии
Российской Федерации
(Санкт-Петербург, Россия)
chief.chudakow@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3443-7908

Александр Александрович Горелов

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)
Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии
Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)
alexagorr@yabdex.ru
ORCID: 0000-0002-1067-1110

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию деятельности информационных деструктивных интернет-клубов в контексте провоцирования факторов риска суицидального поведения у подростков и молодых людей призывного возраста. Особое внимание уделяется анализу механизмов воздействия таких клубов на уязвимую психику молодых людей, находящихся в критическом периоде формирования личности, и их адаптации к социальным условиям, включая период призыва на военную службу. Кроме того, рассматриваются основные характеристики деятельности деструктивных интернет-клубов, их целевая аудитория, а также психологические и социальные факторы, способствующие вовлечению в них. **Методы исследования.** Теоретический анализ и обобщение научной, учебной и методической литературы, нормативных документов, результатов собственных исследований, опубликованных ранее, общепедагогические методы научного познания. **Результаты.** Представлен анализ ключевых механизмов, посредством которых происходит манипуляция сознанием, формирование искаженных представлений о жизни и смерти и, как следствие, повышение суицидального риска. **Практическая значимость.** Результаты исследования могут быть использованы для разработки профилактических мер и стратегий противодействия распространению деструктивного контента в сети.

Ключевые слова

девиантное поведение, суицидальное поведение, подростки, молодые люди призывного возраста, интернет-клубы, деструктивный контент, онлайн-сообщества, факторы риска, механизмы воздействия, профилактика

Для цитирования: Чудаков, А. Ю., Горелов, А. А. (2025). Проблемы профилактики деятельности информационных деструктивных интернет-клубов. *Российский девиантологический журнал*, 5 (4), 564–575.

Original paper

Problems of preventing the activities of destructive information internet clubs

Alexander Yu. Chudakov

Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation
(Saint Petersburg, Russia)

chief.chudakow@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3369-9490

Alexander A. Gorelov

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
(Yakutsk, Russia)

Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation
(Saint Petersburg, Russia)

alexagorr@yabdex.ru

ORCID: 0000-0002-1067-1110

Abstract

The article is devoted to the research of the activities of information destructive Internet clubs in the context of triggering risk factors for suicidal behaviour among adolescents and young people of conscription age. Particular attention is paid to analysing the mechanisms by which such clubs influence the vulnerable psyche of young people who are in a critical period of personality formation and adaptation to social conditions, including the period of conscription for military service. In addition, the main characteristics of destructive Internet clubs, their target audience, and the psychological and social factors contributing to membership in such clubs are examined. **Research methods.** The research is based on the theoretical analysis and generalisation of scientific, educational and methodological literature, regulatory documents, previously published results of the authors' own research, as well as general pedagogical methods of scientific cognition. **Results.** The authors provide an analysis of the key mechanisms used to manipulate consciousness, to create distorted perceptions of life and death, and, as a result, to increase the risk of suicide. **Practical significance.** The results of the study can be used to develop preventive measures and strategies to counter the spread of destructive content on the Internet.

Ключевые слова

deviant behavior, suicidal behavior, adolescents, young people of conscription age, Internet clubs, destructive content, online communities, risk factors, mechanisms of influence, prevention

For citation: Chudakov, A. Yu., Gorelov, A. A. (2025). Problems of preventing the activities of destructive information internet clubs. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (4), 564–575.

Введение

Современное общество характеризуется глубокой интеграцией цифровых технологий во все сферы жизни, что наряду с неоспоримыми преимуществами порождает новые вызовы и угрозы. Интернет, став неотъемлемой частью повседневности, предоставляет широкие возможности для коммуникации, получения информации и самовыражения. Он является средой общения интернет-пользователей с представителями различных социальных групп, представляет собой определенную систему сосредоточения информации, накопленной

в процессе филогенеза обществом. Это, по сути, главный источник информации для значительного числа жителей планеты, большую часть которого составляет молодежь. При этом молодое поколение предпочитает получать знания, находить ответы на различные вопросы, знакомиться друг с другом, развлекаться и т. п. именно через интернет (Берестовой, 2025). А. Н. Берестовой, ссылаясь на данные Internet World Stats (IWC)¹, констатирует, что еще в 2018 г. пользователей интернета насчитывалось более 4,2 млрд. человек (более половины всего населения планеты). В настоящее время их количество достигает 5,35 млрд, а пользователей социальных сетей – 5,04 млрд человек². При этом он считает, что при всех положительных контекстах интернет-пространства, создающего условия для социальных коммуникаций, даже при взаимодействии немногочисленных групп людей всегда возможны конфликты (Кикоть, 1997). Само интернет-общение порождает такие риски, как сбор находящейся в сети информации, позволяющей прогнозировать поведение конкретного человека; преследование стакерами; мошенничество, связанное с вымоганием финансовых средств; воздействие на малолетних детей и несовершеннолетних в целях вовлечения их в противоправные действия; выявление одиноких пожилых людей для овладения имуществом, жильем, финансами и др. (Берестовой, 2025). Кроме того, интернет-общение порождает существенные риски, связанные с проявлением девиантного поведения, распространением деструктивных идеологий, формированием различных сообществ, несущих опасность для психического здоровья людей (Берестовой, 2025; Ерофеева, Харламова, 2004; Касюк, 2021; Кириллова & Рогов, 2022; Кий, 2005; Чудаков и др., 2025а; Перепелова, 2024; Чудаков и др., 2024). Особую обеспокоенность вызывает феномен так называемых информационных деструктивных интернет-клубов, которые активно привлекают подростков и молодых людей, находящихся в уязвимом психоэмоциональном состоянии (Григорович и др., 2022; Кибрик и др., 1986; Ковалев, 1995). Период подросткового возраста и ранней юности, включая призывной возраст, является критическим этапом развития личности. В это время происходит активное формирование самосознания, поиск идентичности, становление системы ценностей и адаптация к социальным ролям (Гишинский, 2011). Молодые люди в этот период больше подвержены влиянию сверстников и авторитетных фигур, а также склонны к рискованному поведению. Сочетание этих факторов с доступностью деструктивного контента в интернете создает реальную угрозу для их психического благополучия и может способствовать развитию девиантного и суицидального поведения (Жардецкий, 2003; Полеев, 1990). Суицидальное поведение среди подростков и молодых людей остается одной из наиболее острых социальных, психологических, педагогических и медицинских проблем во всем мире. Понимание причин и механизмов, лежащих в основе этого явления, является первостепенной задачей для разработки эффективных мер профилактики и интервенции. В данном контексте исследование роли информационных деструктивных интернет-клубов как фактора риска суицидального поведения приобретает особую актуальность (Чудаков и др., 2025а; Чудаков и др., 2025b). Т. В. Кириллова и А. В. Рогов (2022) на основе аналитических девиантологических исследований, касающихся проблем суицидов в России, констатировали наличие зависимости суицидальных проявлений от социально-демократической и политической ситуации в государстве.

Основная часть

Интернет-сообщества, пропагандирующие деструктивное поведение, представляют собой серьезный риск суицидальных наклонностей у слабовольных, внушаемых виктимных

¹ Internet World Stats. (2019). *World Internet Users Statistics and 2019 World Population Review*. <https://www.internetworldstats.com/stats.htm>

² Kemp, S. (2025, 5 февраля). *Digital 2025: Global Overview Report*. DataReportal. <https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report>

подростков и молодых людей призывного возраста³ (Кибрик и др., 1986; Ковалев, 1995). Этот феномен, известный под различными названиями («Эхо бездны», «Код отчаяния», «Цифровая сирена» или «За гранью экрана»), включает онлайн-игры и флешмобы, целенаправленно подталкивающие участников к аутоагрессии, членовредительству и самоубийству. Примерами таких опасных явлений являются клубы «Синий кит», «Красный дельфин», «Новый путь», «Разбуди меня в 4:20», «50 дней до моего...» (... «самоубийства»), «Флаги». По данным МВД России, кураторами подобных «групп смерти» часто выступают несовершеннолетние жители Украины, замотивированные так называемыми «пропагандистами свободного образа жизни» разного рода бандеровскими лозунгами. Несмотря на проводящиеся в стране мероприятия по блокировке суицидального контента в социальных сетях, злоумышленники находят новые наступательные способы вовлечения молодежи. Например, использование зашифрованных методов общения через «позывные» и ассоциативные изображения. Потенциальных участников выделяют по определенным картинкам и хештегам на их страницах, а также аватарам с красной пентаграммой на черном фоне. Механизмы воздействия в таких «играх», как «Новый путь», похожи с «Синим китом»: кураторы дают задания, направленные на самоповреждение и доведение до суицида, требуя от подростков отправлять фотоотчеты о выполнении саморазрушающих заданий.

Для вовлечения молодежи в деструктивные сообщества и пропаганды суицидальных настроений вербуются исполнители, демонстрирующие крайние формы девиантного, аддиктивного и делинквентного поведения. Так, украинские последователи геббельсовской клеветы в качестве инструмента для информационных атак на нашу молодежь, наш образ жизни и наши моральные устои активно используют открытых гомосексуалистов, лесбиянок, а также лиц с зоофилическими, садистскими и мазохистскими наклонностями. Для примера можно привести лекцию, прочитанную в Санкт-Петербурге в Европейском институте поэтом-фриганом Кириллом Яковлевым, создателем проекта «Флаги» (где тиражировались в молодежной среде сексуальные извращения и суицидальное поведение) на тему: «Еда, мусор, мерзость: фриганские трансформации пищевых отходов», продвигающая идею поиска пищи на свалках и в мусорных баках.

Информационные деструктивные интернет-клубы представляют собой онлайн-сообщества, объединенные общими низменными прозападными интересами, которые носят деструктивный характер и направлены на пропаганду насилия, военных конфликтов, алкоголизма, наркомании, сексуальных извращений, смены пола, самоповреждения, суицида, а также на формирование искаженных представлений о реальности, ценностях и нормальной жизни. Эти «клубы по интересам» могут принимать различные формы – от закрытых форумов и групп в социальных сетях до специализированных сайтов и чатов. Их отличительной чертой является наличие модераторов или лидеров, которые активно формируют повестку дня, контролируют контент и направляют дискуссии в нужное русло. Целевая аудитория таких клубов, как правило, включает подростков и молодых людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, злоупотребляющих ПАВ, испытывающих трудности в адаптации, чувство одиночества, неудовлетворенность жизнью, низкую самооценку, а также тех, кто находится в состоянии психологического кризиса (Адлер, 2011; Амбрумова, 1997). Особую группу риска составляют молодые люди призывного возраста, которые дополнительно могут быть подвержены воздействию психоэмоционального стресса, связанного с такими факторами, как срочная служба в армии, возможность участия в специальной военной операции, разлука с семьей и близкими, неопределенное будущее и т. п.

³ Ашманов, И. С. (2022, 3 марта). Фейковое цунами. Как распознавать фейки про спецоперацию на Украине. Roem.ru. <https://roem.ru/03-03-2022/287576/tsunami-fake/>

Воздействие информационных деструктивных интернет-клубов на психику молодых людей осуществляется через комплекс взаимосвязанных психологических и социальных механизмов, включающих элементы нейролингвистического программирования (НЛП). НЛП в данном контексте выступает как мощный инструмент манипуляции, использующий тонкие, часто неосознаваемые техники воздействия на мышление, эмоции и поведение. Через специально подобранные слова, интонации, образы и даже структуру повествования деструктивные клубы способны формировать искаженное восприятие реальности, внушать идеи саморазрушения и обесценивать жизнь. Например, могут использоваться якоря – ассоциации между определенными стимулами (звуками, словами, изображениями) и сильными эмоциональными состояниями, которые затем активируются для вызова нужной реакции. Также применяются техники рефрейминга, позволяющие переосмыслить негативные события или мысли в выгодном для деструктивной идеологии свете, делая суицидальные намерения более приемлемыми или даже героическими. Кроме того, активно эксплуатируются паттерны языка, направленные на обход критического мышления, например, использование повелительных наклонений, обобщений и метафор, которые создают иллюзию неоспоримой истины и единственно возможного выхода из ситуации. Таким образом, НЛП становится не просто частью контента, а целенаправленной стратегией, формирующей уязвимость подростков и молодых людей к суицидальным идеям и побуждениям.

Одним из ключевых является эффект групповой поляризации, когда в закрытом сообществе, где доминируют деструктивные идеи, мнения участников становятся более экстремальными, а их убеждения укрепляются авторитетами интернет-клуба (Касюк, 2021; Чудаков и др., 2024; Чудаков и др., 2025а; Чудаков и др., 2025b).

Этот феномен проявляется в том, что изначально умеренные взгляды, разделяемые отдельными членами группы, под воздействием постоянного обсуждения и взаимного подкрепления в рамках закрытой онлайн-среды приобретают радикальный характер. Авторитетные фигуры внутри таких клубов, будь то администраторы или наиболее активные участники, целенаправленно формируют и транслируют искаженную картину мира, где суицид представляется как единственно возможный выход из сложных жизненных ситуаций или даже как акт героизма. В условиях групповой поляризации критическое мышление индивида подавляется, а стремление к конформности и принятию групповых норм становится доминирующим. Молодые люди, находящиеся в поиске идентичности и испытывающие трудности в адаптации к реальной жизни, становятся особенно восприимчивыми к подобному влиянию. Они могут воспринимать деструктивные идеи как единственно верные, а членов клуба – как единственных, кто их понимает. Это создает иллюзию принадлежности и поддержки, которая, однако, ведет к дальнейшей изоляции от здорового социального окружения и углубляет погружение в опасные мыслительные паттерны. Таким образом, групповая поляризация в деструктивных интернет-клубах выступает мощным катализатором, трансформируя потенциальные риски в реальные угрозы для жизни и здоровья молодежи.

По-нашему мнению, это происходит за счет отсутствия альтернативных точек зрения. При этом важную роль играет социальное заражение (массовый психоз). Наблюдая за поведением других членов клуба, особенно тех, кто воспринимается как авторитет или лидер, молодые люди могут начать имитировать их действия и установки, даже если они противоречат их собственным ценностям.

Социальное заражение в контексте деструктивных интернет-клубов проявляется в стремительном распространении депрессивных настроений, суицидальных мыслей и даже конкретных аутодеструктивных планов. Когда подросток или молодой человек попадает в такую среду, он оказывается под мощным психологическим давлением группы. Идеи, которые

в обычной жизни могли бы показаться ему чуждыми или пугающими, в рамках клуба начинают восприниматься как нормальные, даже желательные. Это происходит потому, что он видит, как другие участники, которых он начинает считать «своими», разделяют эти идеи, обсуждают их, а иногда и открыто демонстрируют свою приверженность. Особенно опасен эффект «зеркалирования» поведения. Лидеры или наиболее активные участники клуба, как правило, обладающие харизмой или умением манипулировать, становятся ролевыми моделями. Их слова и действия, даже если они несут в себе явный деструктивный посыл, воспринимаются как авторитетные. Молодой человек, стремясь к принятию в группе, к ощущению принадлежности, начинает неосознанно подстраивать свое поведение и мышление под общие тенденции. Это может проявляться в использовании специфического сленга, в принятии определенной философии жизни, а в крайних случаях – в имитации самоповреждающих (членовредительских) и суицидальных действий, которые он видит в сети. Отсутствие прямого контакта и физической близости в онлайн-среде парадоксальным образом усиливает этот эффект. Анонимность позволяет снять внутренние барьеры и страхи, делая человека более восприимчивым к влиянию группы. В реальной жизни социальные нормы, родительский контроль и личные связи служат естественными ограничителями деструктивного поведения (Гишинский, 2011). В виртуальном же пространстве эти механизмы ослаблены или вовсе отсутствуют, что создает благодатную почву для распространения опасных идей и формирования массового психоза, направленного на саморазрушение.

Этот процесс усиливается в условиях анонимности и отсутствия непосредственного родительского и социального контроля. Негативное воздействие на когнитивные процессы молодых людей также является важнейшим механизмом воздействия на их психику. Деструктивные клубы часто используют такие манипулятивные техники, как рационализация (представление деструктивных идей как логичных и оправданных), минимизация (уменьшение значимости негативных последствий) и дегуманизация (представление жертв или тех, кто не разделяет их взглядов, как неполноценных или заслуживающих наказания). Это, в свою очередь, приводит к формированию искаженных представлений о жизни, смерти, боли и страданиях. Декларируется необходимость формирования ложной нормативности, когда деструктивное поведение оценивается как нормальное, распространенное и даже желательное (Губенко & Адутов, 2021). Молодые люди, чувствуя себя частью группы, начинают принимать ее нормы и ценности, даже если они противоречат общепринятым. Парадоксально, но эмоциональная поддержка и чувство принадлежности к сообществу могут стать ловушкой. В условиях социальной изоляции или непонимания со стороны окружающего мира деструктивные клубы могут предложить молодым людям ощущение принятия и поддержки, общей силы, единства мыслей, задач и целей, что делает их более восприимчивыми к влиянию лидеров и идеологии клуба. Подобная поддержка, а также формирование чувства ложного товарищества в итоге направлены на укрепление конкретных деструктивных намерений.

Молодые люди призывного возраста находятся в особой уязвимой неустойчивой позиции (Жардецкий, 2003; Полеев, 1990). Период перед призывом, а также период начала военной службы связаны с воздействием ряда стрессогенных факторов, например: неопределенность будущего, разлука с семьей и друзьями, необходимость адаптации к новым, часто жестким условиям, физические и психологические нагрузки (Вольнов, 2003). Эти факторы могут обострять существующие психологические и психофизиологические проблемы и делать молодых людей более восприимчивыми к деструктивному влиянию.

Интернет-клубы могут предлагать молодым людям, испытывающим трудности с адаптацией к армейской жизни или разочарованным в своих ожиданиях, альтернативные легкие решения или способы справиться с проблемами, которые, однако, ведут к еще большим рискам.

Например, пропаганда отказа от службы, демонстрация неуважения к воинской дисциплине и Присяге или, наоборот, идеализация смерти как «высшего долга» могут находить отклик у молодых людей, испытывающих стресс и неуверенность⁴. Кроме того, в период призыва на воинскую службу, когда молодые люди могут быть оторваны от привычной социальной среды и поддержки, интернет-клубы для повышения своего влияния делают попытки стать единственным доступным источником информации и общения. Отсутствие возможности открыто обсуждать свои проблемы с близкими людьми (родителями, любимой девушкой, друзьями, психологами, врачами, педагогами) может подтолкнуть молодого человека к поиску ответов в онлайн-сообществах, где доминируют деструктивные идеи и от которых будет гарантирована поддержка.

Вовлечение в информационные деструктивные интернет-клубы может иметь серьезные и долгосрочные последствия для психического здоровья и общего благополучия молодых людей призывного возраста. Наиболее опасным из них является повышение суицидального риска или членовредительства. Пропаганда суицида, идеализация смерти, предоставление инструкций и поощрение самоповреждения могут привести к реальным попыткам самоубийства.

Помимо прямого суицидального риска, деструктивные клубы могут способствовать развитию других форм саморазрушительного поведения, таких как употребление психоактивных веществ, агрессивное поведение, социальная изоляция и отказ от выполнения социальных обязательств, включая воинскую службу. Это может привести к серьезным проблемам с законом, ухудшению отношений с близкими и утрате жизненных перспектив (Жардецкий, 2003; Полеев, 1990). Для молодых людей призывного возраста, находящихся в процессе формирования своей идентичности и адаптации к новым социальным ролям, такое влияние может стать катализатором глубоких психологических травм. Искаженные представления о себе, мире и своем месте в нем, сформированные под воздействием деструктивных идеологий, могут затруднить успешную интеграцию в армейскую среду и дальнейшую социальную адаптацию после службы.

Эффективная профилактика и противодействие распространению деструктивного контента в интернете требуют комплексного подхода, включающего как технические, так и социально-психологические меры. Обучение молодых людей навыкам критической оценки информации, распознавания манипулятивных техник, фейков, вражеской пропаганды и идентификации деструктивного контента является ключевым элементом профилактики⁵ (Бондаренко, 2004; Чудаков и др., 2024; Чудаков и др., 2025а; Шпак & Мирошкин, 2025). Важно развивать у них способность отличать достоверную информацию от ложной и пропагандистской. Программы, направленные на формирование стрессоустойчивости, навыков решения проблем, эффективной коммуникации и управления эмоциями, могут помочь молодым людям справляться с жизненными трудностями без обращения к деструктивным онлайн-сообществам. Важно развивать позитивные и поддерживающие онлайн-сообщества, где молодые люди могут свободно общаться, получать поддержку и делиться своими проблемами без страха осуждения. Вовлечение родителей и педагогов в процесс профилактики, информирование их о существующих рисках и предоставление им инструментов для поддержки и общения с подростками является крайне важным (Григорович и др., 2022; Кибрик и др., 1986;

⁴ Ашманов, И. С. (2022, 3 марта). Фейковое цунами. Как распознавать фейки про спецоперацию на Украине. Roem.ru. <https://roem.ru/03-03-2022/287576/tsunami-fake/>

⁵ Там же.

Ковалев, 1995). Необходимо активное взаимодействие с платформами для оперативного выявления и блокировки деструктивного контента, а также для разработки механизмов защиты уязвимых пользователей. Обеспечение доступности квалифицированной психолого-педагогической помощи для молодых людей, находящихся в группе риска или уже вовлеченных в деструктивные сообщества, является приоритетной задачей.

Заключение

Информационные деструктивные интернет-клубы представляют серьезную угрозу для психического здоровья и благополучия подростков и молодых людей призывного возраста. Механизмы их воздействия, основанные на групповой поляризации, социальном заражении, когнитивных искажениях и формировании ложной нормативности, могут привести к повышению суицидального риска и другим формам саморазрушающего поведения. Особую опасность в контексте деструктивного влияния интернет-клубов представляют когнитивные искажения – систематические ошибки в мышлении, которые приводят к иррациональным суждениям и неадекватной оценке реальности. В условиях анонимности и эмоциональной поддержки внутри таких сообществ уязвимые молодые люди становятся более подвержены их воздействию. Например, катастрофизация заставляет их видеть в незначительных проблемах непреодолимые трудности, что усиливает чувство безысходности. Черно-белое мышление лишает их способности видеть полутона и находить конструктивные решения, сводя все к крайностям. Сверхобобщение позволяет им переносить негативный опыт на все сферы жизни, укрепляя веру в собственную никчемность. Персонализация же заставляет их принимать на свой счет негативные события, не имеющие к ним прямого отношения, что усиливает чувство вины и одиночество. Кроме того, так называемое чтение мыслей других участников, основанное на домыслах и интерпретациях, может привести к формированию искаженного представления о себе и окружающих, усиливая паранойю и недоверие. Эти когнитивные искажения, подпитываемые и усиливаемые внутри деструктивных интернет-клубов, создают благодатную почву для развития суицидальных мыслей и намерений, поскольку они подрывают самооценку, разрушают критическое мышление и формируют искаженную картину мира.

Особая уязвимость молодых людей призывного возраста, обусловленная стрессовыми факторами, связанными с предстоящей службой, делает их особенно восприимчивыми к подобному влиянию. Для эффективного противодействия этому феномену необходим комплексный подход, включающий повышение медиаграмотности, развитие психологической устойчивости, создание безопасных онлайн-пространств, работу с родителями и педагогами, сотрудничество с интернет-платформами и обеспечение доступности психологической помощи (Белов, Добрышин, Шугуров, 2022).

Из направлений научных исследований в этой сфере, по нашему мнению, актуальными будут глубокое изучение специфических механизмов воздействия на различные подгруппы молодежи и разработка научно обоснованных программ профилактики и интервенции. Это позволит совместно с усилиями общества, образовательных, психологических и медицинских учреждений, а также позитивных интернет-сообществ минимизировать риски, связанные с деструктивным влиянием интернета, способствовать созданию реальных профилактических технологий нивелирования суицидального поведения у молодых людей призывного возраста и проходящих службу в силовых структурах.

Список литературы

- Адлер, А. (2011). *Практика и теория индивидуальной психологии*. Академический проект.
- Амбрумова, А. Г. (1994). Психология самоубийства. *Медицинская помощь*, (3), 15–19.
- Белов, А. С., Добрышин, М. М., Шугуров, Д. Е. (2022). Модернизация системы информационной безопасности: подход к определению периодичности. *Защита информации. Инсайд*, 106 (4), 76–80.
- Берестовой, А. Н. (2025). Уголовно-правовое противодействие общественно опасным проявлениям субкультуры в сети «Интернет». *Российский девиантологический журнал*, 5 (1), 147–166. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2025-1-147-166>
- Бондаренко, А. С. (2004). *Личностные доминанты у лиц с суицидальными тенденциями*. [Кандидатская диссертация, Лесосибирский филиал Сибирского государственного технологического университета]
- Вольнов, Н. М. (2003). *Аутоагрессивное поведение у военнослужащих срочной службы (клиника, типология, факторы риска)*. [Кандидатская диссертация, Московский научно-исследовательский институт психиатрии].
- Гилинский, Я. И. (2011). Самоубийство как социальный феномен. *Социологический журнал*, (2), 39–48.
- Григорович, Л. А., Горелов, А. А., Чудаков, А. Ю. (2022). Девиантологическая компетентность будущих педагогов и психологов. *Российский девиантологический журнал*, 2 (1), 63–76. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-63-76>
- Губенко, М. С., Адутов, Р. Р. (2021). Деятельность военно-политических органов по защите личного состава Вооруженных сил Российской Федерации от современного негативного информационно-психологического воздействия. В *Военная безопасность России: взгляд в будущее: Материалы 6-й Международной межведомственной научно-практической конференции научного отделения № 10 Российской академии ракетных и артиллерийских наук, Москва, 18 марта 2021 года* (Т. 2, стр. 292–301). Российская академия ракетных и артиллерийских наук.
- Ерофеева, М. А., Харламова, Д. А. (2024). Диагностика сформированности компетенций курсантов по профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества. *Российский девиантологический журнал*, 4 (4), 576–585. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-4-576-585>
- Жардецкий, А. Н. (2003). *Аутоагрессивное поведение обвиняемых (типология, судебно-психиатрическая оценка, прогноз)*. [Автореферат диссертации кандидата медицинских наук, Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского МЗ РФ].
- Кибрик, Н. Д., Кушнарев, В. М., & Магурдумова, Л. Г. (1986). Комплексный подход к профилактике суицидального поведения у обучающейся молодежи. В *Комплексные исследования в суицидологии: Сборник научных трудов* (стр. 145–151). Изд-во НИИ психиатрии МЗ РСФСР.
- Касюк, А. Я. (2021). Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*, 1, 22–34.
- Кириллова, Т. В., Рогов, А. В. (2022). Исследование феномена суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных. *Российский девиантологический журнал*, 2 (2), 164–180. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-2-164-180>
- Кий, Н. М. (2005). *Педагогическая профилактика суицидального поведения подростков*. [Кандидатская диссертация, Дальневосточный государственный гуманитарный университет].

- Ковалев, В. В. (1995). *Психиатрия детского и подросткового возраста: учебник*. Медицина.
- Кикоть, В. Я. (1997). *Информационно-аналитическое обеспечение образовательного процесса в вузах МВД РФ*.
- Перепелова, Е. А. (2024). Деструктивные субкультурные сообщества несовершеннолетних как угроза национальной безопасности Российской Федерации. *Административное право и процесс*, 5, 67–70. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2024-5-67-70>
- Полеев, А. М. (1990). *Плюс-минус жизнь: Социально-психологические аспекты проблемы суицида*. Молодая гвардия.
- Чудаков, А. Ю., Жуков, А. А., & Гусейнов, Р. И. (2025a). Информационно-психологическое воздействие в период проведения Специальной военной операции. В *Актуальные вопросы организации здравоохранения и общественного здоровья в современных условиях: повышение эффективности, дальнейшие пути развития* (стр. 112–117). Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии.
- Чудаков, А. Ю., Жуков, А. А., & Гусейнов, Р. И. (2025b). Психофизиологическое сопровождение боевой подготовки бойцов Росгвардии для укрепления их морального духа. В *Актуальные вопросы организации здравоохранения и общественного здоровья в современных условиях: повышение эффективности, дальнейшие пути развития* (стр. 105–111). Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии.
- Чудаков, А. Ю., Вертаев, А. В., & Волосников, Е. В. (2024). Информациология и информационные технологии в ходе проведения специальной военной операции. В *Актуальные вопросы повышения эффективности огневой подготовки в силовых структурах: теория и практика (IV Макаровские чтения): Всероссийский сборник научно-практических материалов конференции, Пермь, 28 мая 2024 года* (стр. 302–306). Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации.
- Шпак, А. А., Мирошкин, М. В. (2025). Противодействие информационной войне в условиях СВО как аспект информационной безопасности. *Современное право*, 3, 51–54. <https://doi.org/10.25799/NI.2025.53.94.009>

References

- Adler, A. (2011). *Praktika i teoriya individual'noj psihologii*. Akademicheskij projekt.
- Ambrumova, A. G. (1994). Psihologiya samoubijstva. *Medicinskaya pomoshch'*, (3), 15–19.
- Belov, A. S., Dobryshin, M. M., Shugurov, D. E. (2022). Modernizaciya sistemy informacionnoj bezopasnosti: podhod k opredeleniyu periodichnosti. *Zashchita informacii. Insajd*, 106 (4), 76–80.
- Berestovoj, A. N. (2025). Ugolovno-pravovoe protivodejstvie obshchestvenno opasnym proyavleniyam subkul'tury v seti «Internet». *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 5 (1), 147–166. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2025-1-147-166>
- Bondarenko, A. S. (2004). *Lichnostnye dominanty u lic s suicidal'nymi tendenciyami*. [Kandidatskaya dissertaciya, Lesosibirskij filial Sibirskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta]
- Vol'nov, N. M. (2003). *Autoagressivnoe povedenie u voennosluzhashchih srochnoj sluzhby (klinika, tipologiya, faktory riska)*. [Kandidatskaya dissertaciya, Moskovskij nauchno-issledovatel'skij institut psihiatrii].
- Gilinskij, Ya. I. (2011). Samoubijstvo kak social'nyj fenomen. *Sociologicheskij zhurnal*, (2), 39–48.
- Grigorovich, L. A., Gorelov, A. A., Chudakov, A. Yu. (2022). Deviantologicheskaya kompetentnost' budushchih pedagogov i psihologov. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 2 (1), 63–76. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-63-76>
- Gubenko, M. S., Adutov, R. R. (2021). Deyatel'nost' voenno-politicheskikh organov po zashchite lichnogo sostava Vooruzhennyh sil Rossijskoj Federacii ot sovremennogo negativnogo infor-

- macionno-psihologicheskogo vozdejstviya. V *Voennaya bezopasnost' Rossii: vzglyad v budushchee: Materialy 6-j Mezhdunarodnoj mezhdovedomstvennoj nauchno-prakticheskoy konferencii nauchnogo otdeleniya № 10 Rossijskoj akademii raketnyh i artillerijskih nauk, Moskva, 18 marta 2021 goda* (T. 2, str. 292–301). Rossijskaya akademiya raketnyh i artillerijskih nauk.
- Erofeeva, M. A., Harlamova, D. A. (2024). Diagnostika sformirovannosti kompetencij kursantov po profilaktike vovlecheniya nesovershennoletnih v destruktivnye internet-soobshchestva. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 4 (4), 576–585. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-4-576-585>
- Zhardeckij, A. N. (2003). *Autoagressivnoe povedenie obvinyaemyh (tipologiya, sudebno-psihiatricheskaya ocenka, prognoz)*. [Avtoreferat dissertacii kandidata medicinskih nauk, Gosudarstvennyj nauchnyj centr social'noj i sudebnoj psixiatrii im. V. P. Serbskogo MZ RF].
- Kibrik, N. D., Kushnarev, V. M., & Magurdumova, L. G. (1986). Kompleksnyj podhod k profilaktike suicidal'nogo povedeniya u obuchayushchejsya molodezhi. V *Kompleksnye issledovaniya v suicidologii: Sbornik nauchnyh trudov* (str. 145–151). Izd-vo NII psixiatrii MZ RSFSR.
- Kasyuk, A. Ya. (2021). Informacionno-psihologicheskoe vozdejstvie v informacionnom protivoborstve. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*, 1, 22–34.
- Kirillova, T. V., Rogov, A. V. (2022). Issledovanie fenomena suicidal'nogo povedeniya podozrevaemyh, obvinyaemyh i osuzhdennyh. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 2 (2), 164–180. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-2-164-180>
- Kij, N. M. (2005). *Pedagogicheskaya profilaktika suicidal'nogo povedeniya podrostkov*. [Kandidatskaya dissertaciya, Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet].
- Kovalev, V. V. (1995). *Psixiatriya detskogo i podrostkovogo vozrasta: uchebnik*. Medicina.
- Kikot', V. YA. (1997). *Informacionno-analiticheskoe obespechenie obrazovatel'nogo processa v vuzah MVD RF*.
- Perepelova, E. A. (2024). Destruktivnye subkul'turnye soobshchestva nesovershennoletnih kak ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. *Administrativnoe pravo i process*, 5, 67–70. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2024-5-67-70>
- Poleev, A. M. (1990). *Plyus-minus zhizn': Social'no-psihologicheskie aspekty problemy suicida*. Molodaya gvardiya.
- Chudakov, A. Yu., Zhukov, A. A., & Gusejnov, R. I. (2025a). Informacionno-psihologicheskoe vozdejstvie v period provedeniya Special'noj voennoj operacii. V *Aktual'nye voprosy organizacii zdavoohraneniya i obshchestvennogo zdorov'ya v sovremennyh usloviyah: povyshenie effektivnosti, dal'nejshie puti razvitiya* (str. 112–117). Voennaya ordena Zhukova akademiya vojsk nacional'noj gvardii.
- Chudakov, A. Yu., Zhukov, A. A., & Gusejnov, R. I. (2025b). Psihofiziologicheskoe soprovozhdenie boevoy podgotovki bojcov Rosgvardii dlya ukrepleniya ih moral'nogo duha. V *Aktual'nye voprosy organizacii zdavoohraneniya i obshchestvennogo zdorov'ya v sovremennyh usloviyah: povyshenie effektivnosti, dal'nejshie puti razvitiya* (str. 105–111). Voennaya ordena Zhukova akademiya vojsk nacional'noj gvardii.
- Chudakov, A. Yu., Vertaev, A. V., & Volosnikov, E. V. (2024). Informaciologiya i informacionnye tekhnologii v hode provedeniya special'noj voennoj operacii. V *Aktual'nye voprosy povysheniya effektivnosti ognevoj podgotovki v silovyh strukturah: teoriya i praktika (IV Makarovskie chteniya): Vserossijskij sbornik nauchno-prakticheskikh materialov konferencii, Perm', 28 maya 2024 goda* (str. 302–306). Permskij voennyj institut vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii.
- Shpak, A. A., Miroshkin, M. V. (2025). Protivodejstvie informacionnoj vojne v usloviyah SVO kak aspekt informacionnoj bezopasnosti. *Sovremennoe pravo*, 3, 51–54. <https://doi.org/10.25799/NI.2025.53.94.009>

Информация об авторах

Александр Юрьевич Чудаков – профессор кафедры управления повседневной деятельностью Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор медицинских наук, профессор.

Александр Александрович Горелов – главный научный сотрудник, заведующий учебно-научного центра кинезиологических исследований и оздоровительных технологий Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова; профессор кафедры физической подготовки и спорта Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор.

About the authors

Alexander Yu. Chudakov – Professor of the Department of Management of Daily Activities, Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, Dr. Sci. (Medic.), Professor.

Alexander A. Gorelov – Chief Researcher, Head of the Educational and Scientific Center for Kinesiological Research and Wellness Technologies, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov; Professor of the Department of Physical Training and Sports, Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, Dr. Sci. (Pedag.), Professor.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написания текста.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 30.09.2025

Одобрена после рецензирования 08.12.2025

Опубликована 28.12.2025

Submitted September 30, 2025

Approved after reviewing December 08, 2025

Accepted December 28, 2025

УДК 316.624

Превенция школьного остракизма в системе психолого-педагогического сопровождения учащейся молодежи

Александр Николаевич Тесленко

Кокшетауский университет имени А. Мырзахметова
(Кокшетау, Казахстан)
teslan@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-1398-1832

Аннотация

Введение. Для современной молодежной культуры актуальна проблема остракизма в форме харассмента, моббинга и буллинга. В условиях организации образования функцию превенции этих и других форм социальных девиаций выполняют социально-психологические службы. Современная модель системы социально-психологической службы строится на принципах межведомственного партнерства и укрепления психологического здоровья. В процессе подготовки статьи проведена большая практическая работа по созданию и адаптации в ряде столичных организаций образования служб примирения в рамках проекта «Школа примирения: равный – равному», оказывающих поддержку социальной жизни учащейся молодежи в возрасте 10–17 лет. **Цель исследования** – анализ распространения различных форм остракизма (харассмент, моббинг, буллинг) как девиантологических конструкторов в образовательной и повседневной среде современной учащейся молодежи, роли системы психолого-педагогического сопровождения учащихся средствами практической психологии и восстановительной медиации. **Методология, методы и методики.** Методологической основой проведенного исследования являются современные подходы к проблеме психолого-педагогического сопровождения учащейся молодежи как важного компонента молодежной работы и профилактики девиантного поведения несовершеннолетних, в том числе различных форм школьной травли (остракизма). Приступая к исследованию, автор исходил из гипотезы, что специально разработанная программа «Школа примирения: равный – равному» способствует профилактике остракизма в форме харассмента, моббинга и буллинга психолого-педагогическими средствами и позволяет снизить уровень агрессии, укрепить социальные связи внутри подростковых сообществ, развивая у несовершеннолетних такие личностные качества, как эмпатия, толерантность и навыки эффективной коммуникации и мирного разрешения конфликтов. Для достижения поставленной задачи и проверки исследовательской гипотезы применялась методика на выявление «буллинг-структуры» (Норкина, 2016), позволяющая с помощью 25 вопросов выявить признаки физического и психологического насилия в классе, определить роли и позиции учащихся в среде сверстников. В исследовании приняли участие 98 учащихся трех общеобразовательных школ столицы Казахстана. **Результаты** научно-исследовательской работы получили отражение в авторской программе «Школа примирения: равный – равному», которая обучает подростков управлять эмоциями, корректировать агрессивное поведение, формировать позитивные межличностные отношения. **Научная новизна** статьи обусловлена

системным и междисциплинарным анализом проблемы школьного остракизма в форме харассмента, моббинга и буллинга, имеющей общую девиантологическую основу с системой превентивной работы с несовершеннолетними. **Практическая значимость.** Эмпирическое исследование выявило общие и особенные характерологические признаки остракизма в форме харассмента, моббинга и буллинга в среде учащейся молодежи, а также особенности системы психолого-педагогического сопровождения школьников. Результаты исследования могут быть рекомендованы для применения в организациях образования разного типа.

Ключевые слова

школьный остракизм, харассмент, моббинг, буллинг, кибербуллинг, психологическое насилие, социализация учащейся молодежи, поколение Z / «центениалов», социально-психологическая служба, профилактика девиантного поведения

Благодарности

Исследование выполнено на материале научного проекта АР 14869235 «Молодежная работа как условие успешной социализации учащейся молодежи» по программе Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Для цитирования: Тесленко, А. Н. (2025). Превенция школьного остракизма в системе психолого-педагогического сопровождения учащейся молодежи. *Российский девиантологический журнал*, 5 (4), 576–593.

Original paper

Prevention of school ostracism within the system of psychological and pedagogical support for students

Alexander N. Teslenko

Kokshetau University named after A. Myrzakhmetov

(Kokshetau, Kazakhstan)

e-mail: teslan@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-1398-1832

Abstract

Introduction. Modern youth culture faces the pressing issue of ostracism manifested as harassment, mobbing, and bullying. Within educational institutions, the function of preventing these and other forms of social deviance is performed by socio-psychological services. The modern framework of the psycho-social support system is based on principles of interdepartmental collaboration and the promotion of psychological well-being. This article is based on substantial practical work on establishing and implementing reconciliation services in several leading educational institutions in the capital, as part of the “School of Reconciliation: Peer-to-Peer” project. These services are designed to support the social functioning of students aged 10 to 17. **This study aims** to analyse the prevalence of various forms of ostracism - harassment, mobbing, and bullying - as constructs of social deviance in the educational and daily environments of modern youth, and to examine the role of psycho-pedagogical support system through the means of practical psychology and restorative mediation practices. **Methodological Framework, Methods, and Techniques.** This study is grounded in contemporary methodological approaches to psycho-educational support for youth, which is viewed as a vital element

of youth work and the prevention of deviant behaviour, including various forms of school-based harassment and ostracism. The research was guided by the hypothesis that the specially designed “School of Reconciliation: Peer-to-Peer” program serves as an effective psycho-educational tool for preventing ostracism - manifested as harassment, mobbing, and bullying. The program is expected to reduce aggression, strengthen social cohesion in adolescent groups, and foster the development of key personal qualities in minors, including empathy, tolerance, and skills in effective communication and peaceful conflict resolution. To address the research objectives and test the hypothesis, the study utilised the “Bullying Structure” diagnostic methodology (Norkina, 2016). This instrument, comprising 25 questions, is designed to identify signs of physical and psychological abuse within a class and to map the roles and social positions of students among their peers. Participants included 98 students from three secondary schools in Astana, Kazakhstan. **The outcomes of the scientific research** have been incorporated into the author’s program “School of Reconciliation: Peer-to-Peer”. This program is designed to equip adolescents with skills in emotional regulation, modification of aggressive behaviour, and the development of positive interpersonal relationships. **The scientific novelty** of this article lies in its systemic and interdisciplinary examination of school-based ostracism - manifested as harassment, mobbing, and bullying. This analysis establishes a link between these phenomena and the framework of preventive work with juveniles by identifying their shared deviantological foundation. **Practical Implications.** This empirical investigation has identified both common and distinct characteristic features of ostracism – manifested as harassment, mobbing, and bullying- within the student population. It has also delineated key aspects of the existing psycho-educational support system for schoolchildren. The findings offer practical recommendations applicable to a wide range of educational institutions.

Keywords

school ostracism, harassment, mobbing, bullying, cyberbullying, psychological abuse, youth socialisation, Generation Z / centennials, psycho-social service, prevention of deviant behavior

Acknowledgments

This study was carried out as part of the research project AP 14869235, “Youth Work as a Prerequisite for the Successful Socialisation of Students”, funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

For citation: Teslenko, A. N. (2025). Prevention of school ostracism within the system of psychological and pedagogical support for students. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (4), 576–593.

Введение

В условиях модернизации всех сторон общественной жизни и массового сознания меняются нормативные системы и поведенческие модели населения, прежде всего молодежи. Инновационный потенциал молодежи лежит в самой природе этой социально-демографической группы, которая сама по себе не прогрессивна и не консервативна, она «всего лишь сила, готовая к любому начинанию», поэтому задача науки стоит в том, «чтобы рассказать, что общество может дать молодежи и что общество может ожидать от молодежи (скрытый ресурс)» (Манхейм, 1994).

В XXI в. инновационный потенциал развития стали связывать с появлением нового молодого поколения, получившего в научном дискурсе название «центениалы» или «поколение Z» / «зумеры» (Howe & Strauss, 2000). Они «родились с гаджетом в руках», что сформировало у них специфическое мышление, мировосприятие, ценностные и мотивационные установки. Поколение Z – дети киберсоциализации (Digital Natives – «аборигены цифрового мира»), потребительского общества и либеральной идеологии. Погруженные в иллюзорную

виртуальную среду, они воспринимают ее искаженно, в виде потока легко воспринимаемых, поверхностных информационных единиц («клипов»), не связанных с какой-либо смысловой наполненностью (Prensky, 2013). Иллюзия «владения информацией» и «клиповое мышление» тесно связаны с нейрopsихологическими процессами: асоциальной неустойчивостью, сверхвозбудимостью, склонностью к аутизации (погруженности в себя), защищающей от внешних проблем, и собственным взглядом на мир. Это поколение – «свободолюбивые молодые люди, не доверяющие никому, в том числе обычным авторитетам и власти».

Как продукт гиперопеки и максимального влияния родителей, зумеры возлагают на них всю ответственность за собственные проблемы, при этом отрицая опыт предшествующих поколений. Во многом это результат воздействия агрессивного видеоконтента, проецируемого на сознание детей и молодежи с момента их рождения, причем 80 % этого контента – это крайне насильственные формы поведения, убийства, представленные в яркой, эффектной форме, западающие в память ребенку, подростку, молодому человеку. Согласно принципу единства интериоризации / экстериоризации, рано или поздно подобные агрессивные паттерны будут воспроизведены в реальной жизни. Неудивительно, что, по данным Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, 50 % правонарушений и преступлений, совершаемых в стране, приходится на молодежь. По итогам января – сентября 2025 г., к уголовной ответственности привлечены 1703 несовершеннолетних – это самый высокий показатель с 2019 г. (рис. 1).

Анализ структуры подростковой преступности показывает, что основную часть правонарушений составляют кражи, хулиганство, грабежи, а также преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (рис. 2). Главная причина роста подростковой преступности – отсутствие контроля со стороны родителей и общественности. По данным МВД РК, с начала

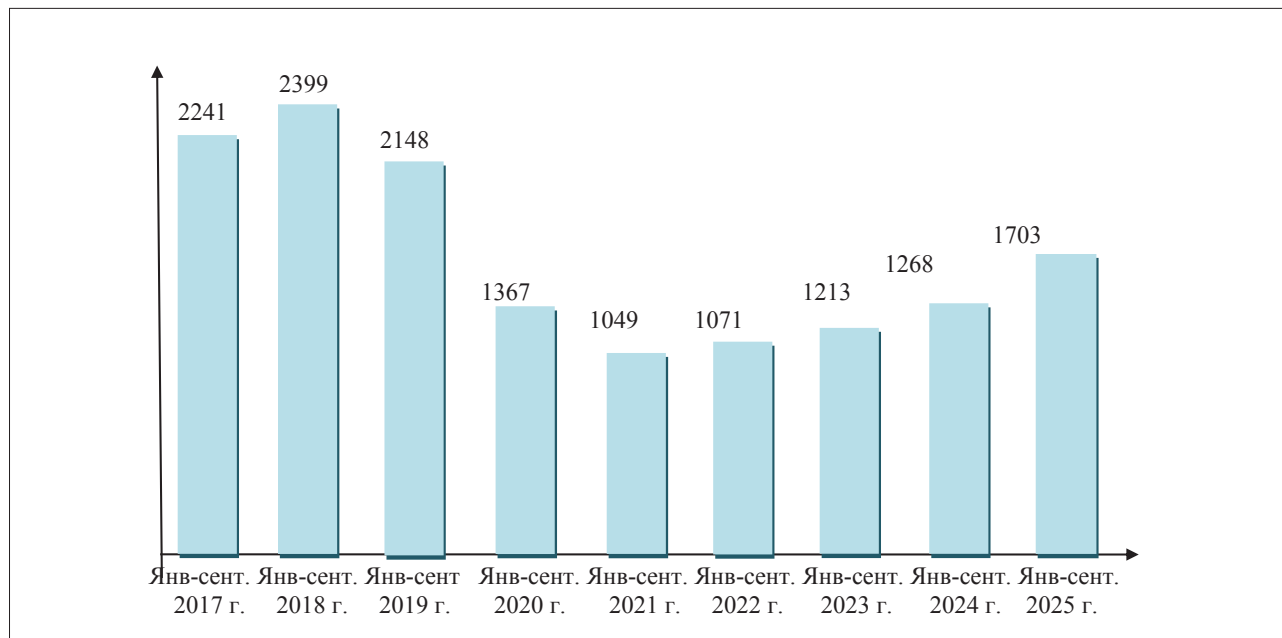

Рис. 1. Число несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности (данные Комитета по правовой статистике и специальным счетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан)

Fig. 1. Number of Juveniles Prosecuted (Data from the Committee on Legal Statistics and Special Accounts of the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan)

2025 г. 107 тыс. родителей и 5100 развлекательных учреждений привлечены к ответственности за нахождение несовершеннолетних на улице в ночное время.

Подростковая преступность часто носит групповой характер. В 2024 г. МВД РК выявлены 1800 неформальных лидеров молодежных банд, 1632 несовершеннолетних привлечены к ответственности за совершение групповых правонарушений. Психологически тенденция организации криминальных сообществ подростков объясняется процессами самоутверждения, взросления личности и обычно рассматривается окружающими как проявление озорства, детской безответственности, шалости (мелкие кражи, хулиганство). Однако подобные сообщества представляют собой большую опасность, так как создают маргинальную среду, усвоение норм которой приводит к устойчивой деликвентной модели поведения.

Социально-педагогическая практика показывает, что начало уголовных правонарушений кроется в ранних этапах социализации по месту жительства и учебы подростка. Микросоциум является ведущим институтом социализации ребенка, однако, не всегда безопасным. Социальная и психологическая незащищенность ребенка делает его перманентной жертвой унижений и притеснений, что стимулировало с конца XX в. междисциплинарные

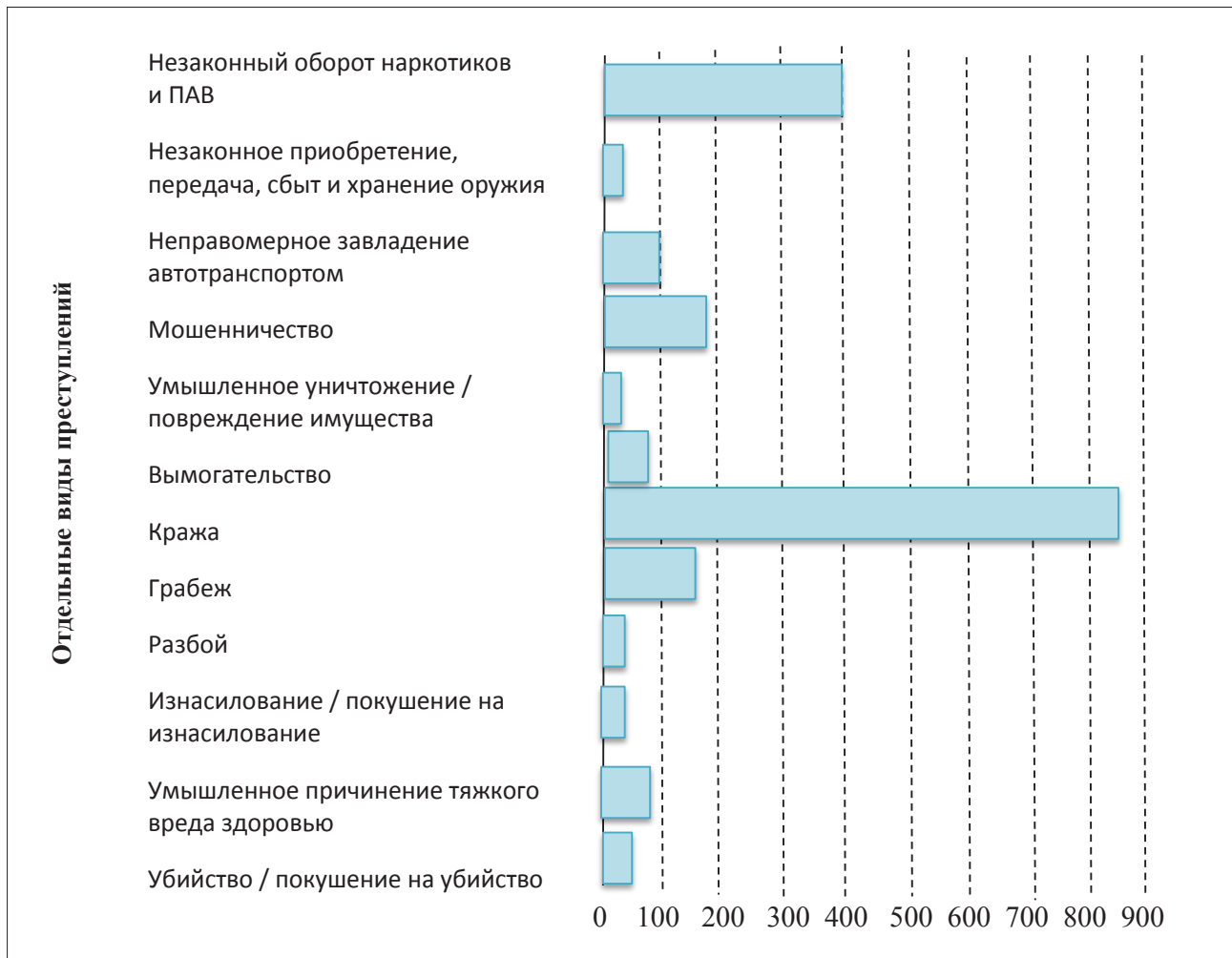

Рис. 2. Отдельные виды подростковой преступности за 2024 г.

Fig. 2. Types of Juvenile Crime in 2024

исследования в области социального остракизма и родственных феноменов (Мартынова, 2016; Бойкина, 2019). Фундаментальной основой исследований стала теоретическая модель социального остракизма – модель остракизма на основе нарушенных потребностей и с учетом времени его воздействия К. Д. Вильямса (*Temporal Need Threat Model*), которая обобщила и систематизировала результаты теоретико-экспериментальных трудов его предшественников (Baumeister & Leary, 1995; Twenge et al., 2001) и была дополнена собственными эмпирическими данными (Williams, 2009). Описывая данный феномен, К. Д. Вильямс и его коллеги рассматривали социальный остракизм как сложное многогранное явление, как неразрывно связанные процессы игнорирования, исключения и отвержения. Автор структурировал процесс остракизации, выделив три последовательных стадии (рефлекторную, рефлексивную и резигнацию/принятия) и предложив типологию игнорирования и остракизма, обусловленную разными причинами и целями: ролевой, защитной, ненамеренной, пунитивной (карающей) и псевдо-остракизмом (Williams, 2007; 2009).

Опираясь на работы К. Д. Вильямса и его модель социального остракизма, ученые разных отраслей знаний постсоветского пространства также стали активно исследовать данный феномен, расширив его родственными формами, такими как буллинг в различных его проявлениях (Бочавер & Хломов, 2013), харассмент (Клейберг, 2015), стигматизация (Липай, 2004), одиночество (Локова и др., 2021). Изучены факторы проявления агрессии подростков и психологические механизмы процесса остракизации как фактора девиантного поведения в детско-подростковой среде (Реан & Коновалов, 2019; Бойкина, 2019; Чухланцев и др., 2021); предложены методы диагностики, оценки и профилактики риска противоправных действий у несовершеннолетних¹ (Чиркина и др., 2018).

Методы исследования

В нашем исследовании социальный остракизм рассматривается в рамках образовательного (школьного) пространства в наиболее типичных его формах, таких как харассмент, моббинг и буллинг.

В официальной риторике понятие «харассмент» (от англ. *harassment* – домогательство, преследование) как психологическое притеснение – это «любое несоответствующее и нежелательное поведение, которое способно оскорбить или унижить индивидуума. Харассмент может выражаться в форме слов, жестов или действий, направленных на то, чтобы вывести из себя, унижить, оскорбить, запугать, смутить другого, либо создать невыносимую, унижающую, враждебную или оскорбительную рабочую среду...»².

Харассмент в организациях образования носит, как правило, локально-групповой характер и тесно связан с ценностями и моделями социального поведения значимых подростково-молодежных сообществ (субкультур), которые дают каждому подростку, молодому человеку пространство для самореализации и удовлетворения актуальных возрастных потребностей, среди которых:

- потребность в обособлении, автономизации от взрослых, преодолении возрастных ограничений (социальных, морально-нравственных, культурных и др.);
- потребность в защите от гиперопеки и повседневного давления взрослых;
- потребность в адекватной самооценке, самоутверждении и самореализации;
- потребность в самоидентификации и приятии себя социумом;

¹ Дозорцева, Е. Г., Бадмаева, В. Д., Ошевский, Д. С., & Александрова, Н. А. (2012). *Оценка риска противоправных действий у детей и подростков: методические рекомендации*. ФГБУ ГНЦССП имени В.П. Сербского Минздрава России.

² ЮНЕСКО. (2015). *Здоровье и жизненные навыки: Методическое пособие для учителей*.

- потребность в получении нового социального опыта и информации;
- потребность в досуге и удовольствиях (Клейберг, 2015).

Фрустрация любой из этих наиболее важных потребностей является триггером *аут-сайдерства*, характеризующегося тем, что подросток, не нашедший своего места в референтной группе сверстников и не пользующийся доверием лидера, становится «неудачником», «слабаком», «изгоем», отверженным в группе³. Затем появляются насмешки, провокации, слухи, бойкоты, порча / кража личных вещей и другие формы психологического насилия, которое психологи называют *моббингом* (от англ. *mobbing* – травля, преследование).

В организациях образования моббинг проявляется как по горизонтали (горизонтальный моббинг) в виде притеснения со стороны одноклассников, сверстников, старшеклассников, так и по вертикали (вертикальный моббинг), когда инициатором психологической травли становится педагог. Проявляются горизонтальный и вертикальный моббинг как в открытой, так и в латентной форме. Такого рода психологический прессинг становится большим испытанием для подростка, приводя иногда к тяжелым последствиям (суицид и т. п.).

Моббинг имеет общую девиантологическую основу с другой формой психологического насилия – буллингом. В законе РК «О правах ребенка в Республике Казахстан» под *буллингом* понимаются «систематические (два и более раз) действия унижительного характера, преследование и / или запугивание, в том числе направленные на принуждение к совершению или отказу от совершения какого-либо действия, а равно те же действия, совершенные публично или с использованием массмедиа и / или сетей телекоммуникаций, и / или онлайн-платформ» (Буткевич, 2024).

Норвежский психолог Дэн Ольвеус, введя в научный оборот понятие «буллинг» (от англ. *bullying* – запугивать, задирать), дал ему следующее определение: «Буллинг – это преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти и физической силы» (Olweus, 1993).

Интернациональный характер проблемы школьного буллинга демонстрирует опрос интернет-сайта KidPoll (n = 1200): 576 подростков в возрасте 13–15 лет признались, что являются жертвой буллинга, причем 160 из них на постоянной основе, а 504 подростка заявили, что сами являются буллерами (агрессорами). Таким образом, каждый третий подросток испытывает на себе травлю сверстников. Эти данные подтверждаются казахстанской статистикой: согласно опросу, в рамках подготовки Доклада о положении детей в Республике Казахстан 72 % школьников сталкивались с проявлениями психического насилия в отношении себя как на территории школы, так и вне ее. Впервые за буллинг были привлечены к ответственности 256 человек⁴.

Буллинг в организации образования – это, как правило, «хронический конфликт, в котором присутствуют устойчивые роли агрессора и жертвы, где первый демонстрирует доминирующее положение (превосходство), различие в правах и свободах, а второй не имеет возможности противодействовать притесняющему воздействию со стороны демонстранта психологической агрессии и жестокости» (Olweus, 1984). Основные формы школьного буллинга:

- *физический буллинг* (умышленные толчки, удары, пинки, побои, нанесение телесных повреждений, сексуальные действия и т. п.);
- *психологический буллинг* (словесные оскорбления, обидные жесты, преследование, угрозы, запугивание, вымогательство, бойкот и т. п.);

³ Тесленко, А. Н. (2019). *Школа примирения «Равный – равному»: Методическое пособие*. ЦРОПП «Астана Дарыны».

⁴ Кусманова, А. Г., Апфельганц, Е. П., Сатыбаева, А. У., Беймишева, А. С., Шаимова, Д. Е., & Муқан, С. М. (2023). *Доклад о положении детей в Республике Казахстан в 2022 году*. <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/4883>

– *кибербуллинг* – онлайн-травля с использованием любого девайса (телефон, планшет, компьютер и т. д.), чтобы преследовать и издеваться над своей жертвой (отправление обидных, угрожающих фотографий и сообщений, обзывание, распространение слухов и т. п.).

Последняя форма буллинга особо актуальна для представителей поколения Z, которые «родились с кнопкой в пальце», т. е. «социальные сети формируют ощущение потока, в котором все меняется каждую секунду»⁵. Для них онлайн – ведущее определение реальности, формирующее актуальные тренды, но эти же тренды способствуют и распространению новых форм буллинга: троллинга, хейтинга, флэйминга, секстинга, киберсталкинга, грифинга. Однако традиционные формы психологического насилия в организациях образования остаются наиболее распространенными.

Психологическое насилие – это неспособность образовательной среды и / или агентов социализации «обеспечить подходящую для ребенка доброжелательную атмосферу; оно включает действия, оказывающие неблагоприятное влияние на эмоциональное здоровье и развитие ребенка: ограничение его активности, оскорбления, осмеяние, угрозы и запугивания, дискриминации, неприятие и другие нефизические формы враждебного обращения»⁶. Противостоять этим явлениям должна комплексная, системная работа по профилактике правонарушений несовершеннолетних. В основе данной работы лежат два главных принципа: 1) принцип психологического здоровья – обучение навыкам адаптации к быстро меняющимся условиям социализации; 2) принцип социально-психологического благополучия – создание комфортных условий социализации. Основные факторы социально-психологического благополучия – это факторы социальной среды и сама личность как субъект социализации и развития. Оба этих фактора обеспечивают безопасную и позитивную социализацию в процессе педагогического взаимодействия, поэтому центром внимания педагогической общественности должна стать проблема обеспечения психического здоровья участников этого взаимодействия (рис. 3).

Идеи психологически безопасной образовательной среды логично вписываются в разработанную автором модель развития социально-психологической службы организаций образования, успешно внедренную в общеобразовательных школах столицы Казахстана городе Астане (рис. 4). Опыт внедрения показывает, что данная модель реально создает условия для своевременной психологической помощи и коррекции поведения педагогически запущенных учащихся с проблемами поведения.

На диагностико-аналитическом этапе социально-психологическая служба обеспечивает выявление различных форм психологического притеснения и насилия на ранних этапах при помощи российской автоматической программы компьютерной психодиагностики «Амалтея» (пр-во г. Санкт-Петербург). Например, методика «буллинг-структура» (Норкина, 2016) позволяет не только выявить наличие психологического насилия в школьном коллективе, определить роли и статусы учащихся в рамках конфликта, но и выделить учащихся группы риска. Получение достоверных данных о состоянии психического состояния учащихся группы риска позволяет быстро и оперативно формировать программы психокоррекционной работы благодаря освобождению от трудоемких рутинных операций первичной обработки данных.

Превенции кибербуллинга способствует мониторинг социальных сетей, анализ и быстрое реагирование на деструктивный контент в сети «Интернет» в рамках программы ТО «Интегра» (Казахстан). Целью программы является отслеживание при помощи ID-номера и электронной почты посещений учащимися школ и колледжей запрещенного контента

⁵ Сбербанк. (2016). *30 фактов о современной молодежи: исследование Сбербанка*. http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf

⁶ Всемирная организация здравоохранения. (2003). *Насилие и его влияние на здоровье: Доклад ВОЗ о ситуации в мире* (под ред. Э. Г. Круга). Весь Мир.

в трех социальных сетях («ВКонтакте», «Одноклассники», «Mail-агент»): переписки на «стенах», групп, музыки и другого рода открытой информации. При помощи определенных триггеров программа может отслеживать активность подростка в социальной сети и при необходимости оповещать родителей, педагогов о том, что тот или иной подросток посетил запрещенную или сомнительную группу, размещает информацию, которая носит характер остракизма (харасмент, моббинг, буллинг) или поставил лайк посту с сомнительным содержанием.

Создатели программы исходят из установки, что абсолютной нормой подросткового возраста является создание безопасного пространства, в которое допускаются только избранные, а родители должны иметь возможность помочь своим детям формировать позитивный онлайн-опыт, проводя мониторинг их интернет-активности, фильтрацию и ограничение негативного контента в интернете. Педагогическая общественность перед внедрением программы «Интегра» долго обсуждала этические аспекты применения цифрового мониторинга и рискологическую компетентность родителей. Высказывалось мнение об излишнем и некорректном вмешательстве родителей в личное пространство подростка. В результате реакция родителей

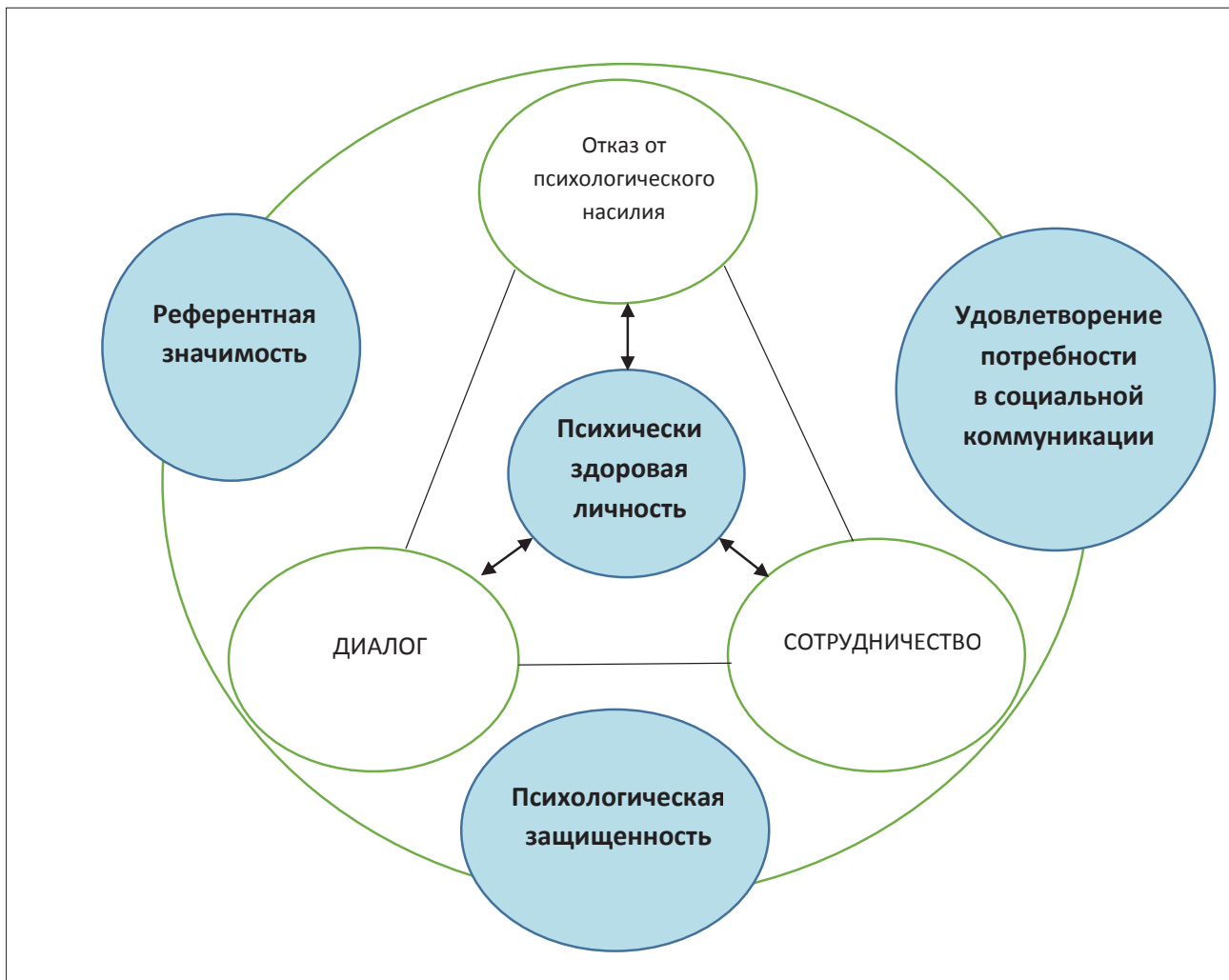

Рис. 3. Модель психологически безопасной образовательной среды

Fig. 3. Model of a Psychologically Safe Educational Environment

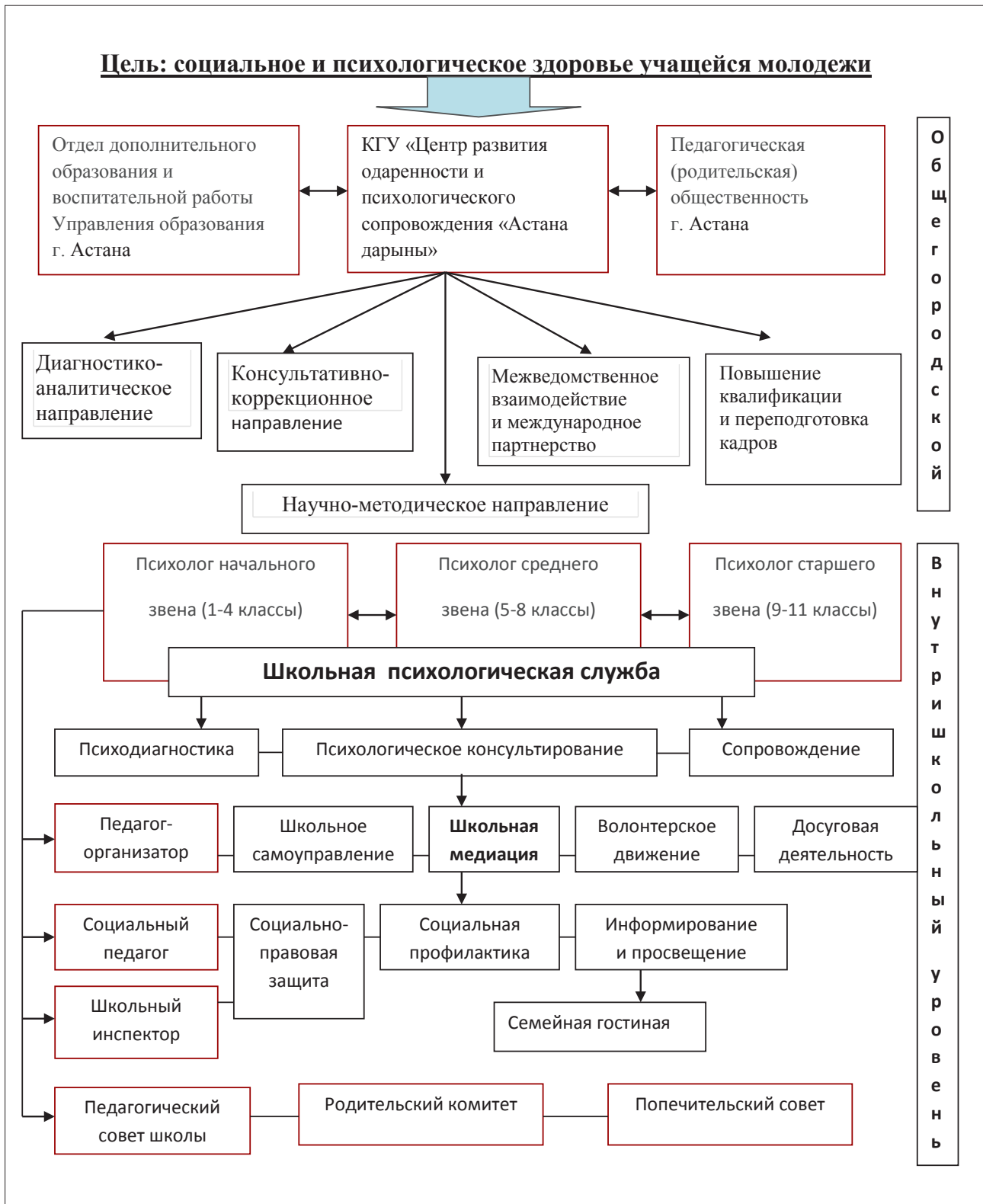

Рис. 4. Модель организации социально-психологической службы г. Астаны

Fig. 4. Model of the Psycho-Social Service Organisation in Astana

на рискогенный контент не предполагает ознакомления с личными сообщениями их детей, а лишь позволяет действовать наиболее адекватно в условиях максимальной неопределенности, идентифицировать риски и активизировать личностные и социальные ресурсы для их нивелирования.

Наиболее эффективно в последние годы проявил себя метод восстановительной медиации как «система теоретических представлений и набор практических способов, процедур и приемов работы по восстановлению межличностных отношений в условиях отчуждения, напряженности, насилия силами самих участников конфликта (правонарушения) при помощи и поддержке независимого посредника» (Аллахвердова, 2006).

На наш взгляд, медиация как средство профилактики школьного остракизма благодаря своим базовым принципам организации (добровольность, конфиденциальность, беспристрастность) не только позволяет успешно разрешать конфликтные ситуации, восстанавливать межличностные отношения, но и создает условия для реализации безопасной образовательной среды и конструктивной коммуникации в организации образования. Медиатор как центральный субъект медиативных переговоров и нейтральная, независимая сторона конфликта на каждом этапе примирительной процедуры обеспечивает конструктивный диалог участников противоправных ситуаций, но последнее слово, окончательное решение всегда за конфликтующими сторонами. Это хорошо прослеживается при анализе основных стадий восстановительной медиации (таблица 1).

Школьная служба медиации и другие методы профилактической работы с учащимися направлены на позитивное изменение (самоизменение) социального взаимодействия подростков,

Таблица 1. Краткое описание основных стадий восстановительной медиации

Table 1. Brief Description of the Main Stages of Restorative Mediation

№	Этап медиации	Цель этапа	Действия медиатора
1	Вступительное слово медиатора	Сделать процесс медиации ясным и предсказуемым для участников переговоров, создать атмосферу доверия как к процессу, так и к самому медиатору	<ul style="list-style-type: none"> • объясняет, что такое медиация, ее принципы (особое внимание обращается на принцип конфиденциальности); • инструктирует участников о правилах поведения, правах и обязанностях сторон; • выясняет мнение присутствующих о том, все ли стороны, от которых зависит принятие решения, присутствуют на переговорах; • предлагает участникам подписать соглашение об участии в медиации
2	Презентации сторон	Сторонам предлагается по очереди рассказать, как они видят сложившуюся ситуацию, что чувствуют и что хотят получить в результате переговоров	Стороны поочередно излагают свой взгляд на конфликт. Медиатор отделяет факты от субъективных интерпретаций и оценок
3	Дискуссия по выработке вопросов для переговоров	Стороны уточняют выслушанное, работают с эмоциями	

№	Этап медиации	Цель этапа	Действия медиатора
4	Кокус	Подготовить стороны к дальнейшим конструктивным переговорам	Констатируются интересы участников, при этом медиатор старается выявить точки сближения или прямого пересечения позиций и интересов сторон
5	Дискуссия по выработке предложений	Выработка решения, устраивающего обе стороны	Медиатор проверяет его на реалистичность, обсуждает дальнейшие шаги, если решение не будет исполнено
6	Подготовка и заключение соглашения	Сформировать соглашение, которое будет работать, т. е. стороны будут его выполнять	<ul style="list-style-type: none"> • проверка выдвинутых предложений на реальность; • окончательное редактирование письменного текста, устраивающего в равной степени все стороны; • обсуждаются меры, которые могут быть приняты каждой из сторон • в случае нарушения соглашения
7	Выход из медиации	Создать понимание у сторон, что они будут делать в дальнейшем, когда уйдут с медиации	<ul style="list-style-type: none"> • завершить процесс медиации (или медиационной сессии); • поблагодарить стороны за работу; • выявить степень удовлетворенности сторон достигнутым соглашением; • договориться со сторонами о мониторинге выполнения достигнутого соглашения; • согласовать действия и систему связи и оповещения, если стороны должны будут продолжить медиацию в ближайшее время
8	Профилактика постконфликта	Получение медиатором через «обратную связь» информации о результатах работы	

формирование их субъектности («Я»), социальной и личностной ответственности как главных критериев социального и психологического здоровья, причем в процессе учебно-воспитательной работы акцент делается не на тиражировании «готовых» социальных компетенций, а на конструировании личностных стратегий поведения, для чего активно применяются личностно-ориентированные технологии социально-психологической поддержки, прежде всего технология «равный – равному»⁷.

В нашем случае «группа равных» – это молодежная группа, которая объединена для обучения процедуре медиации и медиативному подходу в целях последующего применения этих знаний и умений при разрешении споров, предупреждении конфликтов среди сверстников, а также для распространения полученных знаний, умений и опыта среди сверстников. Создание молодежных служб примирения – это одна из гуманитарных технологий, которая может

⁷ Тесленко, А. Н. (2019). *Школа примирения «Равный – равному»: Методическое пособие*. ЦРОПП «Астана Дарыны».

способствовать, с одной стороны, запросам реализации актуальных потребностей поколения Z, с другой стороны, снижению конфликтности в этой среде, создавая безопасные условия самореализации личности в социуме.

В целях организации в школах и колледжах столицы волонтерской службы примирения и профилактики конфликтных ситуаций по технологии «равный – равному» в трех общеобразовательных школах Астаны проводилась работа по авторской программе «Школа примирения: равный – равному». Перед началом реализации программы была проведена первичная психодиагностика по методике Е. Г. Норкиной на выявление буллинг-структуры (Норкина, 2016), которая показала, что большинство участников (76,8 %) с высокой частотой используют лишь одну устойчивую стратегию – ролевую модель, но в то же время 28,2 % участников программы – более одной ролевой модели. Четверть выборки (25,9 %) считают акты насилия нормальным в коммуникации подростков и готовы применять силу, при этом 37 % опрошенных признались, что постоянно испытывают чувство одиночества и тревоги. Отсутствие устойчивой самооценки подтверждается тем, что большинство подростков оценивают себя через призму успеха в среде сверстников, что нормально в процессе формирования личности подростка. Уровень эмпатии в детских коллективах развит недостаточно; она характеризуется пассивным наблюдением и трудностями в коммуникативной сфере.

На этапе формирующего эксперимента одновременно с реализацией программы «Школа примирения: равный – равному» проводилась превенция различных форм школьного остракизма в форме харассмента, моббинга и буллинга, осуществляемая средствами социокультурной анимации и молодежной работы. По итогам работы была проведена повторная диагностика, которая показала, что большинство участников по-прежнему используют одну ролевую модель, но изменилась динамика использования каждой из ролей. Наиболее статистически значимыми оказались различия между средними значениями по ролевой стратегии «Защитник» (с 6,29 до 11,35) и «Помощник» (от 3,81 до 4,19), а стратегии «Жертва» и «Наблюдатель» не выявлены. Отвечая на вопрос 23 о действии в случае насмешек или буллинга слабых, 91,2 % опрошенных выбрали ответ «встану на защиту», а вариант «одним из первых стану смеяться над ним» не выбрал никто (при первичной диагностике 22,6 %), что, безусловно, говорит о положительном результате тренинговой работы с подростками (таблица 2).

Динамика по вопросу 7 значительно улучшилась: постоянно испытывают чувство одиночества и тревоги после тренинговой работы по программе «Школа примирения: равный – равному» только 11,8 % опрошенных (при первичной диагностике 37 %). Реальный опыт остракизма (игнорирования, исключения и отвержения) при повторной диагностике снизился более чем

Таблица 2. Сравнительная таблица результатов первичной и итоговой диагностики выраженности ролевых моделей среди подростков

Table 2. Results of Initial and Final Diagnostics of Role Model Prevalence Among Adolescents

Ролевая модель	Первичная диагностика (среднее значение)	Итоговая диагностика (среднее значение)	Изменения
Защитник	6,29	11,35	+ 5,06
Помощник	3,81	4,19	- 0,28
Жертва	3,72	0	- 3,72
Наблюдатель	4,51	0	- 4,51

наполовину (вопрос 10). Более того, ни один подросток не выбрал вариант ответа «со мной никто не дружит», а 73,8 % опрошенных считают, что в классе «со мной все дружат» (вопрос 16). Снизились параметры использования агрессии (вопросы 12) с 25,9 % при первичной диагностике до 33,7 % при итоговой диагностике. При этом увеличилось количество учащихся, предпочитающих разрешать спорные, конфликтные ситуации мирным путем (вопрос 15).

В целом анализ итоговых данных свидетельствует об эффективности программы «Школа примирения: равный – равному», которую можно оценивать по изменениям в личностных установках и просоциальном поведении учащихся. Критерием эффективности могут служить не только эмпирические данные итоговой психодиагностики, но и результаты наблюдения, содержания обратной связи с медиаторами-волонтерами, прошедшими курс «Школы примирения», с их учителями и родителями.

Результаты данного исследования позволяют расширить теоретико-эмпирическую базу исследования школьного остракизма в девиантологическом контексте. Центральная мысль, требующая общественного осмысления, сводится к тому, что школьный остракизм – это социально-психологическое насилие над личностью в условиях образовательного пространства, требующее особого внимания, в связи с чем в школьной и молодежной среде следует актуализировать вопросы его социально-педагогической профилактики, психологической коррекции и молодежной работы. Однако нужно предостеречь от кампанейщины «антибуллинга» в организациях образования, где часто психологическое насилие рассматривается «как самое ужасное оружие», которое чуть ли не хуже, чем физическое насилие, вызывающее долгосрочные психологические травмы.

Стоит ли удивляться, что в результате мы формируем «поколение снежинок» (snowflake generation), которое рассматривает межличностное общение через призму харассмента или буллинга, патологизируя нормальные детские шалости и ссоры, без которых невозможно взросление личности. Растет поколение, которое не имеет представлений о жизнестойкости. По меткому замечанию американского публициста Майкла Снайдера, «мы вырастили поколение бесхребетных слабаков, вечных мальчиков и девочек, которые никогда не станут настоящими мужчинами и женщинами... таких чувствительных и одновременно таких агрессивных»⁸. Это поколение выросло в абсолютно безопасной среде и, попадая в реальную (а не виртуальную) взрослую жизнь, они испытывают жуткий стресс и требуют от общества такой же защиты, как в детстве. Не в этом ли кроется глубинная природа всех вышеописанных форм остракизма – харассмента, моббинга и буллинга?

В качестве **главного вывода** данного исследования выделим положение о том, что превенция любых форм социальной девиации должна базироваться на конструктивном, партнерском диалоге всех субъектов образовательного процесса и личностно-ориентированном подходе к социально-психологическому сопровождению учащихся. Организации образования должны шире использовать разнообразные технологии молодежной работы и социокультурной анимации, что позволит им сформировать локальные гуманистические пространства, способные:

- транслировать и формировать этическую культуру субъектов образовательного процесса, в том числе через реновации идей советской школы;
- организовывать комплексное социально-педагогическое сопровождение учащихся на основе личностно-коллективистского, профилактического подходов;
- осуществлять системную превенцию любых форм девиантного поведения, включая различные формы остракизма (харассмент, моббинг, буллинг);

⁸ Снайдер, М. (2022). Мы вырастили поколение бесхребетных слабаков. Infozapad.ru. <http://infozapad.ru/?p=6849>

– обеспечивать противостояние деструктивным трендам современного социума (интернет-аддикции, потребительское мышление, космополитизм и т. п.).

Перспективы дальнейших исследований в этом направлении мы видим в разработке и апробации комплексной системы профилактики школьного остракизма и других форм девиантного поведения, направленных на решение таких задач, как:

– первичная профилактика (формирование навыков нормативного, просоциального поведения на уровне школьной психологической службы);

– вторичная профилактика на основе выявленных рисков и проблем (восстановительная медиация, арт-терапия и т. п.);

– третичная профилактика аддиктивного, асоциального, деструктивного поведения (мотивационное интервью, мобильная работа, стритворк, когнитивная реконструкция и др.).

Данные социально-педагогические практики позволят создать локальные гуманистические пространства, в которых нет места остракизму и его последствиям.

Список литературы

- Аллахвердова, О. В. (2006). Медиация – новая коммуникативная практика в решении конфликтов. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 9 (4), 31–49. <https://www.jourssa.ru/index.php/jourssa/article/view/1500>
- Бойкина, Е. Э. (2019). Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований. *Психология и право*, 9 (3), 127–140.
- Бойкина, Е. Э., Чиркина, Р. В. (2020). Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования. *Психология и право*, 10 (1), 152–164. https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2020_n1/112946
- Бойкина, Е. Э. (2022). *Социальный остракизм как фактор антисоциального поведения несовершеннолетних* [Диссертация кандидата педагогических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет]. <https://elibrary.ru/item.asp?id=54420852>
- Бочавер, А. А., Хломов, К. Д. (2013). Буллинг как объект исследований и культурный феномен. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10 (3), 149–159.
- Буткевич, С. А. (2024). Школьная травля: особенности генезиса, проявлений и превенции девиаций межличностных общений. *Российский девиантологический журнал*, 4 (4), 599–610. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-4-599-610>
- Клейберг, Ю. А. (2022). *Основы психологии девиантного поведения* (2-е изд.). ИП Петросян.
- Клейберг, Ю. А. (2015). Психологический харассмент как фактор развития девиантного поведения. *Национальная ассоциация ученых*, 4 (9), 133–137.
- Норкина, Е. Г. (2016). Методика на выявление "буллинг-структуры". *Таврический научный обозреватель*, 3 (8), 170–174.
- Липай, Т. П. (2004). О проявлении стигматизации в процессе образования. *Социологические исследования*, (10), 140–141.
- Локова, М. Ю., Ханова, М. Н., & Захохова, М. Р. (2021). Феномен одиночества в молодежной среде. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*, (1), 8–12. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2021-1-8-12>
- Манхейм, К. (1994). *Диагноз нашего времени* (С. Ромашко и др., пер.). Юрист.
- Мартынова, И. Р. (2016). Современные зарубежные направления исследований факторов риска противоправного поведения у несовершеннолетних. *Психология и право*, 6 (2), 41–56. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060204>

- Реан, А. А., Коновалов, И. А. (2019). Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально-экономического статуса семьи. *Национальный психологический журнал*, 1 (1), 23–33. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0103>
- Тесленко, А. Н., Колыванова, Л. А. (2025). Система психолого-педагогического сопровождения молодежной работы и профилактики девиантного поведения студентов и школьников (опыт Казахстана). *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*, 27 (3), 70–78. <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2025-27-102-70-78>
- Чиркина, Р. В., Делибалт, В. В., Дозорцева, Е. Г., Дегтярев, А. В., Дебольский, М. Г., & Воронина, А. В. (2018). К вопросу обоснования диагностических признаков различных категорий несовершеннолетних с противоправным поведением в контексте деятельности ПМПК. *Психология и право*, 8(1), 77–94. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080106>
- Чухланцев, Ю. С., Чиркина, Р. В., & Куприянова, Е. А. (2021). Социальный остракизм и склонность к девиантному поведению подростков. *Вестник практической психологии образования*, 18 (4), 22–29. <https://doi.org/10.17759/bppe.2021180402>
- Baumeister, R. F., Leary, M. R. (1995). The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Psychological Bulletin*, 117 (3), 497–529.
- Howe, N., & Strauss, W. (2000). *Millennials rising: The next great generation*. Vintage Books.
- Olweus, D. (1984). Aggressors and their victims: Bullying at school. In N. Frude & H. Gault (Eds.), *Disruptive behavior in schools* (pp. 57–76). Wiley.
- Olweus, D. (1993). *Bullying at school: What we know and what we can do*. Blackwell Publishing.
- Prensky, M. (2013). *Digital natives, digital immigrants* (Reprinted from *On the Horizon*, 2001, 9(5)). https://is.muni.cz/el/fss/jaro2013/ZUR589f/um/Prensky_2001_.pdf
- Twenge, J. M., Baumeister, R. F., & Tice, D. M. (2001). If you can't join them, beat them: Effects of social exclusion on aggressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 81 (6), 1058–1069.
- Williams, K. D. (2009). Ostracism: A temporal need-threat model. *Advances in Experimental Social Psychology*, 41, 275–314. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)00406-1](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)00406-1)
- Williams, K. D. (2007). Ostracism. *Annual Review of Psychology*, 58, 425–452. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.58.110405.085641>

References

- Allahverdova, O. V. (2006). Mediatsiya – novaya kommunikativnaya praktika v reshenii konfliktov. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 9 (4), 31–49. <https://www.jourssa.ru/index.php/jourssa/article/view/1500>
- Bojkina, E. E. (2019). Ostrakizm i rodstvennye fenomeny: obzor zarubezhnyh issledovaniy. *Psihologiya i pravo*, 9 (3), 127–140.
- Bojkina, E. E., Chirkina, R. V. (2020). Social'nyy ostrakizm: sovremennoe sostoyanie problemy, metodologiya i metody issledovaniya. *Psihologiya i pravo*, 10 (1), 152–164. https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2020_n1/112946
- Bojkina, E. E. (2022). *Social'nyy ostrakizm kak faktor antisocial'nogo povedeniya nesovershennoletnih* [Dissertatsiya kandidata pedagogicheskikh nauk, Moskovskiy gosudarstvennyy psihologo-pedagogicheskij universitet]. <https://elibrary.ru/item.asp?id=54420852>
- Bochaver, A. A., Hlomov, K. D. (2013). Bulling kak ob"ekt issledovaniy i kul'turnyj fenomen. *Psihologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*, 10 (3), 149–159.
- Butkevich, S. A. (2024). Shkol'naya travlya: osobennosti genezisa, proyavleniy i prevencii deviacij mezhlichnostnyh obshcheniy. *Rossiyskij deviantologicheskij zhurnal*, 4 (4), 599–610. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-4-599-610>

- Klejberg, Yu. A. (2022). *Osnovy psihologii deviantnogo povedeniya* (2-e izd.). IP Petrosyan.
- Klejberg, Yu. A. (2015). Psihologicheskij harassment kak faktor razvitiya deviantnogo povedeniya. *Nacional'naya asociaciya uchenyh*, 4 (9), 133–137.
- Norkina, E. G. (2016). Metodika na vyyavlenie "bulling-struktury". *Tavricheskiy nauchnyy obozrevatel'*, 3 (8), 170–174.
- Lipaj, T. P. (2004). O proyavlenii stigmatizacii v processe obrazovaniya. *Sociologicheskie issledovaniya*, (10), 140–141.
- Lokova, M. Yu., Hanova, M. N., & Zahohova, M. R. (2021). Fenomen odinochestva v molodezhnoj srede. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*, (1), 8–12. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2021-1-8-12>
- Manhejm, K. (1994). *Diagnoz nashego vremeni* (S. Romashko i dr., per.). Yurist.
- Martynova, I. R. (2016). Sovremennye zarubezhnye napravleniya issledovanij faktorov riska protivopravnogo povedeniya u nesovershennoletnih. *Psihologiya i pravo*, 6 (2), 41–56. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060204>
- Rean, A. A., Konovalov, I. A. (2019). Proyavlenie agressivnosti podrostkov v zavisimosti ot pola i social'no-ekonomicheskogo statusa sem'i. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 1 (1), 23–33. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0103>
- Teslenko, A. N., Kolyvanova, L. A. (2025). Sistema psihologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya molodezhnoj raboty i profilaktiki deviantnogo povedeniya studentov i shkol'nikov (opyt Kazahstana). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*, 27 (3), 70–78. <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2025-27-102-70-78>
- Chirkina, R. V., Delibalt, V. V., Dozorceva, E. G., Degtyarev, A. V., Debol'skij, M. G., & Voronina, A. V. (2018). K voprosu obosnovaniya diagnosticheskikh priznakov razlichnyh kategorij nesovershennoletnih s protivopravnym povedeniem v kontekste deyatel'nosti PMPK. *Psihologiya i pravo*, 8(1), 77–94. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080106>
- Chuhlancev, Yu. S., Chirkina, R. V., & Kupriyanova, E. A. (2021). Social'nyj ostrakizm i sklonnost' k deviantnomu povedeniyu podrostkov. *Vestnik prakticheskoy psihologii obrazovaniya*, 18 (4), 22–29. <https://doi.org/10.17759/bppe.2021180402>
- Baumeister, R. F., Leary, M. R. (1995). The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Psychological Bulletin*, 117 (3), 497–529.
- Howe, N., & Strauss, W. (2000). *Millennials rising: The next great generation*. Vintage Books.
- Olweus, D. (1984). Aggressors and their victims: Bullying at school. In N. Frude & H. Gault (Eds.), *Disruptive behavior in schools* (pp. 57–76). Wiley.
- Olweus, D. (1993). *Bullying at school: What we know and what we can do*. Blackwell Publishing.
- Prensky, M. (2013). *Digital natives, digital immigrants* (Reprinted from *On the Horizon*, 2001, 9(5)). https://is.muni.cz/el/fss/jaro2013/ZUR589f/um/Prensky_2001_.pdf
- Twenge, J. M., Baumeister, R. F., & Tice, D. M. (2001). If you can't join them, beat them: Effects of social exclusion on aggressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 81 (6), 1058–1069.
- Williams, K. D. (2009). Ostracism: A temporal need-threat model. *Advances in Experimental Social Psychology*, 41, 275–314. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)00406-1](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)00406-1)
- Williams, K. D. (2007). Ostracism. *Annual Review of Psychology*, 58, 425–452. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.58.110405.085641>

Информация об авторе

Александр Николаевич Тесленко – доктор педагогических наук (РК), доктор социологических наук (РФ), профессор кафедры социально-педагогических дисциплин Кокшетауского университета им. А. Мырзахметова, директор Центра ювенологических исследований, Республика Казахстан, г. Астана.

About the author

Alexander Nikolaevich Teslenko – Doctor of Pedagogical Sciences (RK), Doctor of Sociological Sciences (RF), Professor in the Department of Social and Pedagogical Disciplines at A. Myrzakhmetov Kokshetau University, Director of the Center for Juvenile Studies, Astana, Republic of Kazakhstan.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 25.09.2025

Одобрена после рецензирования 15.12.2025

Опубликована 28.12.2025

Submitted September 25, 2025

Approved after reviewing December 15, 2025

Accepted December 28, 2025

УДК 159.9.072

Программа развития компонентов информационно-психологической устойчивости сотрудников полиции: результаты апробации

Елена Владимировна Булавина

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
lonshakova.helen@yandex.ru

ORCID: 0009-0002-2798-4794

Аннотация

Введение. Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел протекает в условиях интенсивного информационного давления и высокой неопределенности, что повышает риск дезорганизации поведения и эмоциональной дестабилизации. На первый план выходит проблема недостаточной разработанности и эмпирической проверки программ, целенаправленно формирующих компоненты информационно-психологической устойчивости у сотрудников. **Цель исследования:** оценить эффективность модульной программы развития личностных и поведенческих компонентов информационно-психологической устойчивости курсантов ведомственных вузов. **Методы.** В рамках проведения эксперимента были сформированы экспериментальная и контрольная группы. Всего в исследовании приняли участие 48 курсантов Санкт-Петербургского университета МВД России. Применялись следующие стандартизированные методики: анкета оценки нервно-психологической устойчивости «Прогноз-2» (В. Ю. Рыбников); опросник волевого самоконтроля (А. Г. Зверков, Е. В. Эйдман); опросник когнитивной гибкости (С. С. Кургинян, Е. Ю. Осаволук); методика диагностики склонности к психологическому индуцированию (С. В. Клаучек, В. В. Деларю); тест рефлексии деятельности (В. Д. Шадриков, С. С. Кургинян, М. Д. Кузнецова); опросник ценностных ориентаций (Ш. Шварц); оценка субъективной локализации контроля над значимыми событиями (Е. Г. Ксенофонтова). Для обработки эмпирических данных был применен сравнительный анализ (U-критерий Манна–Уитни, T-критерий Вилкоксона). **Результаты.** Сравнительный анализ между группами выявил статистически значимые различия по таким параметрам, как: ответственность, самоконтроль, осознанная регуляция деятельности, а также ориентация на самостоятельность и автономность. Полученные результаты свидетельствуют об эффективности разработанной программы, одновременно указывая на устойчивые базовые психологические характеристики, требующие более продолжительного и комплексного воздействия.

Ключевые слова

информационно-психологическая устойчивость, негативное информационно-психологическое воздействие, апробация программы, сотрудники полиции, курсанты

Для цитирования: Булавина, Е. В. (2025). Программа развития компонентов информационно-психологической устойчивости сотрудников полиции: результаты апробации. *Российский девиантологический журнал*, 5 (4), 594–608.

Curriculum development of components of information and psychological resilience in police officers: the results of experimental testing

Elena V. Bulavina

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

lonshakova.helen@yandex.ru

ORCID: 0009-0002-2798-4794

Abstract

Introduction. The professional activity of law enforcement officers is implemented by conditions of intense information pressure and high level of uncertainty. This can lead to behavioural disorganisation and emotional destabilisation. The issue of underdevelopment and empirical verification of curriculum aimed at enhancing information and psychological resilience among police officers comes to the fore. **The purpose of the study** is to evaluate the efficacy of a modular curriculum for developing the personal and behavioural components of information and psychological resilience in cadets at departmental higher education institutions. **Methods.** In the experiment, two groups were created: an experimental group and a control group. The research involved 48 cadets from Saint Petersburg University of the MIA of Russia. The following standardized methods were employed: neuropsychological resilience questionnaire “Prognosis-2” (V. Yu. Rybnikov), the questionnaire of Volitional Self-Control (A.G. Zverkov, E.V. Eydman), Cognitive Flexibility Inventory (S. S. Kurginyan, E. Y. Osavolyuk), Suggestibility Questionnaire (S. V. Klauchek, V. V. Delarue), activity reflection test (V. D. Shadrikov, S. S. Kurginyan, M. D. Kuznetsova), Schwartz Value Survey (Shalom H. Schwartz) and the technique “Level of subjective control” over significant events (E. G. Ksenofontova). The empirical data were processed using a comparative analysis (both Mann-Whitney U test and Wilcoxon T test). **Results.** We carried out a comparative analysis of the groups. The conducted analysis revealed statistically significant differences in the following parameters including responsibility, self-control, conscious self-regulation of activity and an orientation towards independence and autonomy. The findings obtained show the efficacy of the developed curriculum, while also indicating the presence of stable basic psychological characteristics that necessitate more protracted and comprehensive influence.

Keywords

information and psychological resilience, negative information-psychological influence, the results of experimental testing of the curriculum, police officers

For citation: Bulavina, E. V. (2025). Curriculum development of components of information and psychological resilience in police officers: the results of experimental testing. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (4), 594–608.

Введение

Современные условия профессиональной деятельности сотрудников полиции характеризуются высокой степенью неопределенности, эмоциональной напряженности и возрастающим числом информационно-психологического воздействия, оказывающего влияние на поведение, принятие решений и психоэмоциональное состояние сотрудников.

Сотрудники полиции ежедневно оказываются в зоне действия внешних информационных стимулов, часто деструктивного или манипулятивного характера. Источниками таких воздействий могут выступать средства массовой информации, социальные сети, а также непосредственное взаимодействие с населением в условиях напряженности, агрессии, провокаций.

В этих условиях значимость приобретает развитие информационно-психологической устойчивости как системного качества личности, обеспечивающего эффективное выполнение служебных обязанностей, сохранение профессионального здоровья и минимизацию последствий стрессогенных факторов. Проблема противодействия деструктивному информационному воздействию нашла отражение в трудах таких исследователей, как: М. Ф. Секач, В. Г. Шевченко (Секач, Шевченко, 2007), Н. А. Баранов и А. Л. Вассоевич (Баранов и др., 2017), С. В. Матюшенко (Матюшенко, 2017), Е. С. Романова, Л. И. Бершедова (Романова, Бершедова, 2018), А. А. Астахова (Астахова, Кошкарова, 2019), Л. Н. Бережнова, О. И. Белоус, С. А. Воронов (Бережнова и др., 2019), Н. Е. Харламенкова (Харламенкова, 2019), А. Г. Караяни (Караяни и др., 2021), А. Я. Касюк (Касюк, 2021), А. В. Литвинова, А. В. Котенева, А. В. Кокурин, В. С. Иванов (Литвинова и др., 2021), С. Т. Золян, Н. А. Пробст и соавторы (Золян и др., 2021), А.-Л. Меерсон (Меерсон, 2022), П. А. Кисляков, А.-Л. С. Меерсон, Е. А. Шмелева (Кисляков, Меерсон, Шмелева, 2022), С. В. Духновский и К. В. Злоказов (Духновский, Злоказов, 2024), Д. А. Дворецкий (Дворецкий, 2025), R. McCraty, M. Atkinson (McCraty & Atkinson, 2012), C. J. Newell (Newell et al., 2022) R. Zueger (Zueger et al., 2022), K. M. Caramancion (Caramancion et al., 2022). L. Sievi, M. Pawelec (Sievi & Pawelec, 2025) и др.

Информационно-психологическая устойчивость сотрудника полиции рассматривается как интегральное психическое образование, включающее способность осознанно воспринимать и критически осмысливать поступающую информацию, регулировать эмоциональные реакции, сохранять внутренний контроль и уверенность в условиях психологического и информационного давления. Учитывая необходимость комплексного подхода к формированию данного качества, была разработана программа развития компонентов информационно-психологической устойчивости в профессиональной деятельности сотрудников полиции, предназначенная для курсантов ведомственных образовательных организаций и действующих сотрудников полиции.

Целью программы является развитие личностных и поведенческих компонентов, обеспечивающих информационно-психологическую устойчивость сотрудников полиции в условиях внешнего негативного давления и информационного перегруза.

Программа направлена на решение следующих взаимосвязанных задач:

1. Обеспечение условий для развития осознанности и способности к самонаблюдению, позволяющих сотрудникам своевременно распознавать свои эмоциональные реакции и когнитивные установки в условиях информационного давления.

2. Формирование навыков регуляции эмоциональных состояний, направленных на снижение уровня деструктивной аффективной реактивности и повышение способности к конструктивному взаимодействию в профессионально значимых ситуациях.

3. Развитие когнитивной гибкости как способности к альтернативному мышлению, переоценке суждений, увеличению количества интерпретаций происходящего в сложных служебных ситуациях.

4. Развитие критического мышления, позволяющего осознанно анализировать поступающую информацию, выявлять манипулятивные воздействия и принимать обоснованные решения, опираясь на внутренние критерии достоверности.

5. Активизация процессов саморегуляции и повышение уровня интернального контроля, что способствует усилению личной ответственности за профессиональные действия и устойчивости к внешнему влиянию.

6. Поддержка формирования позитивных установок и адаптивных форм мышления, необходимых для поддержания конструктивного отношения к себе, своей профессиональной роли и к окружающей действительности.

7. Развитие самооффективности как устойчивого субъективного представления о собственных способностях справляться с профессиональными задачами в условиях неопределенности и высокого напряжения.

8. Создание условий для тренировки полученных навыков в контексте профессионально ориентированных сценариев, моделирующих типичные служебные ситуации.

Структура программы включает четыре взаимосвязанных модуля, направленных на развитие ключевых психологических компонентов устойчивости. Каждый модуль включает три занятия продолжительностью от 1,5 до 2 часов (в зависимости от количества участников). Программа разработана с учетом принципов модульности и гибкости: возможно как последовательное прохождение всех этапов в полном объеме, так и частичное внедрение отдельных модулей в рамках занятий по морально-психологической подготовке личного состава.

В рамках первого модуля «Осознанность и эмоциональная регуляция» решается задача формирования у сотрудников способности осознанно воспринимать информацию, распознавать ее манипулятивные и провоцирующие компоненты, а также регулировать возникающие эмоции, не допуская выхода из равновесия в условиях профессионального давления.

Формируемая в ходе занятий осознанность рассматривается не только как внутреннее внимание к собственному состоянию, но и как инструмент психологической защиты от внешних информационных атак, обеспечивающая сохранение эмоционального баланса и профессиональной адекватности в нестабильных коммуникационных ситуациях.

Второй модуль – «Когнитивная гибкость и критическое мышление». Психологическая устойчивость в условиях профессиональной деятельности сотрудников ОВД во многом определяется не только эмоциональной регуляцией, но и способностью гибко обрабатывать информацию, адаптироваться к ее многообразию, а также критически ее оценивать. В рамках модуля участники осваивают подходы к осознанной оценке информации, учатся распознавать деструктивные внушения, логические искажения, а также адаптивно реагировать на противоречивые сообщения, поступающие из разных источников, включая СМИ, интернет-платформы, видеоконтент, а также межличностное общение с населением.

Третий модуль «Развитие саморегуляции и интернального контроля» ориентирован на развитие навыков произвольной саморегуляции поведения и укрепление интернального локуса контроля как ключевых механизмов сохранения профессионального ядра личности в условиях многоканального информационного воздействия. Таким образом, цель модуля – сформировать у сотрудников ОВД способность сохранять контроль над внутренними и внешними реакциями, развивать устойчивую установку на собственную ответственность за поведение, несмотря на провокационную или деструктивную информационную среду.

Четвертый модуль – «Формирование позитивного мышления и самооффективности». В условиях регулярной критики в адрес органов внутренних дел, давления со стороны общественного мнения, распространения негативных нарративов в медиа и соцсетях у сотрудников может сформироваться состояние дезадаптивной установки, подрывающее профессиональную мотивацию и личную уверенность. Это состояние часто сопровождается снижением значимости собственной деятельности и внутреннего отказа от чувства эффективности. Данный модуль направлен на развитие адаптивных когнитивных установок, формирование позитивного профессионального мышления, а также на укрепление веры в собственную способность успешно справляться с профессиональными задачами, несмотря на внешние негативные информационные потоки.

Ключевой особенностью программы выступает ее практико-ориентированный характер, так как на занятиях происходит моделирование типичных профессиональных ситуаций, с которыми сталкиваются сотрудники полиции в своей деятельности. Это обеспечивает возможность непосредственного применения полученных знаний и навыков в практической службе, способствует более высокой степени усвоения знаний.

Программа опирается на современные теоретико-методологические подходы психологии, когнитивно-поведенческой терапии, психологии стресса. Ее реализация направлена на повышение адаптационного потенциала сотрудников, снижение риска профессионального выгорания, улучшение психологического климата в подразделениях и укрепление профессиональной надежности.

Таким образом, представленная программа является научно обоснованным, структурированным, гибким инструментом психологического сопровождения сотрудников полиции, ориентированным на развитие устойчивости к информационно-психологическим воздействиям, и повышение эффективности профессиональной деятельности.

Описание исследования

В рамках данного исследования реализована программа развития компонентов информационно-психологической устойчивости в профессиональной деятельности сотрудников МВД России среди курсантов Санкт-Петербургского университета МВД России. Для проведения эксперимента были сформированы экспериментальная и контрольная группы. Формирование групп осуществлялось путем отбора респондентов, демонстрирующих минимальные значения по основным структурным компонентам информационно-психологической устойчивости. Экспериментальную группу составили 24 курсанта (средний возраст $18,1 \pm 0,34$ года; мужчины – 45,8%). Контрольную группу составили курсанты, не принимавшие участия в эксперименте (24 человека; средний возраст $19,9 \pm 0,85$ года; мужчины – 62,5%). Принципиальные различия в выбранных группах по возрасту и полу выявлены не были, поэтому результаты исследования с их участием были объединены.

Психологическая диагностика экспериментальной и контрольной групп проходила дважды: первичное тестирование в рамках основного эмпирического исследования и повторное тестирование после реализации формирующей программы. Данная процедура была направлена на определение динамики развития структурных компонентов информационно-психологической устойчивости у обучающихся ведомственных вузов МВД России.

Обработка психодиагностических данных осуществлялась в программе «STATISTICA 12.0.». Анализу подвергались показатели, полученные при помощи факторного анализа. Использовались методы непараметрической статистики, так как гипотеза о нормальном распределении переменных, проверенная с помощью критерия Колмогорова–Смирнова, подтвердилась не на всех данных.

Статистическая обработка данных включала следующие этапы:

1. Оценка внутригрупповых изменений с помощью Т-критерия Вилкоксона: исследование предполагало сравнение показателей до и после проведения программы в экспериментальной и контрольной группах.

2. Сравнение результатов между экспериментальной и контрольной группами после проведения программы проводилось с использованием U-критерия Манна–Уитни: исследование предполагало определение статистически значимых различий между группами в целях оценки эффективности программы.

Далее приведен сравнительный анализ результатов экспериментальной и контрольной групп на констатирующем этапе. Сравнительный анализ показателей предварительного

измерения не подтвердил различий между экспериментальной и контрольной группами ($p > 0,05$). При этом значения нервно-психической устойчивости в обеих группах были ниже нормативных показателей, установленных для методики «Прогноз-2» (В. Ю. Рыбников), что свидетельствует о его сниженном уровне у испытуемых. Результаты первичной диагностики по методике «Волевой самоконтроль» (А. Г. Зверков, Е. В. Эйдман) не выявили статистически значимых различий между контрольной и экспериментальной группами ($p > 0,05$). Первичные показатели интернальности: межгрупповые различия незначимы ($p > 0,05$). Первичные данные по методике «Ценностные ориентации» Ш. Шварца выявили средние значения по сравниваемым шкалам, не имеющим статистически значимых различий между группами ($p > 0,05$). Диагностика по методике склонности к психологическому индуцированию «Внушаемость» (С. В. Клаучек, В. В. Деларю) не выявила статистически значимых различий между контрольной и экспериментальной группами ($p > 0,05$).

Необходимо отметить, что первичная диагностика выявила средний уровень когнитивной флексибельности в обеих группах без статистически значимых различий ($p > 0,05$), однако по ранговым показателям контрольная группа продемонстрировала более высокие результаты.

Значимых различий между группами по результатам сравнительного анализа исходных данных методики «Рефлексия деятельности» не выявлено. Вместе с тем средний балл по шкале «Информационная основа деятельности» в экспериментальной группе немного выше, чем в контрольной.

Таким образом, сравнительный анализ не выявил статистически значимых различий между контрольной и экспериментальной группами по основным изучаемым параметрам ($p > 0,05$), что свидетельствует о корректности процедуры формирования выборки. Результаты первичной диагностики структурных компонентов информационно-психологической устойчивости обучающихся показали средний уровень выраженности всех исследуемых показателей. Такие исходные данные создают необходимые условия для объективной оценки эффективности формирующего воздействия в дальнейшем исследовании.

Анализируя полученные статистически значимые различия по параметрам эмоционально-волевой регуляции и социальной адаптивности в экспериментальной группе после внедрения программы, можно отметить изменение изучаемых показателей по следующим шкалам: социализация ($p < 0,01$); нормопринятие ($p < 0,01$); агрессивность ($p < 0,05$); тревожность ($p < 0,05$); депрессия ($p < 0,05$).

В экспериментальной группе курсантов наблюдается значимое изменение уровня выраженности принятия общепринятых норм, ценностей, а также моделей поведения. Кроме того, отмечается снижение проявлений агрессивности, выражающейся во враждебности и подозрительности. Достоверно ниже стала выраженность уровня тревожности, эмоциональной чувствительности и ранимости в ответ на внешние воздействия.

Отсутствие значимых различий по показателям нервно-психической устойчивости и волевого контроля эмоциональных реакций объясняется целостностью и сложностью данного психологического конструкта, коррекция которого требует более продолжительного и комплексного воздействия. Показатели по шкалам аддиктивной предрасположенности и психотических проявлений не претерпели изменений как до, так и после проведения занятий, что может объясняться инертностью регуляторных процессов и изначально низкой выраженностью таких характеристик у испытуемых.

Выявлены статистически значимые изменения по показателям волевой регуляции: волевой самоконтроль, настойчивость и самообладание. В ходе программы у курсантов можно отметить развитие таких качеств, как устойчивость намерений и целей, способность к рефлексии и самоконтролю, готовность к восприятию нового опыта.

По шкалам «Общая интернальность», «Интернальность в межличностном общении», «Готовность к деятельности» получены статистически значимые положительные изменения по сравнению с исходными показателями обучающихся ($p < 0,05$). В результате программы отмечено повышение уровня субъективного контроля (усиление уверенности в собственной способности влиять на события, рост независимости в принятии решений, увеличение готовности брать ответственность в межличностных отношениях), формирование активной жизненной позиции (укрепление убежденности в ценности активного поведения, развитие направленности на достижение поставленных целей).

Статистический анализ показал достоверные изменения в ценностных ориентациях обучающихся по шкале «Самостоятельность» ($p < 0,01$). Наблюдается выраженная актуализация потребности в независимости, автономности действий и личной ответственности, что может свидетельствовать о формировании более зрелой личностной позиции и развитии внутренней мотивации.

Проведенный статистический анализ данных, полученных с помощью методики диагностики склонности к психологическому индуцированию (С. В. Клаучек, В. В. Деларю), показал статистически значимое ($p < 0,05$) снижение уровня внушаемости. Полученные результаты отражают уменьшение склонности к некритичному восприятию информации и свидетельствуют о развитии способности к более осознанному и дифференцированному анализу поступающих сведений.

Анализ данных выявил значительное улучшение показателей когнитивной гибкости ($p < 0,01$). Наиболее явно выраженные изменения наблюдаются по шкале «Контроль», что указывает на развитие у курсантов способности воспринимать сложные ситуации как управляемые. Менее значимые, но достоверные изменения ($p < 0,05$) зафиксированы по шкале «Альтернативы», что свидетельствует о развитии навыков многовариативного анализа ситуаций.

Проведенный анализ показал достоверное повышение показателей рефлексии по компоненту «Мотивация и целеполагание деятельности» ($p < 0,01$), что указывает на усиление мотивационной составляющей деятельности и формирование более четких представлений о желаемых результатах деятельности.

Таким образом, результаты проведенного исследования демонстрируют статистически значимую положительную динамику психологических характеристик участников экспериментальной группы после реализации программы. Наиболее выраженные изменения проявились в сфере осознанной саморегуляции, где отмечаются развитие способности к целенаправленной самоорганизации и усиление внутреннего локуса контроля. В мотивационно-волевой сфере зафиксированы актуализация потребности в самостоятельности, повышение личной ответственности. Значимые изменения произошли и в когнитивной сфере, что проявилось в переоценке трудных ситуаций и восприятии их как управляемых, развитии адаптивных стратегий преодоления и повышении стрессоустойчивости.

Вместе с тем не обнаружено значимых изменений по параметрам нервно-психической устойчивости и волевого контроля импульсивных реакций, что может указывать на сложность психологических конструкторов и дифференцированное воздействие программы.

Для оценки эффективности проведенного формирующего эксперимента был проведен сравнительный анализ результатов экспериментальной и контрольной групп. Этот этап исследования позволил выявить динамику изменений и установить наличие статистически значимых различий между группами.

Результаты сравнительного анализа свидетельствуют о более высоких показателях нормопринятия ($U = 111$; $p < 0,001$) и социализации ($U = 194$; $p < 0,05$) у курсантов экспериментальной группы, а также о значимо более низком уровне тревожности ($U = 169$; $p < 0,01$)

Таблица 1. Сравнительный анализ показателей методики «Прогноз-2» (В. Ю. Рыбников) и «Волевой самоконтроль» (А. Г. Зверков, Е. В. Эйдман) в экспериментальной (ЭГ2) и контрольной (КГ2) группах после формирующего эксперимента (U-критерий Манна-Уитни)

Table 1. Comparative analysis of indicators using “Prognosis-2” (V. Yu. Rybnikov) and Volitional Self-Control (A.G. Zverkov, E.V. Eydman) methods in the experimental group (EG2) and the control group (CG2) after the formative experiment (Mann-Whitney U test)

Шкалы методики	ЭГ 2 (n = 24)		КГ 2 (n = 24)		Значение критерия U	Уровень значимости (p≤)
	М	SD	М	SD		
Методика «Прогноз-2» (В. Ю. Рыбников)						
Нервно-психическая устойчивость	34,71	6,54	35,38	7,58	265,000	0,634
Социализация	27,38	4,00	25,21	4,57	194,000	0,051
Нормопринятие	12,25	0,85	10,46	1,83	111,000	0,000
Волевой контроль	7,54	2,23	7,67	2,76	267,500	0,670
Агрессивность	2,17	1,34	3,25	2,55	230,000	0,225
Аддиктивная предрасположенность	1,46	1,53	1,63	1,98	284,000	0,932
Психотические проявления	2,58	2,21	2,42	2,55	267,000	0,660
Тревожность	2,25	1,22	3,38	1,58	169,000	0,012
Депрессия	0,79	0,59	2,00	1,98	206,500	0,079
Методика «Волевой самоконтроль» (А. Г. Зверков, Е. В. Эйдман)						
Волевой самоконтроль	6,06	1,10	5,33	1,52	181,000	0,025
Настойчивость	6,58	1,69	4,79	1,35	118,500	0,000
Самообладание	5,75	1,15	5,13	1,48	223,000	0,167

по сравнению с контрольной группой. Эти данные указывают на повышение социальной адаптивности, проявляющейся в осознанном принятии социальных норм и правил поведения, развитием чувстве долга и добросовестности.

Вместе с тем отмечается снижение тревожности в ответ на воздействия среды и уменьшение склонности к дезадаптивным переживаниям, что обеспечивает курсантам экспериментальной группы способность эффективно функционировать в условиях регламентированной деятельности, сохраняя психологическое равновесие (таблица 1).

Результаты исследования выявили более высокие показатели настойчивости ($U = 118,5$; $p < 0,001$) и волевого самоконтроля ($U = 181$; $p < 0,05$) у участников экспериментальной группы (таблица 1). Полученные данные свидетельствуют о развитии у испытуемых таких личностных характеристик, как целеустремленность, активная жизненная позиция и уверенность в собственных силах. Особенно важно отметить сформированную способность к рациональному распределению усилий и осознанному контролю собственных действий.

Сравнительный анализ показателей локуса контроля между экспериментальной и контрольной группами после проведения эксперимента выявил статистически значимые различия: общая интернальность ($U = 194,5$; $p < 0,05$) и готовность к деятельности ($U = 149,5$; $p < 0,01$). Полученные результаты демонстрируют более высокие значения указанных

Таблица 2. Сравнительный анализ показателей методики «Оценка субъективной локализации контроля над значимыми событиями» (Е. Г. Ксенофонтова) в экспериментальной (ЭГ2) и контрольной (КГ2) группах после формирующего эксперимента (U-критерий Манна-Уитни)

Table 2. Comparative analysis of indicators using the technique “Level of subjective control” over significant events (E. G. Ksenofontova) in the experimental group (EG2) and the control group (CG2) after the formative experiment (Mann-Whitney U test)

Шкалы	ЭГ 2 (n = 24)		КГ 2 (n = 24)		Значение критерия U	Уровень значимости (p≤)
	M	SD	M	SD		
Общая интернальность	6,46	1,61	5,54	1,38	194,500	0,050
Интернальность в профессиональной деятельности	5,92	1,38	5,63	1,47	261,000	0,563
Интернальность в межличностном общении	5,38	1,64	4,71	1,51	213,000	0,116
Готовность к деятельности	6,29	1,20	5,08	1,29	149,500	0,003
Интернальность в сфере семейных отношений	4,50	2,27	4,50	2,06	287,500	0,992
Интернальность в отношении здоровья и болезни	5,50	1,44	5,46	1,15	264,000	0,610
Интернальность в сфере достижений	5,63	1,64	5,33	1,46	234,500	0,259
Интернальность в сфере неудач	5,54	1,53	5,33	1,34	259,500	0,543

показателей у курсантов экспериментальной группы. Данные изменения свидетельствуют о повышении уровня личной ответственности, что проявляется в выраженной интернальной позиции, сформированной готовности к активным действиям, убежденности в собственном влиянии на различные жизненные обстоятельства (таблица 2).

Полученные данные свидетельствуют, что курсанты экспериментальной группы демонстрируют более высокую ориентацию на независимость и автономность в регуляции собственного поведения ($U = 195,5$; $p < 0,05$). По остальным исследуемым ценностным ориентациям достоверных различий между группами не обнаружено (таблица 3.).

Результаты статистического анализа не выявили достоверных различий по показателю внушаемости между экспериментальной и контрольной группами ($U = 200,5$; $p > 0,05$). Однако анализ средних рангов обнаруживает тенденцию к более высокой выраженности данного показателя у курсантов контрольной группы по сравнению с экспериментальной. Наблюдаемая тенденция может указывать на большую устойчивость к внешнему влиянию у курсантов экспериментальной группы, формированию у них более самостоятельной позиции, что согласуется с ранее выявленными изменениями по показателям интернальности и самостоятельности (таблица 4).

Результаты исследования демонстрируют более высокий уровень когнитивной гибкости у курсантов экспериментальной группы ($U = 185$; $p < 0,05$), что проявляется в способности рассматривать множественные варианты решений (шкала «Альтернативы»,

Таблица 3. Сравнительный анализ показателей методики «Ценностные ориентации» (Ш. Шварц) в экспериментальной (ЭГ2) и контрольной (КГ2) группах после формирующего эксперимента (U-критерий Манна-Уитни)

Table 3. Comparative analysis of indicators using the method Schwartz Value Survey (Shalom H. Schwartz) in the experimental group (EG2) and the control group (CG2) after the formative experiment (Mann-Whitney U test)

Шкалы	ЭГ 2 (n = 24)		КГ 2 (n = 24)		Значение критерия U	Уровень значимости (p≤)
	М	SD	М	SD		
Конформность	10,46	1,91	10,71	2,96	253,000	0,466
Традиции	7,75	2,31	8,00	3,11	263,000	0,604
Доброта	11,79	1,72	11,00	2,55	240,500	0,320
Универсализм	17,08	2,90	16,13	4,19	264,500	0,626
Самостоятельность	12,04	2,29	10,63	2,27	195,500	0,053
Стимуляции	7,42	1,86	7,21	2,02	280,500	0,876
Гедонизм	7,75	1,82	7,54	2,18	265,000	0,630
Достижения	11,25	2,49	10,46	3,21	238,500	0,301
Власть	7,04	2,53	6,08	2,31	227,000	0,204
Безопасность	13,42	2,55	14,21	3,61	219,500	0,154

U = 189,5; p < 0,05), и склонность воспринимать сложные ситуации как поддающиеся контролю (шкала «Контроль», U = 183; p < 0,05). Полученные данные свидетельствуют о значимых позитивных изменениях в когнитивной сфере испытуемых, а именно о развитии гибкого адаптивного мышления и способности к вариативному решению задач (таблица 4).

Результаты анализа выявили значимые различия между группами по шкале «Мотивация и целеполагание деятельности» (U = 179,5; p < 0,05). Установлено, что курсанты экспериментальной группы демонстрируют более высокий уровень рефлексии к анализу условий деятельности, позволяющих ее организовывать и структурировать в соответствии с поставленными целями и ожидаемым результатом (таблица 4).

Результаты сравнительного анализа демонстрируют статистически значимые различия между группами после реализации программы. Курсанты экспериментальной группы показали достоверно более высокий уровень развития ответственности, самоконтроля, осознанной регуляции деятельности, стремления к самостоятельности. За период проведения занятий у курсантов экспериментальной группы по сравнению с контрольной отмечается снижение уровня тревожности и дезадаптивных реакций. Курсанты научились лучше понимать границы своей ответственности, стали осознанно воспринимать степень своего влияния на различные жизненные события, опираться на собственные силы, находить вариативные подходы в решении задач.

Таким образом, полученные результаты позволяют интегрировать выявленные изменения в целостную систему регуляторных и когнитивно-личностных характеристик, способствующих успешной профессиональной адаптации и поддержанию психологического равновесия в условиях внешнего давления.

Таблица 4. Сравнительный анализ показателей методик «Внушаемость» (С. В. Клаучек, В. В. Деларю), «Когнитивная гибкость» (С. С. Кургинян, Е. Ю. Осаволук), «Рефлексия деятельности» (В. Д. Шадриков, С. С. Кургинян) в экспериментальной (ЭГ2) и контрольной (КГ2) группах после формирующего эксперимента (U-критерий Манна–Уитни)

Table 4. Comparative analysis of indicators using Suggestibility Questionnaire (S. V. Klauchek, V. V. Delarue), Cognitive Flexibility Inventory (S. S. Kurginyan, E. Y. Osavolyuk), activity reflection test (V. D. Shadrikov, S. S. Kurginyan) in the experimental group (EG2) and the control group (CG2) after the formative experiment (Mann-Whitney U test)

Шкалы	ЭГ 2 (n = 24)		КГ 2 (n = 24)		Значение критерия U	Уровень значимости (p≤)
	M	SD	M	SD		
Методика «Внушаемость» (С. В. Клаучек, В. В. Деларю)						
Внушаемость	8,46	1,32	9,38	3,44	200,500	0,068
Методика «Когнитивная гибкость» (С. С. Кургинян, Е. Ю. Осаволук)						
Когнитивная гибкость	98,58	13,05	91,54	11,57	185,000	0,034
Альтернативы	56,75	9,92	54,38	5,71	189,500	0,039
Контроль	41,83	6,39	37,17	8,66	183,000	0,030
Методика «Рефлексия деятельности» (В. Д. Шадриков, С. С. Кургинян)						
Общий показатель рефлексии деятельности	64,17	8,22	62,92	9,94	254,500	0,489
Информационная основа деятельности	15,21	5,08	12,42	4,26	200,500	0,070
Мотивация и целеполагание деятельности	23,67	5,04	21,83	2,76	179,500	0,024
Принятие решения и осуществление деятельности	26,67	6,07	28,25	12,96	272,500	0,749

В целях оценки естественной динамики показателей, не обусловленной экспериментальным воздействием, был осуществлен сравнительный анализ данных констатирующего и контрольного этапов исследования.

Полученные данные по показателю эмоционально-волевой регуляции и социальной адаптивности в контрольной группе подтверждают отсутствие статистически значимых изменений ($p > 0,05$), что свидетельствует о стабильности исследуемых характеристик.

За период проведения эксперимента существенной динамики показателей по параметрам саморегуляции не наблюдается. Однако значимые изменения были выявлены по показателю «Настойчивость», который продемонстрировал снижение выраженности ($p < 0,05$), что может быть обусловлено влиянием учебной нагрузки или других ситуационных переменных.

Сопоставление показателей интернального локуса контроля в контрольной группе свидетельствует об отсутствии статистически значимых изменений между констатирующим и контрольными этапами исследования.

Результаты анализа ценностных ориентаций в контрольной группе демонстрируют общую стабильность большинства исследуемых параметров. Вместе с тем курсанты контрольной группы характеризуются повышением показателя «Стимуляция» ($p < 0,05$), что может отражать возрастание потребности в новизне и переменах, стремление к интенсивным переживаниям.

Результаты сравнительного анализа показателя внушаемости между исходными и итоговыми измерениями в контрольной группе не выявили статистически значимых различий.

Полученные данные анализа контрольной группы по показателям когнитивной гибкости не выявили статистически значимых изменений, что может свидетельствовать об отсутствии существенного влияния внешних факторов на данные характеристики.

Анализ показателей рефлексии деятельности в контрольной группе не выявил статистически значимых изменений, что позволяет сделать вывод о необходимости целенаправленных методов развития рефлексивных навыков для осознанной аналитической деятельности.

Результаты сравнительного анализа контрольной группы демонстрируют отсутствие значимых изменений по большинству исследуемых показателей. Вместе с тем курсанты контрольной группы характеризуются значимым повышением потребности в стимуляции и снижением показателя настойчивости. Эти изменения могут быть обусловлены несколькими факторами: возрастающей потребностью в профессиональных вызовах и новизне, особенностями текущей образовательной среды, адаптационными процессами в ходе обучения.

Анализ результатов свидетельствует об отсутствии существенных изменений в динамике регулятивных и когнитивно-личностных показателей в течение исследуемого периода. Это обосновывает необходимость внедрения методов и технологий, направленных на развитие осознанности, ответственности, когнитивной гибкости и устойчивости к негативным воздействиям.

Заключение

Результаты эмпирического исследования позволили разработать программу развития компонентов информационно-психологической устойчивости в профессиональной деятельности сотрудников МВД России. Программа направлена на формирование и развитие личностных и поведенческих характеристик, которые обеспечивают устойчивость к внешнему негативному воздействию и чрезмерной информационной нагрузке.

Результаты проведенного исследования демонстрируют статистически значимую положительную динамику личностных характеристик у участников экспериментальной группы. У курсантов отмечается повышение уровня социализации и нормопринятия, снижение агрессивности, тревожности и депрессивных проявлений. Одновременно зафиксировано развитие самоконтроля, настойчивости, самообладания, а также рост интернальности и ответственности. Важными результатами стали снижение внушаемости, активизация потребности в самостоятельности, улучшение рефлексии к мотивации целеполагания деятельности и способности к вариативному решению задач, а также повышение восприятия сложных ситуаций как контролируемых. Вместе с тем значимых изменений по таким показателям, как нервно-психическая устойчивость, волевой контроль, аддиктивная предрасположенность и психотические проявления, не выявлено, что может объясняться инертностью данных характеристик.

В контрольной группе, в отличие от экспериментальной, значимых изменений в исследуемых показателях не выявлено, за исключением некоторого повышения потребности в новизне и параллельного снижения показателя настойчивости.

Таким образом, разработанная программа развития компонентов информационно-психологической устойчивости в профессиональной деятельности сотрудников полиции способствует комплексному совершенствованию профессионально важных качеств, включая развитие адаптационных механизмов, усиление самоконтроля и осознанной ответственности, рефлексии целеполагания, когнитивной гибкости, активизацию потребности в самостоятельности при одновременном снижении негативных эмоциональных состояний и внушаемости.

Список литературы

- Астахова, А. А., Кошкарлова, Ю. А. (2019). Формирование психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел к деструктивным информационным воздействиям как составляющая профессионального мастерства. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 8 (3 (28)), 25–27.
- Баранов, Н. А., Вассоевич, А. Л., Виноградова, С. М. и др. (2017). *Информационно-психологическая и когнитивная безопасность: коллективная монография*. Санкт-Петербург: Издательский дом «Петрополис».
- Бережнова, Л. Н., Белоус, О. И., Воронов, С. А. и др. (2019). *Провокационное воздействие на человека в информационном пространстве: монография*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации.
- Дворецкий, Д. А. (2025). Психологические аспекты личностного восприятия информационной атаки. *Психология и педагогика служебной деятельности*, 1, 40–43.
- Духновский, С. В., Злоказов, К. В. (2024). Информационно-психологическая уязвимость сотрудников органов внутренних дел разным уровнем устойчивости и утомленности. *Психология и право*, 14 (4), 50–67. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140404>
- Золян, С. Т., Пробст, Н. А., Сладкевич, Ж. Р., Тульчинский, Г. Л. (2021). *Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность: коллективная монография*. Санкт-Петербург: Издательство «Алетейя».
- Караяни, А. Г., Караяни, Ю. М., Дерешко, Б. Ю. и др. (2021). *Технологии защиты сотрудников органов внутренних дел от негативного информационно-психологического воздействия: монография*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Касюк, А. Я. (2021). Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве. *Вестник МГЛУ. Общественные науки*, 1 (842), 22–34.
- Кисляков, П. А., Меерсон, А. Л. С., Шмелева, Е. А. (2022). *Информационно-психологическая устойчивость личности к социокультурным угрозам: монография*. Иваново: Издательство «ПресСто».
- Литвинова, А. В., Котенева, А. В., Кокурин, А. В., Иванов В. С. (2021). Проблемы психологической безопасности личности в экстремальных условиях жизнедеятельности. *Современная зарубежная психология*, 10 (1), 8–16. <https://doi.org/10.17759/jmfr.2021100101>
- Матюшенко, С. В. (2017). Выработка у будущих сотрудников ОВД устойчивости к неблагоприятному информационно-психологическому воздействию. *Вестник Международного института экономики и права*, 1 (26), 105–109.
- Меерсон, А. Л. С. (2022). Разработка тренинга по формированию информационно-психологической устойчивости личности студентов вуза. *Russian Journal of Education and Psychology*, 13 (1), 154–176. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2022-13-1-154-176>
- Романова, Е. С., Бершедова, Л. И. (2018). Информационно-психологическая безопасность молодежи: системно-психологический анализ. *Системная психология и социология*, 3 (27), 26–38.
- Секач, М. Ф., Шевченко, В. Г. (2007). *Психология безопасности: монография*. Благовещенск: Издательство БГПУ.
- Харламенкова, Н. Е. (2019). Понятие психологической безопасности и его обоснование с разных научных позиций. *Психологический журнал*, 40 (1), 28–37. <https://doi.org/10.31857/S020595920002985-9>
- Caramancion, K. M., Li, Y., Dubois, E., & Jung, E. S. (2022). The Missing Case of Disinformation from the Cybersecurity Risk Continuum: A Comparative Assessment of Disinformation with Other Cyber Threats. *Data*, 7 (4), 49. <https://doi.org/10.3390/data7040049>

- McCraty, R., & Atkinson, M. (2012). Resilience training program reduces physiological and psychological stress in police officers. *Global Advances in Health and Medicine*, 1(5), 44–66. <https://doi.org/10.7453/gahmj.2012.1.5.013>
- Newell, C. J., Ricciardelli, R., Czarnuch, S. M., & Martin, K. (2021). Police staff and mental health: barriers and recommendations for improving help-seeking. *Police Practice and Research*, 23(1), 111–124. <https://doi.org/10.1080/15614263.2021.1979398>
- Sievi, L., & Pawelec, M. (2025). How Should Security Authorities Counter False Information? *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 116, 105093. <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2024.105093>
- Zueger, R., Niederhauser, M., Utzinger, C., Annen, H., & Ehlert, U. (2022). Effects of resilience training on mental, emotional, and physical stress outcomes in military officer cadets. *Military Psychology*, 35(6), 566–576. <https://doi.org/10.1080/08995605.2022.2139948>

References

- Astahova, A. A., Koshkarova, Yu. A. (2019). Formirovanie psihologicheskoy ustojchivosti sotrudnikov organov vnutrennih del k destruktivnym informacionnym vozdeystviyam kak sostavlyayushchaya professional'nogo masterstva. *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya*, 8(3(28)), 25–27.
- Baranov, N. A., Vassoevich, A. L., Vinogradova, S. M. i dr. (2017). *Informacionno-psihologicheskaya i kognitivnaya bezopasnost': kollektivnaya monografiya*. Saint Petersburg: Izdatel'skij dom «Petropolis».
- Berezhnova, L. N., Belous, O. I., Voronov, S. A. i dr. (2019). *Provokacionnoe vozdejstvie na cheloveka v informacionnom prostranstve: monografiya*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij voennyj ordena Zhukova institut vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii.
- Dvoreckij, D. A. (2025). Psihologicheskie aspekty lichnostnogo vospriyatiya informacionnoj ataki. *Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti*, 1, 40–43.
- Duhnovskij, S. V., Zlokazov, K. V. (2024). Informacionno-psihologicheskaya uyazvимость sotrudnikov organov vnutrennih del raznym urovnem ustojchivosti i utomlennosti. *Psihologiya i pravo*, 14(4), 50–67. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140404>
- Zolyan, S. T., Probst, N. A., Sladkevich, Zh. R., Tul'chinskij, G. L. (2021). *Fejki: kommunikaciya, smysly, otvetstvennost': kollektivnaya monografiya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Aletejya».
- Karayani, A. G., Karayani, Yu. M., Dereshko, B. Yu. i dr. (2021). *Tekhnologii zashchity sotrudnikov organov vnutrennih del ot negativnogo informacionno-psihologicheskogo vozdeystviya: monografiya*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Kasyuk, A. Ya. (2021). Informacionno-psihologicheskoe vozdeystvie v informacionnom protivoborstve. *Vestnik MGLU. Obshchestvennye nauki*, 1(842), 22–34.
- Kislyakov, P. A., Meerson, A. L. S., Shmeleva, E. A. (2022). *Informacionno-psihologicheskaya ustojchivost' lichnosti k sociokul'turnym ugrozam: monografiya*. Ivanovo: Izdatel'stvo «PresSto».
- Litvinova, A. V., Koteneva, A. V., Kokurin, A. V., Ivanov V. S. (2021). Problemy psihologicheskoy bezopasnosti lichnosti v ekstremal'nyh usloviyah zhiznedeyatel'nosti. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya*, 10(1), 8–16. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100101>
- Matyushenko, S. V. (2017). Vyrabotka u budushchih sotrudnikov OVD ustojchivosti k neblagopriyatnym informacionno-psihologicheskomu vozdeystviyu. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava*, 1(26), 105–109.
- Meerson, A. L. S. (2022). Razrabotka treninga po formirovaniyu informacionno-psihologicheskoy ustojchivosti lichnosti studentov vuza. *Russian Journal of Education and Psychology*, 13(1), 154–176. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2022-13-1-154-176>

- Romanova, E. S., Bershedova, L. I. (2018). Informacionno-psihologicheskaya bezopasnost' molodezhi: sistemno-psihologicheskii analiz. *Sistemnaya psihologiya i sociologiya*, 3 (27), 26–38.
- Sekach, M. F., Shevchenko, V. G. (2007). *Psihologiya bezopasnosti: monografiya*. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo BGPU.
- Harlamenkova, N. E. (2019). Ponyatie psihologicheskoy bezopasnosti i ego obosnovanie s raznyh nauchnyh pozicij. *Psihologicheskij zhurnal*, 40 (1), 28–37. <https://doi.org/10.31857/S020595920002985-9>
- Caramancion, K. M., Li, Y., Dubois, E., & Jung, E. S. (2022). The Missing Case of Disinformation from the Cybersecurity Risk Continuum: A Comparative Assessment of Disinformation with Other Cyber Threats. *Data*, 7 (4), 49. <https://doi.org/10.3390/data7040049>
- McCraty, R., & Atkinson, M. (2012) Resilience training program reduces physiological and psychological stress in police officers. *Global Advances in Health and Medicine*, 1(5), 44–66. <https://doi.org/10.7453/gahmj.2012.1.5.013>
- Newell, C. J., Ricciardelli, R., Czarnuch, S. M., & Martin, K. (2021). Police staff and mental health: barriers and recommendations for improving help-seeking. *Police Practice and Research*, 23 (1), 111–124. <https://doi.org/10.1080/15614263.2021.1979398>
- Sievi, L., & Pawelec, M. (2025). How Should Security Authorities Counter False Information? *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 116, 105093. <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2024.105093>
- Zueger, R., Niederhauser, M., Utzinger, C., Annen, H., & Ehlert, U. (2022). Effects of resilience training on mental, emotional, and physical stress outcomes in military officer cadets. *Military Psychology*, 35 (6), 566–576. <https://doi.org/10.1080/08995605.2022.2139948>

Информация об авторе

Елена Владимировна Булавина – старший психолог отделения профессионального психологического отбора отдела психологической работы управления по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России.

About the author

Elena V. Bulavina - Senior Psychologist of Professional Psychological Selection Unit, Psychological Work Department of Personnel Management Division of Saint Petersburg University of the MIA of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 13.10.2025

Одобрена после рецензирования 28.11.2025

Опубликована 28.12.2025

Submitted October 13, 2025

Approved after reviewing November 28, 2025

Accepted December 28, 2025

УДК 159.9

Изучение факторов мотивации и демотивации у кандидатов на службу в органы внутренних дел

Андрей Эрикович Власов

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
VAEspb@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5589-3120

Аннотация

Актуальность исследования определяется необходимостью совершенствования работы с личным составом органов внутренних дел, обусловленной проблемой недостатка научных знаний о мотивации и демотивации к служебной деятельности. Практическая значимость изучения мотивационной сферы личности граждан, поступающих на службу, связана с ведением эффективной кадровой политики в части адаптации молодых сотрудников, профилактики девиантного поведения, происшествий среди личного состава. **Цель исследования:** изучение структуры факторов мотивации и демотивации у кандидатов на службу в органы внутренних дел. **Методы исследования:** для выявления наиболее и наименее выраженных мотивационных факторов использовалась методика «Мотивационный профиль». Применялись методы описательной статистики, коэффициент корреляции Спирмена (r -Спирмена), непараметрический H -критерий Краскела–Уоллиса (Kruskal–Wallis H -test). **Результаты:** у кандидатов на службу в органы внутренних дел выявлены как наиболее выраженные мотивы, так и наименее важные. Описываемые результаты получены в результате психодиагностики и носят ориентирующий характер. Каждый мотивационный фактор может быть представлен в виде конкретных мотивов-антагонистов, определяющих как нормативное, так и отклоняющееся поведение. Понимание дуализма мотивов (эгоцентрических и альтруистических) в зависимости от направленности сотрудника позволит совершенствовать работу по профилактике нарушений служебной дисциплины и законности. Даются рекомендации по использованию выявленных особенностей при принятии решения о категории профессиональной психологической пригодности и при дальнейшем психологическом сопровождении в рамках морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности.

Ключевые слова

мотивация к службе, мотивация сотрудника полиции, диагностика кандидатов на службу

Для цитирования: Власов, А. Э. (2025). Изучение факторов мотивации и демотивации у кандидатов на службу в органы внутренних дел. *Российский девиантологический журнал*, 5 (4), 609–622.

The study of motivation and demotivation factors among candidates for service in the internal affairs bodies

Andrey E. Vlasov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

VAEspb@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5589-3120

Abstract

Introduction. The relevance of the study is determined by the need to improve work with the personnel of internal affairs agencies, caused by the problem of insufficient scientific knowledge about motivation and demotivation for official activities. The practical significance of studying the motivational sphere of citizens entering the service is related to the implementation of an effective personnel policy in terms of the adaptation of young employees and the prevention of deviant behavior and incidents among personnel. **Purpose of the study:** to examine the structure of motivational and demotivational factors among candidates for service in internal affairs agencies. **Methods:** The «Motivational Profile» method was used to identify the most and least pronounced motivational factors. Descriptive statistics, the Spearman correlation coefficient (r -Spearman), and the nonparametric Kruskal-Wallis H-test were applied. **Results:** Candidates for service in internal affairs agencies have been identified as having both the most pronounced motives and the least important ones. The results described were obtained through psychological testing and are indicative in nature. Each motivational factor can be represented in the form of specific antagonistic motives that determine both normative and deviant behavior. Understanding the dualism of motives (egocentric and altruistic) depending on the employee's orientation will make it possible to improve the work on preventing violations of official discipline and legality. Recommendations are given on the use of the identified characteristics when making decisions on the category of professional psychological suitability and during further psychological support within the framework of moral and psychological support for operational and service activities.

Keywords

motivation for service, motivation of a police officer, diagnosis of candidates for service

For citation: Vlasov, A. E. (2025). The study of motivation and demotivation factors among candidates for service in the internal affairs bodies. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (4), 609–622.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования работы с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации в условиях недостаточной укомплектованности подразделений, а также современных вызовов и угроз Российскому государству и обществу. Проблема исследования заключается в недостатке научных знаний о мотивации и демотивации сотрудников к служебной деятельности. Непонимание сущности этих явлений, равно как и отношений между ними, сказывается на теории, методологии и практике организации работы с кандидатами на службу и сотрудниками органов внутренних дел.

Практическая значимость изучения мотивации профессиональной деятельности связана с ведением эффективной кадровой политики в части сохранения кадрового ядра при обеспечении сменяемости личного состава, формирования служебных коллективов, адаптации молодых сотрудников, профилактики девиантного поведения.

Целью статьи является изучение структуры мотивационных факторов кандидатов на службу в органы внутренних дел.

Гипотезой выступает предположение о присущей всем кандидатам на службу в органы внутренних дел похожей иерархии мотивов, отражающей актуальные потребности и ожидания от служебной (учебной) деятельности, вне зависимости от предполагаемого места службы (учебы).

Для понимания современного состояния научных представлений об исследуемом явлении необходимы анализ теоретических основ мотивации сотрудников органов внутренних дел к служебной деятельности, а также проведение эмпирического исследования. Учитывая прикладное значение данной области, представляется значимой верификация теоретических представлений о мотивации служебной деятельности.

Структура статьи соответствует обозначенным задачам. В начале обсуждаются теоретические представления о мотивации служебной деятельности, выступающие основанием эмпирического исследования. В основной части описываются замысел, процедура и результаты исследования мотивации и демотивации сотрудников органов внутренних дел. Проводится интерпретация результатов и формулируются выводы. В заключительной части статьи обсуждаются перспективы дальнейшей теоретической и прикладной разработки мотивации к служебной деятельности.

Теоретические предпосылки исследования

Исследования трудовой мотивации позволяют понять многие факторы: особенности выбора человеком профессии; эффективность труда работника; причины увольнения или смены должности; роль организации в продуктивности деятельности сотрудников. В настоящее время единая концепция трудовой мотивации отсутствует, а существующие теории дают представление лишь о каком-либо одном аспекте. Перспективным представляется синтез верифицированных практикой подходов, которые способны сформировать единую концепцию мотивации профессиональной деятельности.

Рассмотрение феномена мотивации широко представлено теориями, посвященными потребностям человека. Г. Мюррей считал, что неудовлетворенные потребности способствуют появлению у человека состояния физического и психологического напряжения, которое побуждает индивида к проявлениям активности (Murray & McAdams, 2007). Иерархическая теория потребностей А. Маслоу описывает поведение человека исходя из пяти потребностей, которые делятся на низшие (физиологические, безопасность) и высшие (дружба, любовь, уважение, признание, самоактуализация), удовлетворение которых происходит поэтапно (Maslow, 1943). К. Альдерфер, разработавший модель мотивации ERG, выделял три класса потребностей: в существовании (Existence); в принадлежности к группе (Relatedness); в самореализации (Growth). Важно отметить, что предложенная К. Альдерфером модель допускала, в отличие от строгой иерархии А. Маслоу, возможность наличия нескольких актуальных потребностей, раскрывая индивидуальность мотивационной сферы каждого человека (Alderfer, 1969). Теория удовлетворенности трудом Ф. Герцберга (Herzberg, 2015) рассматривает два значимых фактора профессиональной деятельности: гигиенические (условия труда, размер заработной платы, отношения в коллективе) и мотивационные (интерес к работе, ответственное отношение к поставленным задачам, возможность карьерного роста, признание успехов в работе).

Д. Макклелланд, являясь последователем Г. Мюррея, выделил три вида потребностей, объясняющих поведение работников: в достижениях; в групповой принадлежности; во власти (McClelland et al., 1976).

Теории мотивации, которые ориентированы на описание факторов, оказывающих влияние на трудовой процесс, также представляют интерес для нашего исследования. В. Врум сформулировал «теорию ожиданий», объясняющую процесс возникновения новых потребностей через формирование мотивационных ожиданий, обладающих субъективной ценностью для работника (Vroom, 1964). Теория справедливости Дж. С. Адамса поднимает проблему неудовлетворенного сотрудника, сравнивающего с коллегами собственные усилия, полученное вознаграждение за работу и условия труда (Adams, 1963). Комплексная модель мотивации, предложенная Л. Портером и Э. Лоулером (Porter & Lawler, 1968), также касалась затраченных усилий, вознаграждения, результатов труда и удовлетворенности им. Важным выводом этой теории выступало положение о том, что результативный труд ведет к удовлетворению в работе, а не наоборот.

Исследования мотивации в работах отечественных ученых представлены разными подходами. Л. И. Петражицкий, будучи представителем психологического взгляда на область права, рассматривал мотивы человеческих поступков с точки зрения нравственного сознания и правосознания, формирующих поступки личности (Петражицкий, 1904). В работе А. Ф. Лазурского «Очерк науки о характерах» исследованы вопросы, связанные с желаниями и влечениями, борьбой мотивов и устойчивостью намерений (Лазурский, 1906). Проблема влечений поднималась в работах Н. Н. Ланге, описывавшего этот феномен как потребность в чем-либо и двигательную тенденцию к ее удовлетворению (Теплов, 1958).

В 20-е годы XX в. в СССР развилась психотехника, включавшая исследования проблем профессионального отбора, рационализацию методов обучения работников и переподготовки кадров, тренировку психических функций при подготовке рабочих (Носкова, 2006). По мнению В. Н. Мясищева, мотивационно-поведенческий компонент отражал проявления отношения в деятельности (Мясищев, 1960). А. Н. Леонтьевым разработана теория деятельностного происхождения мотивационной сферы человека (Леонтьев, 1977).

В. Г. Асеев считал важной особенностью мотивации ее положительно-отрицательное строение (стремление–избегание, удовлетворение–страдание, поощрение–наказание) и в целом понимал под ней побуждение (Асеев, 1976). М. Ш. Магомед-Эминов рассматривал мотивацию как процесс психической регуляции конкретной деятельности¹. В. С. Мерлин считал, что в качестве мотивов, помимо психических состояний, могут выступать свойства личности; он также предложил два способа измерения силы мотива: степень нужды и влияния на эффективность деятельности². П. В. Симонов выделял три группы потребностей человека (витальные, социальные, идеальные), считая их основной движущей силой человеческого поведения (Симонов, 1987). Д. Н. Узнадзе в рамках «теории установки» рассматривал мотивацию как активность, возникающую при наличии потребности (Узнадзе, 2001). А. А. Файзуллаев описывал мотивацию как процесс, состоящий из пяти этапов: возникновение и осознание побуждения; принятие мотива; реализацию мотива; закрепление мотива; актуализацию побуждения (Файзуллаев, 1987). Типологическая концепция В. И. Герчикова предлагает пять типов трудовой мотивации, описывая их особенности и предпочтительные способы стимулирования (Герчиков, 2005). В. Л. Васильев, рассматривая проблему психологии юридического труда,

¹ Магомед-Эминов, М. Ш. (1998). *Трансформация личности: учеб. пособие по психологии личности для психоаналит. учеб. заведений*. Издательство «ПАРФ».

² Мерлин, В. С. (1971). *Лекции по психологии мотивов человека: учеб. пособие для спецкурса*. Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

выделял следующие виды профессиональной мотивации: адекватный, ситуативный, конформистский, компенсаторный, криминальный³.

Рассматривая проблему мотивации служения, следует привести ряд отличий служебной деятельности: наличие правовой основы, закрепленной в нормативных правовых актах, специфичных для конкретного вида деятельности; социальную направленность профессии (полицейский, учитель, врач, священник); наличие ограничений и запретов; наличие иерархии и принципов подчинения. Служебная деятельность по своей идеальной сути не подразумевает получения максимального материального вознаграждения, она направлена на пользу обществу и служение его интересам.

Одним из последствий низкой мотивации к прохождению службы является увольняемость сотрудников. Ю. А. Шаранов по результатам анализа причин увольнения из органов внутренних дел отмечал: «Противоречие между характеристиками профессии и образа жизни личности заставляет человека сменить род социальной деятельности» (Шаранов, Рожков, 2024). Эмпирические исследования также показывают, что у сотрудников, испытывающих неудовлетворенность профессиональной карьерой, взаимоотношения в служебном коллективе отличаются неблагоприятным чувственным тоном и напряженностью (Духновский, Федотов, Ситников, 2024).

В исследованиях Ю. Ю. Стрельниковой описывается взаимосвязь между мотивами субъективного выбора профессии полицейского (эго-ориентированными и социально ориентированными) и мировоззрением сотрудников, что влияет на их психологическое благополучие в процессе служебной деятельности (Стрельникова, 2018), а также дальнейшую проблему профессиональной востребованности и мотивации сотрудников полиции (Стрельникова, Гончарова, 2023).

Неустойчивость профессиональной мотивации может способствовать виктимности сотрудников в случае направленного против них негативного информационно-психологического воздействия (Караяни и др., 2021). Сформированный мотивационно-ценностный компонент (совокупность установок и мотивов, побуждающих сотрудника действовать активно самоотверженно, правопослушно), напротив, будет формировать информационно-психологическую устойчивость (Виноградов, Ульянина, 2020). Результаты исследования взаимосвязи мотивационных характеристик и волевых качеств у кандидатов на службу в органы внутренних дел продемонстрировали успешность прохождения профессионального психологического отбора теми гражданами, у которых был выявлен высокий уровень развития волевой регуляции и преобладала внутренняя мотивация (Венцкуте, Корнеева, Мартиросова, 2024).

Современные исследования трудовой мотивации, в частности служебной деятельности, отмечают важность проведения многоуровневых и лонгитюдных исследований на больших выборках, в том числе с использованием новых методик. Актуальными направлениями можно назвать следующие: соотношение когнитивных и аффективных аспектов мотивации; наличие имплицитной (скрытой, неосознаваемой) и эксплицитной (открытой, осознаваемой) мотивационных систем; изучение темпоральных (временных) характеристик мотивации; построение мотивационных концепций как распределения ресурсов; роль «Я» (самоидентичности) в трудовой мотивации; роль проактивной вовлеченности субъекта труда; роль возрастных различий; влияние культуры и контекста взаимоотношений на работе и в обществе; внедрение сложных технологических систем и появление новых достижений в области нейронауки (Kanfer, Frese, & Johnson, 2017). Результаты таких эмпирических исследований могут способствовать построению моделей, направленных на эффективный прогноз адаптации граждан к служебной деятельности и профилактику увольняемости среди молодых сотрудников.

³ Васильев, В. Л. (2012). *Юридическая психология: учебное пособие*. Издательство «Питер».

Организация и методы исследования

Целью эмпирического исследования стало изучение структуры мотивационных факторов кандидатов на службу в органы внутренних дел. Гипотезой исследования выступает предположение о присущей всем кандидатам на службу в органы внутренних дел похожей иерархии мотивов, отражающей актуальные потребности и ожидания от служебной (учебной) деятельности вне зависимости от предполагаемого места службы (учебы). Результатом исследования является описание особенностей мотивационной сферы кандидатов на службу.

Методы сбора данных представляет психодиагностическая методика «Мотивационный профиль». Данные обрабатывались при помощи аппаратно-программного психодиагностического комплекса «Мультитсихометр» и анализировались компьютерной программой JAMOVI⁴. Использовались методы описательной статистики, коэффициент корреляции Спирмена (r -Спирмена), непараметрический H -критерий Краскела–Уоллиса (Kruskal–Wallis H -test).

Исследование проводилось в несколько этапов:

1) изучение структуры мотивационных факторов и их иерархии у кандидатов на службу (обучение) в органы внутренних дел;

2) изучение взаимосвязи мотивационных факторов с полом, возрастом и предполагаемым местом прохождения службы.

Гипотезой выступает предположение о преобладании у кандидатов на службу отдельных мотивационных факторов, отражающих их ожидания от будущей профессии. Использовался модифицированный вариант методики «Мотивационный профиль» П. Мартина и Ш. Ричи⁵. Обследуемым было необходимо проранжировать четыре альтернативных варианта окончания фразы в соответствии с их представлениями. Результаты тестирования были представлены в 12 шкалах, каждая из которых соответствовала определенному мотивационному фактору. Оценки распределялись от 1 до 10 баллов. Выборка исследования включала:

– 156 кандидатов из территориальных подразделений органов внутренних дел (43 женщины и 113 мужчин). Возраст обследуемых – от 23 до 55 лет ($mean = 35,1$, $SD = 5,78$);

– 149 кандидатов из строевых подразделений полиции (патрульно-постовой службы) (38 женщин и 111 мужчин). Возраст обследуемых – от 25 до 50 лет ($mean = 34,4$, $SD = 4,92$);

– 270 кандидатов на обучение в образовательные организации МВД России (117 девушек и 153 юноши). Возраст обследуемых – от 17 до 24 лет ($mean = 19,1$, $SD = 1,7$).

Результаты исследования

Первый этап исследования был посвящен изучению структуры мотивационных факторов и их иерархии у кандидатов на службу (обучение) в органы внутренних дел с использованием методики «Мотивационный профиль», которая представлена следующими шкалами (мотивационными факторами): материальное вознаграждение (МВ); физические условия труда (ФУ); структурирование работы (Ст); социальные контакты (СК); стабильные взаимоотношения (Во); признание окружающих (Пр); стремление к достижениям (СД); влияние и власть (ВВ); разнообразие и перемены (РП); креативность и творчество (Кр); самосовершенствование и личностный рост (Сс); интересная и полезная работа (Ип).

Для проверки нормальности распределения был использован статистический критерий Шапиро–Уилка (Shapiro–Wilk test), (Shapiro & Wilk, 1965), продемонстрировавший несоответствие распределения данных нормальному закону распределения ($p < 0,001$ для всех

⁴ Jamovi, P. (2022). *Jamovi* (Version 2.3) [Computer Software].

⁵ Ричи, Ш., Мартин, П. (2004). *Управление мотивацией: учебное пособие для вузов*. Издательство «Юнити-Дана».

Таблица. Иерархия мотивов кандидатов на службу

Table. Hierarchy of motives among candidates for employment

Мотивационные факторы	Выборка кандидатов на службу (учебу)		
	Территориальные подразделения	Строевые подразделения	Образовательные организации
МВ	mean = 5,78, mode = 6,0, SD = 1,80	mean = 6,21, mode = 7,00, SD = 1,86	mean = 5,67, mode = 7,00, SD = 2,13
ФУ	mean = 6,22, mode = 7,00, SD = 2,07	mean = 6,09, mode = 7,00, SD = 2,02	mean = 7,14, mode = 7,00, SD = 1,69
Ст	mean = 6,74, mode = 6,00, SD=1,88	mean = 6,99, mode = 6,00, SD=1,75	mean = 6,20, mode = 7,00, SD=2,15
СК	mean = 5,85, mode = 5,00, SD=1,66	mean = 5,81, mode = 7,00, SD=2,01	mean = 5,49, mode = 5,00, SD=2,02
Во	mean = 6,50, mode = 7,00, SD=2,11	mean = 6,85, mode = 8,00, SD = 1,88	mean = 6,35, mode = 7,00, SD = 2,09
Пр	mean = 4,90, mode = 5,00, SD = 1,84	mean = 5,16, mode = 5,00, SD = 1,98	mean = 5,29, mode = 5,00, SD = 1,88
СД	mean = 5,31, mode = 5,00, SD = 1,77	mean = 5,33, mode = 5,00, SD = 2,02	mean = 5,01, mode = 5,00, SD = 2,05
ВВ	mean = 3,92, mode = 4,00, SD = 1,89	mean = 3,74, mode = 4,00, SD = 1,82	mean = 4,60, mode = 5,00, SD = 1,79
РП	mean = 4,76, mode = 5,00, SD = 2,33	mean = 4,80, mode = 4,00, SD = 2,07	mean = 4,70, mode = 5,00, SD = 2,18
Кр	mean = 3,51, mode = 4,00, SD = 1,82	mean = 3,33, mode = 3,00, SD = 1,75	mean = 3,89, mode = 4,00, SD = 1,96
Сс	mean = 5,03, mode = 4,00, SD = 1,83	mean = 4,59, mode = 4,00, SD = 2,00	mean = 4,77, mode = 4,00, SD = 2,15
ИП	mean = 5,19, mode = 6,00, SD = 1,97	mean = 4,87, mode = 6,00, SD = 1,78	mean = 4,61, mode = 3,00, SD = 2,00

показателей). Это обусловило выбор для обработки критерия корреляции Спирмена (r -Спирмена), (Spearman, 1904) для изучения взаимосвязи мотивационных факторов с полом, возрастом и предполагаемым местом прохождения службы; H -критерия Краскела–Уоллиса (Kruskal–Wallis H -test) – для оценки различий между тремя независимыми группами (Kruskal & Wallis, 1952) и описательной статистики для отражения иерархии мотивов кандидатов на службу (таблица).

Данные, представленные в таблице, показывают, что иерархия мотивов кандидатов на службу в территориальные и строевые подразделения, а также поступающих в образовательные организации МВД России, является похожей. У кандидатов, поступающих на службу (учебу) в органы внутренних дел, наиболее высокие оценки получили одни и те же мотивационные факторы:

– потребность в четком структурировании работы отражает важность для граждан наличия конкретных показателей, позволяющих оценить результативность их профессиональной деятельности;

- потребность в формировании и поддержании долгосрочных и стабильных взаимоотношений свидетельствует о желании кандидатов устанавливать и поддерживать тесные контакты с другими людьми;
- потребность в высокой заработной плате отражает стремление граждан приобрести стабильную работу и предоставляемые государством социальные гарантии;
- потребность в хороших физических условиях труда демонстрирует желание кандидатов получить достаточное материально-техническое обеспечение оперативно-служебной (учебной) деятельности.

Мотивационные факторы, обладающие наименьшим значением для кандидатов, поступающих на службу (учебу) в органы внутренних дел, представлены двумя потребностями и обладают похожей иерархией для всех групп исследуемых:

1) потребность во влиятельности и власти граждане не считают актуальной и значимой, что говорит об отсутствии желания у обследуемых руководить другими людьми и стремиться к постоянной конкуренции;

2) потребность в креативности наименее значима для всех обследуемых. Желание быть творческим и нестандартно мыслящим неблизко будущим сотрудникам органов внутренних дел.

Корреляционный анализ применялся для изучения взаимосвязи мотивационных факторов с полом, возрастом и предполагаемым местом прохождения службы. Выбор критерия Спирмена (r -Спирмена) был обусловлен отсутствием нормального распределения. В процессе обработки и интерпретации данных получены следующие результаты.

Выявлены корреляции, свидетельствующие о незначительной взаимосвязи возраста обследуемых и потребностей в комфортных физических условиях труда (r -Спирмена – 0,223, $p < 0,001$) и во влиятельности и власти (r -Спирмена – 0,204, $p < 0,001$). Чем младше респонденты, тем более значимыми становятся для них указанные потребности. Ввиду специфики выборки (наличие кандидатов на учебу в образовательные организации) указанные мотивационные факторы наиболее выражены у будущих курсантов.

Отмечается наличие похожей взаимосвязи между предполагаемым местом службы (обучения) и указанными выше факторами: потребность в хороших условиях труда (r -Спирмена 0,213, $p < 0,001$); потребность во влиятельности и власти (r -Спирмена – 0,184, $p < 0,001$). Кандидаты на обучение в образовательные организации снова демонстрируют незначительное преобладание этих мотивов.

Исследование взаимосвязи мотивационных факторов с полом обследуемых не выявило значимых корреляций, что может свидетельствовать как о сходстве актуальных потребностей мужчин и женщин, поступающих на службу в органы внутренних дел, так и об особенностях методики изучения указанных факторов. Для наибольшей эффективности изучения мотивационной сферы кандидатов на службу (обучение) необходимо дополнять тестирование грамотно построенной беседой, направленной на изучение актуальных потребностей обследуемых лиц.

Для оценки различий в трех независимых группах кандидатов на службу (обучение), в которых отмечается несоответствие полученных данных нормальному закону распределения, был выбран H -критерий Краскела-Уоллиса (Kruskal–Wallis H -test)⁶. Кроме того, для выявления практического влияния возможных различий была рассчитана величина эффекта (effect size) с использованием меры размера эффекта: эпсилон в квадрате (ϵ^2), дающий представление о дисперсии, объясняемой групповыми различиями, с учетом непараметрического ранжирования данных, в том числе с разным объемом выборки.

⁶ Злоказов, К. В. (2022). *Математические методы психологического исследования: учебное пособие*. Санкт-Петербургский университет МВД России.

В результате сравнения мотивационных факторов территориальных органов, строевых подразделений полиции и образовательных организаций были выявлены значимые различия по следующим показателям: потребность в комфортных физических условиях труда ($\chi^2 = 34,259$, $df = 2$, $p < 0,001$, $\varepsilon^2 = 0,05968$); потребность во влиятельности и власти ($\chi^2 = 26,856$, $df = 2$, $p < 0,001$, $\varepsilon^2 = 0,04679$). Полученные данные подтверждают корреляции, описанные выше. Кандидатам на обучение в образовательные организации указанные мотивационные факторы (ФУ, ВВ) кажутся более привлекательными, чем гражданам, поступающим на службу в территориальные органы и строевые подразделения полиции.

Практическая значимость полученных знаний об особенностях мотивационного профиля кандидатов на службу (учебу) заключается в возможности их использования для совершенствования профессионально-психологического отбора на службу в органы внутренних дел, а также для повышения качества психологического сопровождения курсантов первого курса и полицейских на начальном этапе профессионализации.

Интерпретация результатов

Изучена структура мотивационных факторов кандидатов на службу (обучение) в органы внутренних дел. Выявлены как наиболее выраженные по результатам психодиагностики потребности кандидатов (структурирование работы, формирование и поддержание долгосрочных и стабильных отношений, стабильная заработная плата и социальные гарантии, хорошие физические условия труда), так и наименее важные (влиятельность и власть, креативность и творческая инициатива). Соответствие потребностей кандидата условиям их реализации может способствовать профилактике увольняемости и сбережению личного состава.

По результатам анализа похожих исследований кандидатов на службу (Венцкуте и др., 2024) и действующих сотрудников (Стрельникова, Гончарова, 2023) можно сделать вывод, что изучение структуры и выраженности мотивационных факторов кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации является актуальной проблемой, как в рамках отбора, так и психологического сопровождения личного состава.

Выявлены незначительные взаимосвязи между двумя мотивационными факторами (потребность в комфортных физических условиях труда, потребность во влиятельности и власти) и возрастом обследуемых, а также их предполагаемыми подразделениями. Будущие курсанты уделяют большее значение высокому уровню материально-технического обеспечения и комфорту предполагаемого рабочего места, а также считают важным наличие конкуренции и возможность сравнить себя с окружающими людьми.

Важно понимать, что информация, полученная в результате психодиагностики, носит ориентирующий характер и дает представление об иерархии мотивационных факторов, но не об их векторе. Направленность личности кандидата будет играть важную роль, и каждый фактор может быть представлен в виде двух мотивов-антагонистов: эгоцентрического и альтруистического. Ориентация на материальное благополучие может выражаться в стремлении добросовестно выполнять свои обязанности, получая премии, поощрения и имея перспективы карьерного роста, а может свидетельствовать о наличии корыстной заинтересованности у соискателя. Потребность в комфортных условиях труда может быть представлена в ответственном отношении к своему рабочему месту, его модернизации для повышения эффективности профессиональной деятельности, либо будет отражаться в стремлении к кабинетной работе, не подразумевающей непосредственную борьбу с преступностью и участие в охране общественного порядка. Желание сформировать долгосрочные и стабильные взаимоотношения может быть выражено в чувстве товарищества, преобладании ценностей коллектива либо в стремлении приобрести связи, полезные в личных целях. Потребность во влиятельности и власти может

быть здоровым проявлением лидерских качеств, а может означать ориентацию на собственный престиж и объем должностных полномочий. Креативность и творческое начало могут проявляться в виде смекалки, умения находить новые нестандартные подходы в работе либо могут принадлежать личности с оригинальностью высказываний и суждений, независимостью взглядов, склонностью к избирательности в контактах и субъективизме в оценке людей, что может негативно сказаться на адаптации к служебной деятельности.

Учет дуализма мотивационных факторов должен приниматься во внимание как при принятии решения о категории профессиональной психологической пригодности, так и при дальнейшем психологическом сопровождении в рамках морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что кандидатам на службу в органы внутренних дел присуща похожая иерархия мотивов, отражающая актуальные потребности и ожидания от служебной (учебной) деятельности вне зависимости от предполагаемого места службы (учебы). Для граждан, прошедших профессиональный психологический отбор в территориальные подразделения органов внутренних дел, строевые подразделения полиции, образовательные организации МВД России, наиболее значимыми мотивационными факторами выступили следующие: структурирование работы; формирование и поддержание долгосрочных и стабильных взаимоотношений; высокая заработная плата; хорошие физические условия труда. Наименее значимые потребности: влияние и власть; креативность и творчество. Полученные результаты соотносятся с теориями, представленными в данной статье. Отмечается наличие как низших, так и высших потребностей, мотивационных и гигиенических факторов профессиональной деятельности.

Изучение и оценка выраженности у кандидатов мотивационных факторов позволяет сформулировать меры по их развитию в рамках психологической работы. Понимание дуализма мотивов (эгоцентрических и альтруистических) в зависимости от направленности сотрудника позволит совершенствовать работу по профилактике нарушений служебной дисциплины и законности как в рамках профессионального психологического отбора, так и при перемещении по службе, включении в кадровый резерв, назначению на руководящую должность.

Перспективным представляется также проведение исследований, направленных на изучение мотивационной сферы действующих сотрудников органов внутренних дел, в том числе изучение соотношения когнитивных и аффективных аспектов мотивации, ее темпоральных характеристик, роли самоидентичности и проактивности субъекта труда, возрастных различий, культуры и взаимоотношений на службе и за ее пределами. Актуальным будет также рассмотрение практики применения нейросетей для прогноза служебной деятельности (дальнейшего прохождения службы или ее прекращения) как отдельных сотрудников, так и служебных коллективов. Это внесет вклад психологии как науки в совершенствование работы с личным составом органов внутренних дел в условиях современных целей и задач, стоящих перед полицией России.

Список литературы

- Асеев, В. Г. (1976). *Мотивация поведения и формирование личности*: монография. Москва: Издательство «Наука».
- Венцкуте, М. С., Корнеева, Я. А., Мартиросова, Н. В. (2024). Взаимосвязь мотивационных характеристик и волевых качеств у кандидатов на службу в ОВД. В *Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии*:

- материалы IV Международной научно-практической конференции (г. Москва, 17–18 октября 2024 года, стр. 244–254). Москва: Институт психологии РАН.
- Виноградов, М. В., Ульянина, О. А. (2020). Психологические аспекты информационного воздействия на сотрудников органов внутренних дел. *Психология и право*, 10 (1), 18–29. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100102>
- Герчиков, В. И. (2005). Типологическая концепция трудовой мотивации. Часть 1. *Мотивация и оплата труда*, 2, 53–62.
- Духновский, С. В., Федотов, А. Ю., Ситников, В. Л., (2024). Внутригрупповые отношения в служебном коллективе как детерминанты удовлетворенности карьерой сотрудников органов внутренних дел. *Юридическая психология*, 4, 8–15.
- Караяни, А. Г., Караяни, Ю. М., Дерешко, Б. Ю. и др. (2021). *Технологии защиты сотрудников органов внутренних дел от негативного информационно-психологического воздействия*: монография. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России.
- Лазурский, А. Ф. (1906). *Очерк науки о характерах*. Санкт-Петербург: тип. И. Н. Скороходова.
- Леонтьев, А. Н. (1977). *Деятельность, сознание, личность*. Москва: Политиздат.
- Мясищев, В. Н. (1960). *Личность и невроты*. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та.
- Носкова, О. Г. (2006). Московская школа индустриальной психотехники (К 115-летию И. Н. Шпильрейна и 110-летию С. Г. Геллерштейна). *Методология и история психологии*, 1 (2), 31–46.
- Петражицкий, Л. И. (1904). *О мотивах человеческих поступков, в особенности об этических мотивах и их разновидностях*. Санкт-Петербург: Типография Э. Л. Пороховщиковой.
- Симонов, П. В. (1987). *Мотивированный мозг: Высшая нервная деятельность и естественно-научные основы общей психологии*. Москва: Наука.
- Стрельникова, Ю. Ю. (2018). Совершенствование психологической работы с сотрудниками органов внутренних дел с учетом мотивации к профессиональной деятельности. В *Педагогика и психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел: теория, методика, практика*: материалы всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 18 октября 2018 года, стр. 341–344). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Стрельникова, Ю. Ю., Гончарова, Н. А. (2023). Психологические особенности профессиональной востребованности и мотивации сотрудников полиции. *Психология и право*, 13 (1), 27–39. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130102>
- Теплов, Б. М. (1958). Основные идеи в психологических трудах Н. Н. Ланге. *Вопросы психологии*, 6, 44–65.
- Узнадзе, Д. Н. (2001). *Психология установки*. Санкт-Петербург: Издательство «Питер».
- Файзуллаев, А. А. (1987). *Мотивационная саморегуляция личности*. Ташкент: Фан, УзССР.
- Шаранов, Ю. А., Рожков, А. А. (2024). «Практикоориентированный поворот» в подготовке кадров органов внутренних дел: от ценностей профессиональной самореализации к системе ценностей культуры образа жизни. В Ю. А. Шаранов, В. Л. Ситников (отв. ред.), *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции и технологии решения (Васильевские чтения - 2024)*: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2024 года, стр. 839–845). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Adams, J. S. (1963). Towards an understanding of inequity. *The journal of abnormal and social psychology*, 67 (5), 422–436. <https://doi.org/10.1037/h0040968>
- Alderfer, C. P. (1969). An empirical test of a new theory of human needs. *Organizational behavior and human performance*, 4 (2), 142–175. [https://doi.org/10.1016/0030-5073\(69\)90004-X](https://doi.org/10.1016/0030-5073(69)90004-X)

- Herzberg, F. (2015). Motivation-hygiene theory. *Organizational behavior*, 1, 61–74.
- Kanfer, R., Frese, M., & Johnson, R. E. (2017). Motivation related to work: A century of progress. *Journal of applied psychology*, 102 (3), 338–355. <https://doi.org/10.1037/apl0000133>
- Kruskal, W. H., & Wallis, W. A. (1952). Use of ranks in one-criterion variance analysis. *Journal of the American statistical Association*, 47 (260), 583–621. <https://doi.org/10.2307/2280779>
- McClelland, D. C., Atkinson, J. W., Clark, R. A., & Lowell, E. L. (1976). *The achievement motive*. Irvington.
- Maslow, A. H. (1943). A theory of human motivation. *Psychological Review*, 50 (4), 370–396. <https://doi.org/10.1037/h0054346>
- Murray, Henry A., & McAdams, Dan P. (2007). *Explorations in Personality, 70th edn.* Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195305067.001.0001>
- Porter, L. W., & Lawler III, E. E. (1968). *Managerial Attitudes and Performance*. Homewood, IL: R.D. Irwin. <https://www.worldcat.org/title/managerial-attitudes-and-performance/oclc/243614>
- Shapiro, S. S., & Wilk, M. B. (1965). An analysis of variance test for normality (complete samples). *Biometrika*, 52 (3-4), 591–611. <https://doi.org/10.1093/biomet/52.3-4.591>
- Spearman, C. (1904). The proof and measurement of association between two things. *American Journal of Psychology*, 15 (1), 72–101.
- Vroom, V. H. (1964). *Work and motivation*. Wiley.

References

- Aseev, V. G. (1976). *Motivaciya povedeniya i formirovanie lichnosti: monografiya*. Moscow: Izdatel'stvo «Nauka».
- Venckute, M. S., Korneeva, Ya. A., Martirosova, N. V. (2024). Vzaimosvyaz' motivacionnyh harakteristik i volevyh kachestv u kandidatov na sluzhbu v OVD. V *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya psihologii truda i organizacionnoj psihologii: materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (g. Moskva, 17–18 oktyabrya 2024 goda, str. 244–254). Moscow: Institut psihologii RAN.
- Vinogradov, M. V., Ul'yanina, O. A. (2020). Psihologicheskie aspekty informacionnogo vozdejstviya na sotrudnikov organov vnutrennih del. *Psihologiya i pravo*, 10 (1), 18–29. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100102>
- Gerchikov, V. I. (2005). Tipologicheskaya koncepciya trudovoj motivacii. Chast' 1. *Motivaciya i oplata truda*, 2, 53–62.
- Duhnovskij, S. V., Fedotov, A. Yu., Sitnikov, V. L., (2024). Vnutrigruppovye otnosheniya v sluzhebno-m kollektive kak determinanty udovletvorennosti kar'eroy sotrudnikov organov vnutrennih del. *Yuridicheskaya psihologiya*, 4, 8–15.
- Karayani, A. G., Karayani, Yu. M., Dereshko, B. Yu. i dr. (2021). *Tekhnologii zashchity sotrudnikov organov vnutrennih del ot negativnogo informacionno-psihologicheskogo vozdejstviya: monografiya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii.
- Lazurskij, A. F. (1906). *Ocherk nauki o harakterah*. Saint Petersburg: tip. I. N. Skorohodova.
- Leont'ev, A. N. (1977). *Deyatel'nost', soznanie, lichnost'*. Moscow: Politizdat.
- Myasishchev, V. N. (1960). *Lichnost' i nevrozy*. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta.
- Noskova, O. G. (2006). Moskovskaya shkola industrial'noj psihotekhniki (K 115-letiyu I. N. Shpil'rejna i 110-letiyu S. G. Gellershtejna). *Metodologiya i istoriya psihologii*, 1 (2), 31–46.
- Petrazhickij, L. I. (1904). *O motivah chelovecheskih postupkov, v osobennosti ob eticheskikh motivah i ih raznovidnostyah*. Saint Petersburg: Tipografiya E. L. Porohovshchikovoj.

- Simonov, P. V. (1987). *Motivirovannyj mozg: Vysshaya nervnaya deyatel'nost' i estestvenno-nauchnye osnovy obshchej psihologii*. Moscow: Nauka.
- Strel'nikova, Yu. Yu. (2018). Sovershenstvovanie psihologicheskoy raboty s sotrudnikami organov vnutrennih del s uchedom motivacii k professional'noj deyatel'nosti. V *Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del: teoriya, metodika, praktika: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 18 oktyabrya 2018 goda, str. 341–344). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Strel'nikova, Yu. Yu., Goncharova, N. A. (2023). Psihologicheskie osobennosti professional'noj vostrebovanosti i motivacii sotrudnikov policii. *Psihologiya i pravo*, 13 (1), 27–39. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130102>
- Teplov, B. M. (1958). Osnovnye idei v psihologicheskikh trudah N. N. Lange. *Voprosy psihologii*, 6, 44–65.
- Uznadze, D. N. (2001). *Psihologiya ustanovki*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Piter».
- Fajzullaev, A. A. (1987). *Motivacionnaya samoregulyaciya lichnosti*. Tashkent: Fan, UzSSR.
- Sharanov, Yu. A., Rozhkov, A. A. (2024). «Praktikoorientirovannyj povorot» v podgotovke kadrov organov vnutrennih del: ot cennostej professional'noj samorealizacii k sisteme cennostej kul'tury obraza zhizni. V Yu. A. Sharanov, V. L. Sitnikov (otv. red.), *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii i tekhnologii resheniya (Vasil'evskie chteniya - 2024): materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 26–27 aprelya 2024 goda, str. 839–845). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Adams, J. S. (1963). Towards an understanding of inequity. *The journal of abnormal and social psychology*, 67 (5), 422–436. <https://doi.org/10.1037/h0040968>
- Alderfer, C. P. (1969). An empirical test of a new theory of human needs. *Organizational behavior and human performance*, 4 (2), 142–175. [https://doi.org/10.1016/0030-5073\(69\)90004-X](https://doi.org/10.1016/0030-5073(69)90004-X)
- Herzberg, F. (2015). Motivation-hygiene theory. *Organizational behavior*, 1, 61–74.
- Kanfer, R., Frese, M., & Johnson, R. E. (2017). Motivation related to work: A century of progress. *Journal of applied psychology*, 102 (3), 338–355. <https://doi.org/10.1037/apl0000133>
- Kruskal, W. H., & Wallis, W. A. (1952). Use of ranks in one-criterion variance analysis. *Journal of the American statistical Association*, 47 (260), 583–621. <https://doi.org/10.2307/2280779>
- McClelland, D. C., Atkinson, J. W., Clark, R. A., & Lowell, E. L. (1976). *The achievement motive*. Irvington.
- Maslow, A. H. (1943). A theory of human motivation. *Psychological Review*, 50 (4), 370–396. <https://doi.org/10.1037/h0054346>
- Murray, Henry A., & McAdams, Dan P. (2007). *Explorations in Personality, 70th edn*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195305067.001.0001>
- Porter, L. W., & Lawler III, E. E. (1968). *Managerial Attitudes and Performance*. Homewood, IL: R.D. Irwin. <https://www.worldcat.org/title/managerial-attitudes-and-performance/oclc/243614>
- Shapiro, S. S., & Wilk, M. B. (1965). An analysis of variance test for normality (complete samples). *Biometrika*, 52 (3-4), 591–611. <https://doi.org/10.1093/biomet/52.3-4.591>
- Spearman, C. (1904). The proof and measurement of association between two things. *American Journal of Psychology*, 15 (1), 72–101.
- Vroom, V. H. (1964). *Work and motivation*. Wiley.

Информация об авторе

Андрей Эрикович Власов – заместитель начальника отдела психологической работы управления по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России.

About the author

Andrey E. Vlasov – the deputy head of the psychological work department of the personnel management office at Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 30.10.2025

Одобрена после рецензирования 28.11.2025

Опубликована 28.12.2025

Submitted October 30, 2025

Approved after reviewing November 28, 2025

Accepted December 28, 2025

Оригинальная статья

УДК 159.9.07

Сравнительный анализ эмоционального выгорания и жизнестойкости у сотрудников органов внутренних дел Республики Узбекистан

Елена Борисовна Кириллова

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
kirillova.elena.89@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5741-0949

Екатерина Ивановна Ильянкова

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
ekaterinapogodina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6067-5857

Миркодир Дилшод угли Миркомиллов

Институт повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел
Республики Узбекистан
(Ташкент, Республика Узбекистан)
mirkomilov2021@mail.ru

ORCID: 0009-0003-3141-1179

Аннотация

Введение. Данная статья посвящена описанию результатов эмпирического исследования эмоционального выгорания, проведенного на выборке сотрудников полиции Республики Узбекистан. Изучалась степень выраженности и различия в проявлении симптомов эмоционального выгорания у сотрудников полиции офицерского и сержантского состава. Кроме того, оценивались степень удовлетворенности сотрудников полиции различными аспектами своей трудовой деятельности и уровень выраженности жизнестойкости как важного личностного ресурса, который может способствовать снижению симптомов эмоционального выгорания. Проблема эмоционального выгорания сотрудников полиции в современных условиях является особенно актуальной, поскольку, с одной стороны, возрастает напряженность труда, что связано с осложненной социально-экономической и политической обстановкой в мире, с другой стороны, повышаются требования к сотруднику полиции. Профессиональная деятельность сотрудника полиции играет важную социальную роль и вместе с тем связана с эмоциональными и физическими перегрузками, что повышает риск развития эмоционального выгорания у сотрудников. **Методы исследования.** Эмпирическое исследование проводилось на базе Главного управления внутренних дел города Ташкента. В ходе исследования применялись теоретические и эмпирические методы исследования: анализ, синтез, анкетирование, тестирование, математические методы обработки данных (сравнительный анализ, описательные статистики). **Результаты.** В результате проведенного исследования установлено,

Кириллова Е. Б., Ильянкова Е. И., Миркомиллов М. Д. / Kirillova, E. B., Ilyankova, E. I., Mirkomilov, M. D.

что у сотрудников полиции сержантского и офицерского состава существуют различия в степени проявления симптомов эмоционального выгорания, уровне удовлетворенности трудом и уровне выраженности жизнестойкости. В группе сержантов более выражены симптомы эмоционального выгорания, такие как тревога и депрессия, неадекватное эмоциональное реагирование, расширение сферы экономики эмоций, редукция профессиональных обязанностей. Сержанты характеризуются более высокими показателями резистентности и напряжения. Офицеры демонстрируют более высокий уровень удовлетворенности профессиональной деятельностью по большинству параметров, включая оплату труда, возможности продвижения, условия работы и служебную коммуникацию. В группе офицеров выше такие компоненты жизнестойкости, как вовлеченность и контроль.

Ключевые слова

эмоциональное выгорание, жизнестойкость, сотрудники полиции, удовлетворенность работой, сержанты, офицеры

Для цитирования: Кириллова, Е. Б., Ильянкова, Е. И., Миркомиллов, М. Д. (2025). Сравнительный анализ эмоционального выгорания и жизнестойкости у сотрудников органов внутренних дел Республики Узбекистан. *Российский девиантологический журнал*, 5 (4), 623–635.

Original paper

Comparative analysis of emotional burnout and resilience among employees of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan

Elena B. Kirillova

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
kirillova.elena.89@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5741-0949

Ekaterina I. Ilyankova

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
ekaterinapogodina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6067-5857

Mirkodir D. Mirkomilov

Institute for Advanced Training of Employees of Internal Affairs Bodies of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, Republic of Uzbekistan)
mirkomilov2021@mail.ru

ORCID: 0009-0003-3141-1179

Abstract

Introduction. This article is devoted to describing the results of an empirical study of emotional burnout conducted on a sample of police officers in the Republic of Uzbekistan. The study examined the severity and differences in the manifestation of symptoms of emotional burnout among police officers and sergeants. In addition, the degree of satisfaction of police officers with various aspects of their work and the level of resilience as an important personal resource that can help reduce symptoms

of emotional burnout were assessed. The problem of emotional burnout among police officers in modern conditions is particularly relevant, since, on the one hand, working conditions are becoming increasingly stressful due to the complicated socio-economic and political situation in the world, and, on the other hand, the demands on police officers are increasing. The professional activities of police officers play a vital social role and, at the same time, involve significant emotional and physical stress, which increases the risk of emotional burnout. **Research Methods.** The empirical study was conducted at the Main Department of Internal Affairs of the city of Tashkent. Theoretical and empirical research methods were used in the study: analysis, synthesis, questionnaires, testing, mathematical methods of data processing (comparative analysis, descriptive statistics). **Results.** The study showed that there are differences between sergeants and officers in terms of how much they show signs of emotional burnout, how happy they are with their job, and how resilient they are. The sergeant group demonstrates more pronounced symptoms of emotional burnout, such as anxiety and depression, inadequate emotional responses, increased emotional economy, and reduced professional responsibilities. Sergeants are characterised by higher levels of resistance and stress. Officers demonstrate a higher level of satisfaction with their professional activities in most parameters, including remuneration, promotion opportunities, working conditions, and workplace communication. In the officer group, components of resilience such as engagement and control are higher.

Keywords

emotional burnout, resilience, police officers, job satisfaction, sergeants, officers

For citation: Kirillova, E. B., Ilyankova, E. I., Mirkomilov, M. D. (2025). Comparative analysis of emotional burnout and resilience among employees of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (4), 623–635.

Введение

Деятельность сотрудников полиции характеризуется высоким уровнем напряженности, риском психоэмоциональных и физических перегрузок. Как правило, она осуществляется в условиях неопределенности, угрозы риска для жизни и здоровья, связана с высоким уровнем стресса и негативными переживаниями, что предъявляет повышенные требования к психоэмоциональному состоянию сотрудников полиции. В настоящее время сотрудники правоохранительных органов, с одной стороны, сталкиваются с возрастающими требованиями к своей личности, профессионально важным качествам, а с другой стороны, вынуждены выполнять служебные обязанности в ситуации острой нехватки кадров, в нестабильной социально-экономической и политической обстановке. Все эти обстоятельства значительно повышают риск развития эмоционального выгорания и требуют пристального внимания исследователей и практиков.

Актуальность этой проблемы подчеркивается в научных статьях специалистов различных областей науки. Так, в статье М. Г. Бариновой, Л. Н. Костиной и Н. Н. Тавтиловой, посвященной изучению особенностей эмоционального выгорания у сотрудников полиции, внимание акцентируется на преобладании фазы резистентности, которая характеризуется эмоциональной истощенностью (Баринова и др., 2024). С. В. Богатырев констатирует, что заметную роль в профилактике эмоционального выгорания у сотрудников полиции играет «разработка психодиагностического инструментария эмоционального выгорания и профессионального стресса, ориентированного на деятельность полицейского, а также меры по повышению устойчивости, сфокусированные на особенностях полицейской деятельности» (Богатырев, 2020). М. В. Пряхина с коллегами отмечает, что «существует множество методов и программ психологической профилактики эмоционального выгорания, осуществляемых вне контекста особенностей служебной деятельности сотрудников полиции» (Пряхина и др., 2021).

Заявленная проблема не является исключительной для нашей страны. Она актуальна для правоохранительных органов стран как ближнего, так и дальнего зарубежья. Более того, сегодня проблема эмоционального выгорания достигла мировых масштабов, о чем свидетельствуют шаги, предпринятые Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) и Европейским агентством по охране труда (EU-OSHA). Так, 10 октября 2017 г. ВОЗ определила психическое здоровье на рабочем месте в качестве темы Всемирного дня психического здоровья, указав на выгорание и стресс на рабочем месте среди конкретных профессиональных групп. В сентябре 2018 г. Европейский фонд по улучшению условий жизни и труда (EUROFOUND) опубликовал доклад «Выгорание на рабочем месте: обзор данных и политических мер реагирования в ЕС» (Aumayr Pintar et al., 2018), где отмечено, что выгорание в Европе стало серьезной проблемой, которая требует внедрения различных мер для оценки его уровня среди различных профессий.

Традиционно выделяют два основных подхода в объяснении причин и факторов, детерминирующих эмоциональное выгорание у сотрудников правоохранительных органов. Первый подход рассматривает влияние внешних условий на формирование эмоционального выгорания, таких как тяжелые условия труда, экстремальный характер деятельности, вынужденный характер общения и его конфликтность, отсутствие адекватной организации труда и т. д. Б. Ребейро с коллегами в своей статье раскрывает проблему эмоционального выгорания в среде бразильских полицейских, отмечая, что сотрудники полиции подвергаются опасности в своей повседневной работе, и это создает напряжение, сопровождающее их всю жизнь, в том числе вне службы (Ribeiro et al., 2023). К. Маслач утверждает, что стресс и отсутствие признания за приложенные усилия, непризнание ценности собственного труда по значимости приравниваются полицейскими к нехватке материальных средств и недостатку человеческих ресурсов (Machado et al., 2017).

В числе важных средовых факторов, влияющих на эмоциональное выгорание и, как следствие, на возможную профессиональную дезадаптацию, Т. В. Форманюк называет семейное положение, уровень образования, стаж работы и социальное происхождение, высокий уровень конфликтности и неопределенности в сфере межличностных взаимоотношений, недостаточную оценку труда сотрудника, трудности профессиональных задач и отсутствие надлежащей подготовки (Форманюк, 1994).

Второй подход касается влияния особенностей организации личности конкретного человека. С. Н. Сорокоумова и В. В. Исаев обращают внимание на то, что представители помогающих профессий в системе «человек–человек» особенно подвержены риску развития эмоционального выгорания, поскольку эти профессии требуют больших личностных ресурсов (Сорокоумова & Исаев, 2013). Об этой же взаимосвязи пишет и С. Фолкман в статье, посвященной изучению копинг-поведения (Folkman, 2013). К. Маслач к личностным предикторам вероятности возникновения состояний эмоционального выгорания относит противоречие между требованиями работодателя и внутренними ресурсами сотрудника, несоответствие между системой ценностей личности и требованиями работы, фрустрацию потребности в самостоятельности и др. (Maslach, 2003). К. Голонка с коллегами отмечает, что эмоциональное выгорание может быть следствием хронического стресса на работе (Golonka et al., 2019). По мнению К. Маслач, трудности в выражении негативных эмоций ввиду стигматизации и давления в коллективе также способствуют формированию негативного эмоционального фона и, как следствие, повышают риск развития эмоционального выгорания, особенно у молодых сотрудников (Maslach, 2017). А. Г. Продовикова и К. Д. Тендрякова подчеркивают, что одним из важных личностных ресурсов, обеспечивающих устойчивость личности к воздействию различных стресс-факторов, является уровень жизнестойкости (Продовикова & Тендрякова, 2020).

Н. Ф. Фомина и Т. Е. Федосеева утверждают, что жизнестойкость является одним из важнейших ресурсов преодоления стресса и эмоционального выгорания у представителей помогающих профессий (Фомина & Федосеева, 2016). Значение жизнестойкости в профилактике эмоционального выгорания подчеркивается и в работах зарубежных авторов. М. Эндрю с коллегами изучали взаимосвязь симптомов посттравматического стрессового расстройства и компонентов жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска) и обнаружили гендерные различия в показателях вовлеченности (Andrew et al., 2013). Высокий уровень жизнестойкости не только способствует снижению риска эмоционального выгорания, но и рассматривается как предиктор продуктивности, психической устойчивости и организационной эффективности.

Обобщая многочисленные исследования, можно сделать вывод, что уровень стрессоустойчивости, особенности нервной системы, жизненный опыт человека, его интеллект, толерантность к фрустрации, специфика функционирования защитных механизмов, рефлексивные способности, своеобразие копинг-стратегий и другие индивидуально-психологические особенности во многом определяют масштабы и скорость формирования различных симптомов эмоционального выгорания у сотрудников полиции.

Условия труда в большинстве случаев трудно поддаются каким-либо кардинальным изменениям. Однако расширение адаптационного потенциала и личностных ресурсов сотрудника, своевременное выявление отдельных симптомов и факторов эмоционального выгорания более доступны и особенно важны в современных условиях. Деятельность психолога в правоохранительных органах должна быть направлена на раннюю диагностику и своевременную коррекцию различных проявлений эмоционального выгорания у сотрудников полиции. В связи с этим особое значение приобретает изучение психологических особенностей развития и формирования данного феномена у различных категорий сотрудников правоохранительных органов. Выгорание напрямую связано с явлениями психической устойчивости, сохранением и укреплением здоровья, надежностью и профессиональным долголетием специалистов, включенных в длительные межличностные коммуникации. Не случайно Н. Е. Водопьянова отмечает, что стабильность эмоциональной сферы личности ведет к упрочению профессиональной пригодности, соответствию личностных качеств специалиста требованиям профессиограммы, его способности успешно овладеть и осуществлять профессиональную деятельность (Водопьянова, 2000). Именно несоответствие между личностью и предъявляемыми к ней требованиями, по мнению Е. Г. Королева и Э. Е. Шустер, – ключевой фактор в понимании причин и закономерностей формирования эмоционального выгорания (Королева & Шустер, 2007).

Описание исследования. Целью данной статьи является описание результатов эмпирического исследования сотрудников полиции Республики Узбекистан. Исследование проводилось на базе Главного управления внутренних дел города Ташкента в рамках подготовки дипломной работы слушателем факультета подготовки иностранных специалистов М. Д. Миркомилковым. В исследовании приняли участие 60 сотрудников правоохранительных органов мужского пола с разным стажем службы в возрасте от 20 лет до 51 года, из них 30 человек – сержантский состав и 30 – офицеры.

В процессе исследования был использован следующий психодиагностический инструментарий: методика диагностики уровня профессионального выгорания В. В. Бойко, Фрайбургский личностный опросник (FPI), опросник удовлетворенности работой (Job Satisfaction Survey, P. E. Spector), тест жизнестойкости Мадди (в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Расказовой). Статистический анализ исходных данных исследования производился с помощью пакета прикладных программ IBM SPSS Statistics (версия 23) и состоял из трех основных этапов: подготовительного, дескриптивного и основного.

Ниже представлено описание сравнительного исследования сотрудников правоохранительных органов Республики Узбекистан, разделенных на две группы сравнения («сержанты» и «офицеры»). Сравнительный анализ проводился с использованием Т-критерия Стьюдента для независимых выборок. Данный критерий был выбран нами после проверки совокупности данных исследования по всей выборке на нормальность распределения по D-критерию Колмогорова–Смирнова. Проверка показала, что распределение нормальное, так как статистика по критерию $P \geq 0,05$. Результаты сравнительного анализа показателей по опроснику В. В. Бойко представлены в таблице 1.

Из содержания таблицы следует, что достоверно значимые различия в группах получены по двум интегральным показателям (фаза напряжения и фаза резистенции) и четырем показателям, отражающим различные симптомы эмоционального выгорания (тревога и депрессия, неадекватное эмоциональное реагирование, расширение сферы экономии эмоций, редукция профессиональных обязанностей). При этом все показатели, по которым зафиксированы различия, достоверно выше в группе сержантов.

Таблица 1. Результаты сравнительного анализа показателей эмоционального выгорания (опросник В. В. Бойко)

Table 1. Results of a comparative analysis of emotional burnout indicators (questionnaire by V.V. Boiko)

Наименование шкалы	М ± σ		Т-критерий	Значим. (2-х ст.)
	Офицеры (n = 30)	Сержанты (n = 30)		
Переживания психотравмирующих обстоятельств	9,40 ± 1,99	9,50 ± 2,15	- 0,187	0,85
Неудовлетворенность собой	8,07 ± 2,94	9,13 ± 2,36	- 1,551	0,13
Загнанность в клетку	8,70 ± 2,93	8,87 ± 3,66	- 0,195	0,85
Тревога и депрессия	8,77 ± 2,93	11,37 ± 2,43	- 3,741	0,0001***
Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	8,37 ± 3,77	13,63 ± 2,48	- 6,385	0,0001***
Эмоционально-нравственная дезориентация	9,30 ± 3,00	10,90 ± 2,55	- 2,227	0,03*
Расширение сферы экономии эмоций	8,33 ± 2,68	10,73 ± 1,34	- 4,386	0,0001***
Редукция профессиональных обязанностей	10,27 ± 2,99	13,57 ± 4,27	- 3,465	0,001***
Эмоциональный дефицит	10,13 ± 2,75	10,93 ± 2,32	1,218	0,23
Эмоциональная отстраненность	10,00 ± 3,79	10,23 ± 2,30	- 0,288	0,77
Личностная отстраненность	10,60 ± 2,55	10,93 ± 2,18	- 0,544	0,59
Психосоматические и психовегетативные нарушения	10,23 ± 3,06	10,17 ± 1,80	0,103	0,92
Фаза напряжения	34,93 ± 5,86	38,87 ± 4,54	- 2,906	0,005**
Фаза резистенции	36,27 ± 6,83	48,83 ± 5,52	- 7,839	0,0001***
Фаза истощения	40,97 ± 6,26	42,27 ± 4,54	- ,921	0,36

Примечание: * – уровень значимости различий $P \leq 0,05$ (95%); ** – $P \leq 0,01$ (99%); *** – $P \leq 0,001$ (99,9%)

Повышенный показатель «тревога и депрессия» ($M = 11,37, P \leq 0,001$) может свидетельствовать о большей эмоциональной уязвимости сержантского состава. Подобные результаты могут быть следствием трудностей адаптации, высокой нагрузки, недостатка организационной поддержки, ограниченного доступа к ресурсам восстановления. Достоверно выше в группе сержантов и уровень «неадекватного избирательного эмоционального реагирования» ($M = 13,63, P \leq 0,001$), что свидетельствует о дефиците эмоциональной саморегуляции и трудностях в адаптивном реагировании на стрессогенные стимулы. «Расширение сферы экономии эмоций» ($M = 10,73, P \leq 0,001$) у сержантского состава характеризует тенденцию к эмоциональной отстраненности как защитному механизму, направленному на снижение психоэмоциональных затрат. Данный показатель характеризует в целом тенденцию к снижению эмоциональной вовлеченности, эмоциональному отстранению от работы и окружающих. Более выраженная «редукция профессиональных обязанностей» у сержантов отражает снижение мотивации, формализацию служебной деятельности, ощущение бессмысленности выполняемых профессиональных задач. Повышение интегрального показателя «фаза напряжения» ($M = 38,87, P \leq 0,005$) демонстрирует, что в группе сержантов более высокий уровень тревоги, рост психической напряженности и стресса. «Фаза резистенции» ($M = 48,83, P \leq 0,001$) свидетельствует о развитии защитных механизмов эмоционального «выключения» и отказа от активности у сержантов.

Общая оценка полученных результатов показывает, что в обеих группах большинство симптомов приходится на крайнюю границу нормы и незначительно ее превышают, что может свидетельствовать о тенденциях к формированию эмоционального выгорания. Однако в группе сержантов обращает на себя внимание интегральный показатель «фаза резистенции», который достаточно выражен, а также повышенные показатели «редукция профессиональных обязанностей» и «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование». Эти показатели отражают уже устойчивые тенденции и процесс формирования симптомов эмоционального выгорания.

Изучение индивидуально-психологических особенностей сотрудников полиции по опроснику FPI показало, что офицеры и сержанты достоверно отличаются друг от друга по таким показателям, как «спонтанная агрессивность», «депрессивность», «общение», «уравновешенность», «застенчивость», «экстраверсия–интроверсия» и «эмоциональная лабильность». При этом группа сержантов характеризуется более высокими показателями спонтанной агрессивности ($M = 6,167, P \leq 0,002$), депрессивности ($M = 5,567, P \leq 0,002$), эмоциональной лабильности ($M = 6,267, P \leq 0,005$) и интроверсии ($M = 4,933, P \leq 0,0001$). Офицеры, напротив, отличаются большей общительностью. Это может свидетельствовать о том, что они чаще вовлечены в коммуникативные, управленческие и организационные функции, которые требуют развитых социальных навыков и уверенного поведения в социуме. В группе офицеров также выше показатель «застенчивость» ($M = 6,533, P \leq 0,001$), что может отражать внутреннюю сдержанность, повышенный уровень саморефлексии и осторожность при установлении межличностных контактов, особенно в условиях субординации и служебной ответственности.

Более высокий показатель «депрессивность» у сержантов свидетельствует о проявлениях сниженного эмоционального фона, чувства бесперспективности и психоэмоционального истощения. По шкале эмоциональной лабильности сержанты показали более высокие значения, что говорит об их подверженности эмоциональным колебаниям, нестабильности эмоциональных реакций и трудностях в их регуляции. Это может быть следствием меньшего жизненного и профессионального опыта, а также более жестких условий оперативной деятельности.

Проведя качественный анализ, можно предположить: полученные результаты связаны с тем, что сержанты сталкиваются с большими ограничениями в карьерном и материальном

росте, а также меньше вовлечены в управленческие решения, возможности самореализации у них снижены, что влияет на их эмоциональный фон. Кроме того, полученные результаты могут быть связаны с более частым включением младшего состава в оперативно-конфликтные взаимодействия, меньшим опытом эмоциональной регуляции, а также с ограниченной субъективной позицией при решении служебных задач.

Сравнительный анализ показателей в группе сержантов и офицеров по опроснику удовлетворенности работой позволил обнаружить достоверно значимые различия между группами по следующим шкалам: «зарплата», «продвижение», «бонусы», «премия», «условия работы», «коммуникация». Все различия достоверны на уровне значимости $p \leq 0,001$. Офицеры продемонстрировали более высокий уровень удовлетворенности зарплатой ($M = 14,0333$, $p \leq 0,001$), что объясняется объективными различиями в окладе и надбавках, а также более высоким уровнем удовлетворенности карьерными возможностями ($M = 12,6333$, $p \leq 0,001$). Эти результаты показывают различие в восприятии карьерной динамики. Офицеры, как правило, имеют больше возможностей для продвижения по службе. Для сержантского состава, напротив, характерно переживание «карьерного потолка», что может способствовать формированию мотивационного дефицита и снижению профессиональной вовлеченности.

По шкале «бонусы» ($M = 13,2333$, $p \leq 0,003$), «премия» ($M = 13,1667$, $p \leq 0,0001$), «условия работы» ($M = 12,8667$, $p \leq 0,001$) и «коммуникации» ($M = 14,4667$, $p \leq 0,0001$) офицеры также продемонстрировали более высокие показатели по сравнению с группой сержантов. Различия по шкалам «бонусы» и «премия» подтверждают неравномерность доступа к дополнительным формам материального поощрения. Вероятно, офицеры чаще вовлечены в решение более сложных служебных задач, что сопровождается премированием, тогда как сержантский состав выполняет исполнительские задачи, не предполагающие бонусного вознаграждения.

Условия работы также больше устраивают офицерский состав, что может быть связано с разницей в характере служебной деятельности. На сержантов ложится основная нагрузка по обеспечению охраны общественного порядка на вверенной им территории, они осуществляют патрулирование и заступают на дежурства, в то время как офицеры чаще выполняют административно-аналитические функции.

В группе офицеров также выше показатель «коммуникации», отражающий уровень информационного взаимодействия. Эти различия могут указывать на существующие барьеры в организационной коммуникации. Можно предположить, что сержанты недостаточно включены в процессы принятия решений, не получают своевременного информирования и обратной связи о внутренних изменениях и перспективах в служебной деятельности.

Результаты сравнительного анализа по тесту жизнестойкости показали наличие достоверно значимых различий между группами по трем показателям методики из четырех возможных (таблица 2).

Наибольшие различия между группами зафиксированы по показателю «вовлеченность» ($M = 30,53$, $p \leq 0,000$), который достоверно выше в группе офицеров и отражает субъективное восприятие своей профессиональной деятельности как значимой, полезной и заслуживающей личной включенности. Высокая вовлеченность офицеров может быть объяснена не только статусной принадлежностью, но и более широкой зоной ответственности, а также наличием управленческих функций, что усиливает личностную идентификацию с профессией. Более низкие значения у сержантов могут свидетельствовать о психологическом отчуждении от служебной деятельности, снижении смыслового наполнения труда и профессиональной фрустрации, что снижает устойчивость к профессиональному стрессу.

По шкале «контроль» ($M = 29,87$, $p \leq 0,045$) в группе офицеров также зафиксированы более высокие показатели. Этот компонент жизнестойкости отражает субъективное ощущение

Таблица 2. Результаты сравнительного анализа показателей эмоционального выгорания (опросник В. В. Бойко)

Table 2. Results of a comparative analysis of emotional burnout indicators (questionnaire by V.V. Boiko)

Наименование шкалы	M±σ		Т-критерий	Значим. (2-х ст.)
	Офицеры (n = 30)	Сержанты (n = 30)		
Вовлеченность	30,53 ± 2,62	27,03 ± 3,74	4,199	0,000***
Контроль	29,87 ± 2,47	28,5 ± 2,80	2,052	0,045*
Принятие риска	12,57 ± 2,76	14,30 ± 1,58	- 2,983	0,004**
Жизнестойкость	72,97 ± 3,53	69,80 ± 5,70	2,587	0,12

Примечание: * – уровень значимости различий $P \leq 0,05$ (95 %); ** – $P \leq 0,01$ (99 %); *** – $P \leq 0,001$ (99,9 %).

способности управлять происходящими событиями и влиять на результаты своей деятельности. Более высокая выраженность чувства контроля у офицеров объясняется их управленческой позицией, доступом к принятию решений, участием в планировании служебных действий. Сержанты в силу регламентированной и подчиненной роли ограниченно влияют на служебные процессы, что порождает чувство беспомощности, особенно в условиях неопределенности и кризисных ситуаций.

По шкале «принятие риска» ($M = 14,30$, $p \leq 0,004$) сержанты продемонстрировали более высокие показатели. Это может говорить о потенциальной адаптивной гибкости и готовности младшего состава воспринимать изменения как возможность развития, несмотря на общую вовлеченность и контроль. Кроме того, такие результаты могут быть связаны с тем, что сержанты, чаще оказываясь в нестабильных или экстремальных ситуациях, развивают операционную готовность к действиям в условиях неопределенности, что косвенно отражается в более высокой готовности к риску.

Заключение

Настоящее исследование позволило сформулировать следующие основные выводы.

1. Проведенный сравнительный анализ показал, что сержантский состав обладает более высоким уровнем риска развития эмоционального выгорания и нуждается в своевременных мероприятиях воспитательного и психологического характера. Сержанты характеризуются более высокими показателями резистентности и напряжения, негативным эмоциональным фоном, трудностями самоконтроля и сниженной мотивацией к выполнению служебных обязанностей.

2. Офицеры демонстрируют более высокий уровень удовлетворенности профессиональной деятельностью по большинству параметров, включая оплату труда, возможности продвижения, условия работы и служебную коммуникацию. Сержанты, напротив, демонстрируют признаки скрытой профессиональной неудовлетворенности, особенно в аспектах, касающихся материальной и карьерной мотивации, что также является дополнительным фактором, способствующим развитию эмоционального выгорания.

3. Жизнестойкость как важный личностный ресурс, обеспечивающий эффективное поведение в условиях профессионального стресса, более выражен у офицеров, особенно в аспекте

вовлеченности в профессию и чувстве контроля над ситуацией. Сержанты демонстрируют меньшую включенность в профессиональную деятельность, что повышает риск развития эмоционального выгорания и коррелирует с низкой профессиональной мотивацией. Вместе с тем их более высокая готовность к риску может рассматриваться как адаптационный ресурс, который целесообразно усиливать через целенаправленные программы психологического тренинга, психокоррекцию и наставничество.

4. Группы сержантов и офицеров различаются между собой спецификой личностного профиля. Сержанты характеризуются большей эмоциональной лабильностью, депрессивностью и агрессивностью, что свидетельствует о потребности в развитии навыков эмоциональной саморегуляции и стрессоустойчивости. Офицеры отличаются более развитыми коммуникативными навыками, умеренной социальной лабильностью и навыками самоконтроля.

Таким образом, результаты исследования указывают на необходимость проведения целенаправленной психопрофилактической работы с сержантским составом, направленной на раннее выявление и коррекцию симптомов эмоционального выгорания. Полученные результаты выявили существенные различия в восприятии службы сержантами и офицерами, их отношении к профессиональной деятельности, удовлетворенности трудом, что также свидетельствует о необходимости адресной корректировки мотивационной политики в отношении младшего состава, расширения каналов обратной связи, а также разработки внутренних программ по поддержанию профессионального престижа и повышению вовлеченности личного состава в управленческие процессы. Отдельными важными направлениями являются поддержание благоприятного психологического климата в служебном коллективе и укрепление института наставничества. Психологическую работу целесообразно сфокусировать на формировании устойчивой профессиональной идентичности, развитии личностных ресурсов (в том числе жизнестойкости), а также повышении уровня удовлетворенности трудом.

Список литературы

- Барина, М. Г., Костина, Л. Н., Тавилова, Н. Н. (2024). Особенности эмоционального выгорания личности в профессиональной служебной деятельности сотрудников полиции. *Прикладная юридическая психология*, 4 (69), 73–83.
- Богатырёв, С. В. (2020). Современные зарубежные и отечественные исследования эмоционального выгорания и стресса у сотрудников полиции. *Академическая мысль*, 4 (13).
- Водопьянова, Н. Е. (2000). Синдром «психического выгорания» в коммуникативных профессиях. В Г. С. Никифоров (ред.), *Психология здоровья* (стр. 443–463). Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Королева, Е. Г., Шустер, Э. Е. (2007). Синдром эмоционального выгорания. *Журнал Гродненского государственного медицинского университета*, 3 (19), 108–111.
- Продовикова, А. Г., Тендрякова, К. Д. (2020). Синдром эмоционального выгорания, жизнестойкость и смысложизненные ориентации работников сферы здравоохранения. *Социальные и гуманитарные науки: теория и практика*, 1 (4), 424–442.
- Пряхина, М. В., Душкин, А. С., Гончарова, Н. А., Шаранов, Ю. А., Шахматов, А. В. (2021). Эмоциональное выгорание сотрудников полиции: феноменология и профилактика. *Прикладная психология и педагогика*, 6 (4), 25–42. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2021-6-4-25-42>
- Сорокоумова, С. Н., Исаев, В. П. (2013). Специфика профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий. *Педагогическое образование в России*, 4, 186–190.

- Фомина, Н. Ф., Федосеева, Т. Е. (2016). Исследование показателей жизнестойкости в аспекте личности профессионала. *Современные проблемы науки и образования*, 6. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25947>
- Форманюк, Т. В. (1994). Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя. *Вопросы психологии*, 6, 57–64.
- Andrew, M. E., Howsare, J. L., Charles, L. E., McCanlies, E. C. & Mnatsakanova, A. et al. (2013). Associations between protective factors and psychological distress vary by gender: The Buffalo Cardio-Metabolic Occupational Police Stress Study. *International Journal of Emergency Mental Health and Human Resilience*, 15 (4), 277–288.
- Aumayr-Pintar, C., Cerf, C., & Parent-Thirion, A. (2018). *Burnout in the workplace: A review of data and policy responses in the EU*. <https://doi.org/10.2806/11497>
- Folkman, S. (2013). Stress: Appraisal and Coping. In M. D. Gellman, J. R. Turner (Eds.), *Encyclopedia of Behavioral Medicine* (pp. 1913–1915). Springer. New York, NY. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-1005-9_215
- Golonka, K., Mojsa-Kaja, J., Blukacz, M., Gawłowska, M., & Marek, T. (2019). Occupational burnout and its overlapping effect with depression and anxiety. *International Journal of Occupational Medicine and Environmental Health*, 32 (2), 229–244. <https://doi.org/10.13075/ijomh.1896.01323>
- Machado, C. E., Traesel, E. S., & Merlo, Á. R. C. (2017). Profissionais da Brigada Militar: Vivências do cotidiano e subjetividade. *Psicologia Argumento*, 33 (81). <https://doi.org/10.7213/psicol.argum.33.081.AO02>
- Maslach, C. M. (2003). Job burnout: New directions in research and intervention. *Current Directions in Psychological Science*, 12 (5), 189–192. <https://doi.org/10.1111/1467-8721.01258>
- Maslach, C. (2017). Finding solutions to the problem of burnout. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*, 69 (2), 143–152. <https://doi.org/10.1037/cpb0000090>
- Ribeiro, B. M. S. S., Scorsolini-Comin, F., Terra, F. S., & Dalri, R. C. M. B. (2023). Síndrome de burnout em policiais militares à luz do referencial interpretativo. *Revista Recien*, 13 (41), 532–539.

References

- Barinova, M. G., Kostina, L. N., Tavtilova, N. N. (2024). Osobennosti emocional'nogo vygoraniya lichnosti v professional'noj sluzhebnoj deyatelnosti sotrudnikov policii. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 4 (69), 73–83.
- Bogatyryov, S. V. (2020). Sovremennye zarubezhnye i otechestvennye issledovaniya emocional'nogo vygoraniya i stressa u sotrudnikov policii. *Akademicheskaya mysl'*, 4 (13).
- Vodop'yanova, N. E. (2000). Sindrom «psihicheskogo vygoraniya» v kommunikativnyh professiyah. V G. S. Nikiforov (red.), *Psihologiya zdorov'ya* (str. 443–463). Saint Petersburg: SPbGU.
- Koroleva, E. G., Shuster, E. E. (2007). Sindrom emocional'nogo vygoraniya. *Zhurnal Grodnenskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta*, 3 (19), 108–111.
- Prodovikova, A. G., Tendryakova, K. D. (2020). Sindrom emocional'nogo vygoraniya, zhiznестojkost' i smyslozhiznennye orientacii rabotnikov sfery zdavoohraneniya. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika*, 1 (4), 424–442.
- Pryahina, M. V., Dushkin, A. S., Goncharova, N. A., Sharanov, Yu. A., Shahmatov, A. V. (2021). Emocional'noe vygoranie sotrudnikov policii: fenomenologiya i profilaktika. *Prikladnaya psihologiya i pedagogika*, 6 (4), 25–42. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2021-6-4-25-42>
- Sorokoumova, S. N., Isaev, V. P. (2013). Specifika professional'noj deyatelnosti specialistov pomogayushchih professij. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 4, 186–190.

Кириллова Е. Б., Ильянкова Е. И., Миркомиллов М. Д. / Kirillova, E. B., Ilyankova, E. I., Mirkomilov, M. D.

- Fomina, N. F., Fedoseeva, T. E. (2016). Issledovanie pokazatelej zhiznestojkosti v aspekte lichnosti professionala. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 6. <https://science-education.ru/article/view?id=25947>
- Formanyuk, T. V. (1994). Sindrom «emocional'nogo sgoraniya» kak pokazatel' professional'noj deadaptacii uchitelya. *Voprosy psichologii*, 6, 57–64.
- Andrew, M. E., Howsare, J. L., Charles, L. E., McCanlies, E. C. & Mnatsakanova, A. et al. (2013). Associations between protective factors and psychological distress vary by gender: The Buffalo Cardio-Metabolic Occupational Police Stress Study. *International Journal of Emergency Mental Health and Human Resilience*, 15 (4), 277–288.
- Aumayr-Pintar, C., Cerf, C., & Parent-Thirion, A. (2018). *Burnout in the workplace: A review of data and policy responses in the EU*. <https://doi.org/10.2806/11497>
- Folkman, S. (2013). Stress: Appraisal and Coping. In M. D. Gellman, J. R. Turner (Eds.), *Encyclopedia of Behavioral Medicine* (pp. 1913–1915). Springer. New York, NY. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-1005-9_215
- Golonka, K., Mojsa-Kaja, J., Blukacz, M., Gawłowska, M., & Marek, T. (2019). Occupational burnout and its overlapping effect with depression and anxiety. *International Journal of Occupational Medicine and Environmental Health*, 32 (2), 229–244. <https://doi.org/10.13075/ijomh.1896.01323>
- Machado, C. E., Traesel, E. S., & Merlo, Á. R. C. (2017). Profissionais da Brigada Militar: Vivências do cotidiano e subjetividade. *Psicologia Argumento*, 33 (81). <https://doi.org/10.7213/psicol.argum.33.081.AO02>
- Maslach, C. M. (2003). Job burnout: New directions in research and intervention. *Current Directions in Psychological Science*, 12 (5), 189–192. <https://doi.org/10.1111/1467-8721.01258>
- Maslach, C. (2017). Finding solutions to the problem of burnout. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*, 69 (2), 143–152. <https://doi.org/10.1037/cpb0000090>
- Ribeiro, B. M. S. S., Scorsolini-Comin, F., Terra, F. S., & Dalri, R. C. M. B. (2023). Síndrome de burnout em policiais militares à luz do referencial interpretativo. *Revista Recien*, 13 (41), 532–539.

Информация об авторах

Елена Борисовна Кириллова – доцент кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук.

Екатерина Ивановна Ильянкова – преподаватель кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук.

Миркодир Дилшод угли Миркомиллов – главный (старший) психолог группы психологического обеспечения института повышения квалификации сотрудников ОВД Республики Узбекистан.

About the authors

Elena B. Kirillova – Docent of the Department of Legal Psychology of St. Petersburg University of the MIA of Russia, Cand. Sci. (Psy).

Ekaterina I. Ilyankova – lecturer of the Department of Legal Psychology of St. Petersburg University of the MIA of Russia, Cand. Sci. (Psy).

Mirkodir D. Mirkomilov – the chief (senior) psychologist of the psychological support group of the Institute for Advanced Training of Employees of the Internal Affairs Agencies of the Republic of Uzbekistan.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 18.09.2025

Одобрена после рецензирования 08.12.2025

Опубликована 28.12.2025

Submitted September 18, 2025

Approved after reviewing December 8, 2025

Accepted December 28, 2025

УДК 159.9

Профессиональная идентичность студентов педагогических вузов в контексте изменения правовой политики Социалистической Республики Вьетнам

Вьет Кхоа Фам

Народная полицейская Академия
(Ханой, Вьетнам)
khoapham2107@gmail.com

ORCID: 0009-0002-7202-9294

Аннотация

Введение. Недавно принятый Закон о педагогах во Вьетнаме повышает профессиональный статус педагогов и устраняет недостатки в подборе и использовании педагогических кадров. Новый закон также усиливает управленческую роль сектора высшего образования, что способствует развитию науки и технологии. Полагаем, что в этом контексте в той или иной степени закон положительно влияет на профессиональную идентичность самих студентов педагогических вузов. **Методы исследования.** Контент-анализ, сравнительный анализ, авторская анкета в целях сбора данных о некоторых аспектах профессиональной идентичности студентов педагогических вузов. **Результаты.** Для студентов педагогических вузов наиболее значимыми в профессии являются социальное окружение и условия труда, способность к личностно-профессиональному развитию, а также заработная плата. Переход от первого ко второму курсу характеризуется активностью развития профессиональной идентичности. Со второго по четвертый курсы наблюдается постепенное снижение показателей, отражающее процесс корректировки первоначальных ожиданий и накопления практического опыта. **Обсуждение и заключение.** Изменение правовой политики Социалистической Республики Вьетнам в образовательной сфере приводит к положительным результатам, которые выражаются в высоких показателях профессиональной идентичности студентов и повышении спроса на квалифицированную рабочую силу.

Ключевые слова

профессиональная идентичность, педагогическая деятельность, личностно-профессиональное развитие педагога, профессиональные навыки, практический опыт, мотивация выбора профессии, условия труда

Для цитирования: Фам, В. К. (2025). Профессиональная идентичность студентов педагогических вузов в контексте изменения правовой политики Социалистической Республики Вьетнам. *Российский девиантологический журнал*, 5 (4), 636–648.

Original paper

Professional identity of students of pedagogical universities in the context of changes in the legal policy of socialist republic of Vietnam

Pham Viet Khoa

The People's Police Academy

(Hanoi, Vietnam)

khoapham2107@gmail.com

ORCID: 0009-0002-7202-9294**Abstract**

Introduction. The recently approved Law on Teachers in Vietnam improves the professional status of teachers and eliminates shortcomings in the selection and use of teaching staff. The law also strengthens the managerial role of the higher education sector and promotes the development of science and technology. We believe that in this context, the law has a positive influence on the professional identity of the students of pedagogical universities. **Methods.** Content analysis, comparative analysis, and author's questionnaire were used to collect data on certain aspects of the professional identity of students in pedagogical universities. **Results.** For students of pedagogical universities, the most significant factors in their work are the social environment and working conditions, ability to personal and professional development, and salary. The transition from the first to the second year is characterised by active development of professional identity. From the second to the fourth year, a gradual decline in indicators is observed, reflecting the process of adjusting initial expectations and accumulating practical experience. **Discussion and conclusion.** The change in the legal policy of the Socialist Republic of Vietnam in the educational sphere lead to positive results, which are expressed in high levels of professional identity of students and increased demand for skilled labor.

Keywords

professional identity, pedagogical activity, personal and professional development of pedagogue, professional skills, practical experience, motivation for choosing a profession, working conditions

For citation: Pham, V. K. (2025). Professional identity of students of pedagogical universities in the context of changes in the legal policy of socialist republic of Vietnam. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (4), 636–648.

Введение

Национальное собрание Социалистической Республики Вьетнам 16 июня 2025 г. официально приняло Закон о педагогах, который вступит в силу с 1 января 2026 г.¹ Согласно новому закону были подтверждены положения:

1) о механизмах защиты профессионального статуса педагога государственных и негосударственных образовательных учреждений;

2) о материальном обеспечении педагогов в системе государственной службы (педагоги также имеют право на дополнительные надбавки за особые условия труда, за ответственность, за выслугу лет и т. д.);

¹ Вьетнам. (2025). Закон Социалистической Республики Вьетнам № 73/2025/QH15 «О педагогах». <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Giao-duc/Luat-Nha-giao-2025-so-73-2025-QH15-621345.aspx>

3) о мерах поддержки и привлечении высококвалифицированных специалистов к участию в педагогической деятельности, особенно в стратегических областях – высокотехнологических науках, цифровой трансформации и профессиональном образовании;

4) о стандартизации и повышении качества педагогических кадров;

5) о профессиональной этике педагогов;

6) о делегировании инициатив образовательному сектору по вопросам текучести кадров.

Закон не только оказал значительное влияние на образовательную сферу, но и вызвал общественный резонанс. Средства массовой информации сообщают о новых положениях закона, который вскоре вступит в силу. По данным официального электронного портала Министерства образования и профессионального обучения Вьетнама, Закон о педагогах был принят в знак признания преданности и повышения профессиональной ответственности педагога. Как заявил заместитель министра ведомства Фам Нгок Тхыонг, «достойные зарплаты являются частью усилий по поощрению и защите педагога, наряду с растущей ответственностью и преданностью своему делу»².

Вслед за новым законом 22 августа 2025 г. Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Вьетнама подписало Резолюцию № 71-NQ/TW «О прорывах в развитии образования и профессионального обучения», отметив, что высшее образование является основой развития высококвалифицированных ресурсов и талантов, способствует развитию науки, технологий и инноваций³. Резолюция подчеркивает роль педагогов в современную эпоху. Полагаем, современная обстановка в той или иной степени положительно влияет на выбор профессий школьников, готовящихся к поступлению в вуз, а также на профессиональную идентичность студентов педагогических вузов.

Теоретико-методологические основы профессиональной идентичности рассматриваются в работах ряда известных российских ученых: К. А. Альбухановой-Славской, Е. П. Ермолаевой, Э. Ф. Зеера, Е. А. Климова, Б. Ф. Ломова, Т. В. Малютиной, А. К. Марковой, Ю. П. Поваренкова, Э. Э. Сыманюка, Л. Б. Шнейдер и др. В психологической науке существует множество различных определений понятия «профессиональная идентичность» и близких к нему понятий, в которых есть как общие, так и отличительные черты. Однако в рамках данной статьи мы придерживаемся позиции Л. Б. Шнейдер, которая под профессиональной идентичностью подразумевает «результат процессов профессионального самоопределения, персонализации и самоорганизации, проявляющийся в осознании себя представителем определенной профессии и профессионального сообщества, определенная степень отождествления дифференциации себя с делом и с другими, проявляющаяся в когнитивно-эмоционально-поведенческих самоописаниях “Я”»⁴. Автором выделены три важных компонента профессиональной идентичности: когнитивный, эмоциональный и поведенческий.

Применительно к деятельности педагога можно отметить, что сущность профессиональной идентичности педагога заключается в самостоятельном и ответственном построении своего профессионального будущего (Кузембаева, 2022). Содержательные аспекты профессиональной

² Министерство образования и профессионального обучения Вьетнама. (2025, 16 августа). Закон о педагогах: уважение к преданности делу, повышение профессиональной ответственности. <https://moet.gov.vn/tintuc/Pages/tin-tong-hop.aspx?ItemID=10865>

³ Центральный комитет Коммунистической партии Вьетнама. (2025). Резолюция Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Вьетнама № 71-NQ/TW «О прорывах в развитии образования и профессионального обучения». <https://thuvienphapluat.vn/phap-luat/ho-tro-phap-luat/toan-van-nghi-quyet-71nqtw-ve-dot-pha-phat-trien-giao-duc-va-dao-tao-nghi-quyet-71-cua-bo-chinh-tri-230726.html>

⁴ Шнейдер, Л. Б. (2007). Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики: учебное пособие. Московский психолого-социальный университет.

идентичности связаны с качественными характеристиками структурных компонентов (элементов) идентичности, такими как когнитивный, эмоциональный, мотивационно-ценностный (Ермолаева, 1998; Иванова & Конева, 2004); когнитивный, эмоционально-оценочный, поведенческий⁵; профессиональные ценности и мотивы, профессиональная Я-концепция и позиция, профессиональные установки и убеждения и др.

При изучении ценностно-смысловой сферы профессиональной идентичности вьетнамских работников поколения Z с помощью теста смысложизненных ориентаций нами отмечено, что «статусы профессиональной идентичности поколения Z связаны со смысложизненными ориентациями: цели в жизни связаны со сформированной профессиональной идентичностью и с навязанной профессиональной идентичностью; процесс жизни связан с неопределенным состоянием профессиональной идентичности» (Фам, 2023). По нашему мнению, в контексте правовых изменений важным компонентом профессиональной идентичности педагога во Вьетнаме является мотивационно-ценностный. На основе анализа и обобщения перечисленных структурных компонентов идентичности мы выделили шесть групп: профессиональная уверенность (когнитивный аспект), мотивация выбора профессии, профессиональное саморазвитие, социальное влияние (мотивационно-ценностный аспект), привязанность к профессии (эмоциональный аспект), профессиональная компетентность (поведенческий аспект).

В связи с этим объектом исследования является профессиональная идентичность студентов педагогических вузов, а предметом – содержательные аспекты их профессиональной идентичности в современных условиях. Цель исследования – выявление отличительных особенностей профессиональной идентичности студентов педагогических вузов в современных обстоятельствах. Для достижения поставленной цели предстоит решать следующие задачи: 1) изучить теоретические и нормативные правовые документы, регулирующие профессиональную деятельность педагогов; 2) обобщить и проанализировать информацию и общественное мнение в СМИ об изменении государственной политики в сфере образования; 3) подобрать и описать методы и методики эмпирического исследования; 4) эмпирическим путем изучить аспекты профессиональной идентичности студентов педагогических вузов; 5) провести сравнительный анализ результатов научных исследований профессиональной идентичности с полученными результатами; 6) проанализировать влияние правовых изменений на профессиональную идентичность и сформулировать выводы.

Методы исследования

В качестве исследовательского инструментария выступили следующие методы:

1. Контент-анализ – изучение нормативных правовых документов, сообщений СМИ и результатов исследовательских работ в целях выявления актуальности, тенденций и закономерностей профессиональной идентичности студентов различных профилей обучения.

2. Сравнительный анализ – метод исследования, направленный на выявление сходств и различий между полученными результатами и результатами других исследователей по изучаемой тематике путем их сопоставления по определенным параметрам как факторам, влияющим на выбор профессии – осознанности значимости профессии и своего места в деятельности, принятию профессиональной роли педагога и т. д.

3. Анкетирование – эмпирическим исследовательским инструментарием служит анкета для самостоятельного заполнения студентами педагогических вузов Вьетнама. Цель создания анкеты – сбор данных о некоторых аспектах профессиональной идентичности будущих

⁵ Шнейдер, Л. Б. (2007). Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики: учебное пособие. Московский психолого-социальный университет.

педагогов в современных условиях. Анкета состоит из 20 вопросов с ответами «да / нет» для облегчения заполнения, а также кодирования и обработки данных. Содержание анкеты разделено на основные группы: 1) мотивация выбора профессии (вопросы 2, 4, 11) для исследования факторов, влияющих на выбор профессии; 2) профессиональная уверенность (вопросы 3, 7, 16) с упором на осознание сильных и слабых сторон; 3) профессиональное саморазвитие (вопросы 8, 18), отражающее стремление и усилия по повышению профессиональной компетентности; 4) привязанность к профессии (вопросы 12, 14, 19), отражающая упорство, желание продолжать работать по выбранной профессии, а также уровень удовлетворенности текущей специальностью; 5) социальное влияние (вопрос 13, 15) с желанием получить одобрение других; 6) профессиональная компетентность (вопрос 10, 17), заключающаяся в наличии профессиональных знаний, навыков, умений. Остальные вопросы (1, 5, 6, 9, 20) направлены на проверку честности респондентов (вопросы 1, 5) и предоставление дополнительной информации: вопрос 6 – о творческом подходе к выполнению поставленных задач; вопрос 9 – о принятии выбранной профессии; вопрос 20 – о недостаточной профессиональной подготовленности. Кроме того, в анкете использовались дополнительные вопросы для сбора базовой информации о респондентах: пол, курс обучения и вспомогательные сведения, связанные с исследуемой проблемой. Перед проведением анкетирования была четко разъяснена цель исследования, участники согласились на конфиденциальность и подтвердили, что ответы являются полностью добровольными.

4. Метод математико-статистической обработки данных с использованием компьютерной программы Excel и Jamovi.

В исследовании приняли участие 127 студентов Ханойского государственного педагогического университета, из них 94 девушки (74 %) и 33 юноши (26 %), обучающихся на разных курсах, в том числе на: первом курсе – 25,2 %; втором курсе – 26 %; третьем курсе – 20,5 % и четвертом курсе – 28,3 %.

Результаты эмпирического исследования

По результатам анкетирования 75,6 % респондентов ответили, что они планируют продолжать профессиональную карьеру в качестве учителей / преподавателей, т. е. будут заниматься непосредственно педагогической деятельностью; 22,8 % студентов еще не определились с будущей карьерой после окончания вуза, и лишь 1,6 % опрошенных не хотят работать по выбранной специальности. Можно отметить как положительный факт, что большинство студентов педагогических вузов после окончания вуза желает работать педагогами, однако почти четверть респондентов еще не определилась со своим выбором.

На вопрос о том, что больше всего интересует студентов в карьере педагога, мы привели несколько популярных вариантов, оставив при этом респондентам возможность дать развернутый ответ. Результаты представлены на рисунке.

Для студентов педагогических вузов наиболее важными в работе (в порядке убывания значимости) являются социальное окружение и условия труда, возможность личностно-профессионального развития, а также заработная плата. Следующим в рейтинге стоит баланс между работой и собственной жизнью. На наш взгляд, желание будущих педагогов о повышении заработной платы и личностно-профессиональном развитии полностью соответствуют правовым изменениям во Вьетнаме. В то же время они хотят, чтобы государство обеспечило безопасную и эффективную рабочую среду для долгосрочного развития. В обобщенном виде результаты анкетирования представлены в таблице.

Таблица 1. Результаты анкетирования аспектов профессиональной идентичности студентов Ханойского государственного педагогического университета (с учетом положительных ответов)

Table 1. Results of the questionnaire on aspects of professional identity of students of Hanoi State Pedagogical University (taking into account positive responses)

Аспекты	Значения ответов	Общ. (%)	Курсы (%)			
			1	2	3	4
Мотивация выбора профессии	Осознанный выбор	89,8	90,6	87,9	92,3	91,6
	Семейные традиции	46,5	40,6	48,5	46,1	50
	Выбор по советам учителей	36,2	37,5	42,4	34,6	30,6
Профессиональная уверенность	В применении знаний на практике	85	78,1	81,8	92,3	88,9
	Неясность о профессионально важных качествах	53,5	43,7	60,6	65,4	47,2
	Неуверенность в профессионализме	62,2	71,9	60,6	76,9	44,4
Профессиональное саморазвитие	Стремление к профессиональному росту	94,5	87,5	100	92,3	97,2
	Улучшение профессиональных навыков	95,3	93,7	96,8	96,1	94,4
Привязанность к профессии	Желание дальнейшей работы в университете после его окончания	80,3	75	90,9	84,6	72,2
	Видение перспективы будущей профессии	88,2	84,4	93,9	88,5	86,1
	Удовлетворенность профессией	89	78,1	93,9	80,8	86,1
Социальное влияние	Избегание критики окружающих	68,5	78,1	72,7	57,6	63,9
	Желание социального одобрения	87,4	90,6	93,9	73,1	88,9
Профессиональная компетентность	Наличие практического опыта	73,2	56,2	63,6	80,8	91,7
	Усвоение методов обучения	69,3	50	66,7	80,8	80,6

Рис. Факторы, влияющие на профессиональную карьеру студентов Ханойского государственного педагогического университета

Fig. Factors affecting the professional career of students of Hanoi State Pedagogical University

Обсуждение результатов исследования

Данные таблицы 1 позволяют проанализировать основные особенности профессиональной идентичности студентов педагогических вузов по курсам.

На первом курсе обучения доля положительных ответов на вопросы, связанные с профессиональным самоопределением и уверенностью в применении профессиональной компетенции, оказалась ниже, чем у студентов последующих курсов. Можно отметить, что положительные ответы на вопросы о социальном одобрении сделанного ими выбора сохраняют высокий уровень. Такая динамика объясняется тем, что первокурсники только начинают путь к профессии и еще не обладают достаточным практическим опытом. Их представление о будущей профессии носит неустойчивый характер, а профессиональное саморазвитие во многом строится на первоначальной ориентации или внешних воздействиях.

Именно на втором курсе наблюдаются наиболее высокие показатели профессиональной идентичности: среднее значение положительных ответов достигает 76,2 %. Оно отражает согласованность ответов по большинству исследуемых вопросов. Особенно высоки показатели по вопросам, связанным с привязанностью к профессии и стремлением к профессиональному саморазвитию. Причина этого – успешная адаптация к условиям обучения и проживания, расширение возможностей практики, а также ощущение правильности сделанного выбора. Этот период характеризуется интересом и целеустремленностью, что требует активной поддержки со стороны образовательной организации развития творческого потенциала студентов.

На третьем курсе по сравнению со вторым курсом доля положительных ответов несколько снизилась (74,04 %), особенно в отношении карьерных перспектив и удовлетворенности выбором специальности. Вместе с тем по вопросам, связанным с саморазвитием и потребностью в поддержке, высокий уровень сохраняется. Такая динамика показывает, что студенты начинают более реалистично оценивать специфику педагогической деятельности, сталкиваясь с ее сложностями во время практики: высокой нагрузкой, ограниченными возможностями реализации творческого подхода в профессии. Первоначальные ожидания постепенно становятся более соотнесёнными с профессиональной реальностью.

На заключительном этапе обучения отмечается дальнейшее незначительное снижение положительных ответов (73,06 %), что свидетельствует о сохранении высокой степени привязанности к профессии. При этом усиливается осторожность и рассудительность в оценке собственных возможностей. По ряду вопросов, связанных с уверенностью в своих силах и карьерными возможностями, отмечается большая вариативность ответов. Это объясняется повышенным давлением, вызванным необходимостью поиска работы, конкуренцией и практическими условиями трудоустройства. Преддипломная стажировка помогает студентам осознать как преимущества, так и трудности профессии. Данный этап можно рассматривать как период закрепления профессиональных навыков и подготовки к выходу на рынок труда.

Общая тенденция. Переход от первого курса ко второму характеризуется активностью профессиональной адаптации. В последующие годы (со второго по четвертый курсы) наблюдается постепенное снижение показателей, отражающее процесс корректировки первоначальных ожиданий и накопления практического опыта, что соответствует модели «первоначальное воодушевление – корректировка ожиданий – стабилизация профессиональных решений», описывающей особенности профессионального развития студентов педагогического вуза.

Несмотря на то что к настоящему времени вопросы профессиональной идентичности студентов стали актуальными и изучались отечественными и зарубежными исследователями, проблема профессиональной идентичности будущих педагогов в контексте правовых изменений остается малоизученной. Сопоставление результатов некоторых исследований с полученными нами результатами представлено в таблице 2.

Таблица 2. Сравнительная таблица результатов исследований профессиональная идентичности студентов

Table 2. Comparative table of students' professional identity research results

Авторы	Респонденты / Методы исследования	Основные результаты	Сравнение с полученными результатами
Vu Thi Bich Hao, Nguyen Thi Bich Ngoc, Le Thi Minh Thu (2023)	352 студента третьего курса медицинского университета (по направлению «Сестринское дело») / Анкетирование	Факторы, влияющие на выбор профессии после окончания вуза: факторы, связанные с образовательной средой и социальным окружением, семейные и личные факторы	Имеет сходство с нашими выводами о важности рабочей среды и личной жизни
Hoang Thi Kim Oanh, Tran Thi Hang, Dang Thi Xen (2016)	160 студентов Лесного университета (по направлению «Бизнес-администрирование») / Опрос	Студенты осознают важность профессиональных навыков, но есть определенные ограничения; между группами студентов существуют различия	Это согласуется с результатами нашего исследования
Do Thi Hue, Le Thu Hoa, Nguyen Thi Huyen (2022)	131 студент первого и четвертого курсов университета медицинских технологий (по направлению «Сестринское дело») / Опрос	У большинства студентов – будущих медсестер (более 80 %) – высокий уровень профессиональной идентичности (осознание возможностей, профессионально важных качеств, профессионального положения в обществе)	В нашем исследовании данные о профессиональной идентичности незначительно колеблются по курсам
Huynh Truong Huy, Doan Thi Tuyet Kha, Nguyen Thi Tu Trinh (2019)	169 студентов вузов (по направлению «Туризм») / Анкетирование	Причины выбора специальности: интересы, соответствие их собственным способностям и требованиям рынка труда. Наиболее сложными проблемами при поиске работы является нехватка опыта и незнание иностранных языков	Имеет сходство с нашими данными об осознанном решении выбора профессии и недостаточности практических опытов
Nguyen Van Bac, Nguyen Ba Phu (2020)	192 студента четвертого курса Хьюэского педагогического университета / Опрос	Уровень освоения навыков консультирования профорientации среди студентов не соответствует требованиям профессии. Студенты хотят получить больше знаний и навыков в этой области, которые им пригодятся в будущей профессии	Имеются отличия. Студенты хотят получить знания и навыки в той специальности, которую они выбрали
Дуденко Н. А., Ливак Н. С. (2024)	86 студентов Сибирского государственного университета науки и технологий имени М. Ф. Решетнёва / Методика изучения статусов профессиональной идентичности (А. А. Азбель и А. Г. Грецов)	Студенты, участвующие в стажировках и практических проектах, лучше понимают специфику профессии и более уверенно чувствуют себя в плане карьерного выбора	Это согласуется с результатами нашего исследования

Авторы	Респонденты / Методы исследования	Основные результаты	Сравнение с полученными результатами
Колзова А. А., Мешкова И. В. (2022)	Студенты второго – третьего курсов, обучающиеся по профилю «Специальная психология и педагогика» / Методики У. С. Родыгиной «Опросник профессиональной идентичности студентов-психологов», Д. А. Леонтьева «Смысложизненные ориентации», Т. И. Ильиной «Изучение мотивации обучения в вузе»	У студентов-психологов с низким уровнем профессиональной мотивации в меньшей степени проявляется позиция активного отношения к профессии	В нашем исследовании не выявлено
Тимченко Н. С., Солдаткина М. А. (2025)	34 выпускника медицинского вуза по специальности «Медико-профилактическое дело» / Полуструктурированное интервью	Профессиональная идентичность связана с достижением тождественности с профессиональным образом «Я», исходной основой которого является идеальный образ профессионала	Имеется сходство. Большинство студентов осознают роль профессионального образа «Я»
Белякова Е. Г., Захарова И. Г. (2020)	230 бакалавров (119 первокурсников и 111 второкурсников) Института психологии и педагогики Тюменского государственного университета по направлению «Педагогическое образование» / методики: «Личный профессиональный план» (Е. А. Климов, адаптация Л. Б. Шнейдер), «Опросник профессиональной идентичности» (У. С. Родыгина)	На младших курсах бакалавриата педагогических направлений представлены по меньшей мере четыре типа обучающихся: с «позитивной педагогической идентичностью», «определяющиеся педагоги», «не определившиеся» и «непедагоги»	В нашем исследовании не выявлено
Федоров Г. А. (2025)	566 респондентов-учителей на базе образовательных организаций Московской области / Анкетирование	Профессиональная идентичность педагога выступает ключевым фактором формирования кадрового потенциала системы общего образования и требует комплексного внимания и управленческих решений, что в перспективе может быть выражено в повышении статуса, материальной обеспеченности и удовлетворенности трудом	Полностью соответствует результатам анализа нормативных правовых документов о педагогах

В последние годы дефицит педагогических кадров, особенно педагогов детских садов в отдаленных населенных пунктах, требует изменения механизма подбора кадров. Согласно отчету Министерства образования и профессионального обучения Вьетнама (по состоянию на май 2025 г.) в стране по-прежнему не хватает почти 120 тысяч учителей всех уровней, в том числе почти 45 тысяч воспитателей дошкольных учреждений. Примечательно, что из 66 тысяч выделенных квот на педагогических работников местные органы власти за последние три года наняли меньше 10 % от общего количества (менее 6 тысяч учителей). Правительство Вьетнама

продолжает реализовывать множество эффективных мер для подготовки педагогических кадров, привлечения высококвалифицированных специалистов и повышения профессиональной квалификации преподавательского состава. Соответственно, Правительство установит особый режим льготных выплат, обеспечивающий минимальный уровень, установленный Резолюцией 71-NQ/TW: 70 % для учителей дошкольных учреждений, общеобразовательных школ и средних профессиональных училищ; 30 % для педагогических работников; 100 % для учителей образовательных учреждений для школьников с ограниченными возможностями, специализированных школ или школ в отдаленных районах.

Местные органы власти вправе разрабатывать гибкие и конкурентные механизмы подбора кадров, трудоустройства и оплаты труда, которые не обязательно соответствуют общей шкале заработной платы государственных служащих. Эти меры действительно оказывают положительное влияние на педагогический сектор, повышая престиж профессии. В частности, в последние годы вступительные баллы педагогических вузов имеют тенденцию к росту, особенно по специальностям подготовки учителей информатики, английского языка, изобразительного искусства, музыки, физкультуры и социально-гуманитарных дисциплин. Например, в 2024 г. «Литература» и «История» стали специальностями с рекордно высокими баллами в ведущих педагогических заведениях страны, таких как Ханойский государственный педагогический университет и Хошиминский педагогический университет. Эта тенденция отражает значительное влияние на профессиональную идентичность будущих педагогов во Вьетнаме.

Выводы

По результатам анализа теоретических, нормативных правовых материалов и эмпирического исследования можно утверждать, что цели исследования в целом достигнуты и поставленные задачи выполнены. Таким образом, возможно сделать следующие выводы.

Во-первых, изменение правовой политики Социалистической Республики Вьетнам приводит к положительным результатам, которые выражаются в высоких показателях аспектов профессиональной идентичности студентов педагогических вузов и повышении спроса на квалифицированную рабочую силу в образовательной сфере.

Во-вторых, важными для будущей профессии студентов педагогических вузов являются постоянное совершенствование профессиональных знаний и навыков, способность к личностно-профессиональному развитию, повышение профессионального статуса в обществе, организационное и материальное обеспечение, что проявляется в уровне удовлетворенности трудом.

В-третьих, тенденцию профессиональной идентичности студентов педагогических вузов можно описать следующим образом: первый курс – формирование профессиональной идентичности; второй курс – активное развитие профессиональной идентичности; третий курс – корректировка ожиданий от будущей профессии; четвертый курс – сформированная устойчивая профессиональная идентичность.

На основе проведенного исследования мы предлагаем продолжить совершенствовать нормативные правовые документы в образовательной сфере в целях обеспечения будущих педагогических кадров. На каждом этапе особенно важно создавать условия для накопления практического опыта, а также поддерживать целеустремленность студентов с помощью психолого-педагогического сопровождения, что будет способствовать долгосрочному личностно-профессиональному развитию педагога. Перспективами дальнейших исследований могут стать разработка программ профессиональной ориентации для подростков и психологического сопровождения молодых педагогов, нуждающихся в поддержке для формирования устойчивой профессиональной идентичности.

Список литературы

- Белякова, Е. Г., Захарова, И. Г. (2020). Профессиональное самоопределение и профессиональная идентичность студентов-педагогов в условиях индивидуализации образования. *Образование и наука*, 22 (1), 84–112. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-1-84-112>
- Дуденко, Н. А., Ливак, Н. С. (2024). Профессиональная идентичность студентов: эмпирическое исследование с использованием методики статусов профессиональной идентичности. В *Актуальные проблемы психологии труда: теория и практика: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Красноярск, 22 ноября 2024 года* (с. 205-210). Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева.
- Ермолаева, Е. П. (1998). Профессиональная идентичность как комплексная характеристика соответствия субъекта и деятельности. *Психологическое обозрение*, (2), 35–45.
- Иванова, Н. Л., Конева, Е. В. (2004). Профессиональная идентичность и профессиональное пространство. *Мир психологии*, (2), 148–157.
- Козлова, А. А., Мешкова, И. В. (2022). Формирование профессиональной идентичности студентов-психологов с разным уровнем учебно-профессиональной мотивации. *Проблемы современного педагогического образования*, 76-3, 273–276.
- Кузембаева, А. М. (2022). Содержание профессиональной идентичности (ПИ) преподавателя вуза в работах отечественных и зарубежных исследователей. *Педагогическое образование*, 3 (2), 206–217.
- Малютина, Т. В. (2014). Профессиональная идентичность, ее структура и компоненты. *Омский научный вестник*, 5, 149–152.
- Тимченко, Н. С., Солдаткина, М. А. (2025). Профессиональная идентичность будущих специалистов медико-профилактического дела: анализ личностно-профессионального профиля. *Кардиоваскулярная терапия и профилактика*, 24 (S6), 235.
- Фам, В. К. (2023). Особенности профессиональной идентичности вьетнамских работников поколения Z, окончивших высшие учебные заведения. *Российский девиантологический журнал*, 3 (3), 304-312. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-3-304-312>
- Федоров, Г. А. (2025). Социологический анализ факторов развития профессиональных компетенций педагогических кадров в контексте формирования профессиональной идентичности. *Социально-гуманитарные технологии*, 2 (34), 61–69.
- Đỗ, T. H., Lê, T. H., & Nguyễn, T. H. (2022). Nhận thức về nghề nghiệp của sinh viên điều dưỡng đa khoa tại Trường Đại học kỹ thuật y tế Hải Dương. *Tạp Chí Sinh Lý học Việt Nam*, 26 (1), 74–82. <https://doi.org/10.54928/vjop.v26i1.77>
- Hoàng, T. K. O., Trần, T. H., & Đặng, T. X. (2017). Nhận thức về kỹ năng nghề nghiệp của sinh viên ngành quản trị kinh doanh – Trường Đại học lâm nghiệp. *Tạp chí khoa học và công nghệ lâm nghiệp*, 1, 150–159.
- Huỳnh, T. H., Đoàn, T. T. K., & Nguyễn, T. T. T. (2019). Nhận thức của sinh viên ngành du lịch tại các trường đại học, cao đẳng trên địa bàn thành phố Cần Thơ. *Tạp chí Nghiên cứu dân tộc*, 8 (4), 65–70. <https://doi.org/10.25073/0866-773X/354>
- Nguyễn, V. B., Nguyễn, B. P. (2020). Nhận thức của sinh viên sư phạm về kỹ năng tư vấn hướng nghiệp. *Tạp chí Khoa học, Trường Đại học Sư phạm, Đại học Huế*, 2 (54), 162–168.
- Vũ, T. B. H., Nguyễn, T. B. N., & Lê, T. M. T. (2023). Các yếu tố ảnh hưởng đến định hướng việc làm sau khi tốt nghiệp của sinh viên năm thứ 3 Trường Đại học điều dưỡng Nam Định năm học 2021-2022. *Tạp chí Khoa học điều dưỡng*, 6 (2), 78–90.

References

- Belyakova, E. G., Zaharova, I. G. (2020). Professional'noe samoopredelenie i professional'naya identichnost' studentov-pedagogov v usloviyah individualizacii obrazovaniya. *Obrazovanie i nauka*, 22 (1), 84–112. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-1-84-112>
- Dudenko, N. A., Livak, N. S. (2024). Professional'naya identichnost' studentov: empiricheskoe issledovanie s ispol'zovaniem metodiki statusov professional'noj identichnosti. V *Aktual'nye problemy psihologii truda: teoriya i praktika: Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Krasnoyarsk, 22 noyabrya 2024 goda* (s. 205-210). Sibirskij gosudarstvennyj universitet nauki i tekhnologii im. akad. M.F. Reshetneva.
- Ermolaeva, E. P. (1998). Professional'naya identichnost' kak kompleksnaya harakteristika sootvetstviya sub"ekta i deyatel'nosti. *Psihologicheskoe obozrenie*, (2), 35–45.
- Ivanova, N. L., Koneva, E. V. (2004). Professional'naya identichnost' i professional'noe prostranstvo. *Mir psihologii*, (2), 148–157.
- Kozlova, A. A., Meshkova, I. V. (2022). Formirovanie professional'noj identichnosti studentov-psihologov s raznym urovnem uchebno-professional'noj motivacii. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 76-3, 273–276.
- Kuzembaeva, A. M. (2022). Soderzhanie professional'noj identichnosti (PI) prepodavatela vuza v rabotah otechestvennyh i zarubezhnyh issledovatelej. *Pedagogicheskoe obrazovanie*, 3 (2), 206–217.
- Malyutina, T. V. (2014). Professional'naya identichnost', ee struktura i komponenty. *Omskij nauchnyj vestnik*, 5, 149–152.
- Timchenko, N. S., Soldatkina, M. A. (2025). Professional'naya identichnost' budushchih specialistov mediko-profilakticheskogo dela: analiz lichnostno-professional'nogo profilya. *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika*, 24 (S6), 235.
- Fam, V. K. (2023). Osobennosti professional'noj identichnosti v'etnamskih rabotnikov pokoleniya Z, okonchivshih vysshie uchebnye zavedeniya. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 3 (3), 304–312. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-3-304-312>
- Fedorov, G. A. (2025). Sociologicheskij analiz faktorov razvitiya professional'nyh kompetencij pedagogicheskikh kadrov v kontekste formirovaniya professional'noj identichnosti. *Social'no-gumanitarnye tekhnologii*, 2 (34), 61–69.
- Đỗ, T. H., Lê, T. H., & Nguyễn, T. H. (2022). Nhận thức về nghề nghiệp của sinh viên điều dưỡng đa khoa tại Trường Đại học kỹ thuật y tế Hải Dương. *Tạp Chí Sinh Lý học Việt Nam*, 26 (1), 74–82. <https://doi.org/10.54928/vjop.v26i1.77>
- Hoàng, T. K. O., Trần, T. H., & Đặng, T. X. (2017). Nhận thức về kỹ năng nghề nghiệp của sinh viên ngành quản trị kinh doanh – Trường Đại học lâm nghiệp. *Tạp chí khoa học và công nghệ lâm nghiệp*, 1, 150–159.
- Huỳnh, T. H., Đoàn, T. T. K., & Nguyễn, T. T. T. (2019). Nhận thức của sinh viên ngành du lịch tại các trường đại học, cao đẳng trên địa bàn thành phố Cần Thơ. *Tạp chí Nghiên cứu dân tộc*, 8 (4), 65–70. <https://doi.org/10.25073/0866-773X/354>
- Nguyễn, V. B., Nguyễn, B. P. (2020). Nhận thức của sinh viên sư phạm về kỹ năng tư vấn hướng nghiệp. *Tạp chí Khoa học, Trường Đại học Sư phạm, Đại học Huế*, 2 (54), 162–168.
- Vũ, T. B. H., Nguyễn, T. B. N., & Lê, T. M. T. (2023). Các yếu tố ảnh hưởng đến định hướng việc làm sau khi tốt nghiệp của sinh viên năm thứ 3 Trường Đại học điều dưỡng Nam Định năm học 2021-2022. *Tạp chí Khoa học điều dưỡng*, 6 (2), 78–90.

Информация об авторе

Фам Вьет Кхоа – преподаватель кафедры политической философии и социально-гуманитарных наук Народной полицейской Академии Социалистической Республики Вьетнам.

About the author

Pham Viet Hoa – lecturer at the Department of Political Philosophy and Social Sciences of the People's Police Academy of the Socialist Republic of Vietnam.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 09.10.2025

Одобрена после рецензирования 01.12.2025

Опубликована 28.10.2025

Submitted October 09, 2025

Approved after reviewing December 01, 2025

Accepted December 28, 2025

УДК 343

Неформальные субкультурные объединения: вопросы криминализации и противодействия

Андрей Николаевич Берестовой

Северо-Западный филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»
(Санкт-Петербург, Россия)
andreyberestovoy@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0805-900X

Аннотация

Постановка проблемы: В статье рассматриваются теоретико-правовые аспекты криминализации субкультурных неформальных объединений, обладающих повышенной степенью общественной опасности. **Цели и задачи:** проанализировать природу субкультурных сообществ; исследовать ключевые характеристики субкультурных групп: их организационную структуру, идеологические основы и пути проникновения в криминальное пространство. Детально исследуются молодежные организации, демонстрирующие признаки экстремистской активности и противоправного поведения, а также влияние современных цифровых платформ на распространение деструктивных идей в молодежной среде. **Методы:** в основу исследования положены диалектический и исторический методы научного познания, метод анализа, индукции, синтеза, а также сравнительно-правовой и эмпирический методы. **Краткие выводы:** процесс глобализации и цифровизации стимулирует возникновение разнообразных субкультурных объединений. Отдельные субкультурные группы демонстрируют склонность к девиантному поведению, проявляющемуся в агрессивных действиях, радикальных взглядах и противозаконных действиях. Крайне тревожным является вовлечение в подобного рода движения молодежной аудитории. Особую значимость для профилактики подобных противоправных проявлений приобретает необходимость комплексного анализа механизмов криминализации таких сообществ.

Ключевые слова

субкультура, неформальные объединения, криминализация, девиантное поведение, молодежь, экстремизм, общественная опасность, правовое регулирование, профилактика, цифровая среда

Для цитирования: Берестовой, А. Н. (2025). Неформальные субкультурные объединения: вопросы криминализации и противодействия. *Российский девиантологический журнал*, 5 (4), 649–659.

Informal subcultural communities: concept, issues of criminalisation and counteraction

Andrey N. Berestovoy

North-Western Branch of the Russian State University of Justice

(Saint Petersburg, Russia)

andreyberestovoy@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0805-900X

Abstract

Problem statement: the article deals with the theoretical and legal aspects of criminalising subcultural informal communities having a high degree of public danger. **The purposes and tasks** consist of analysing the nature of subcultural communities, their structure, ideological characteristics, and mechanisms of integration into the criminal environment; examining the key characteristics of subcultural groups: their organisational structure, ideological foundations, and ways of penetrating into the criminal space. The research provides a detailed analysis of youth organisations exhibiting signs of extremist activity and unlawful behaviour, as well as the influence of modern digital platforms on disseminating destructive ideas among young people. **Methods:** the research is based on dialectical and historical methods of scientific cognition, analysis, induction, synthesis, as well as comparative legal and empirical methods. **Brief conclusions:** the following findings were made during the research. The process of globalisation and digitalisation stimulates the emergence of various subcultural communities. Some subcultural groups demonstrate a tendency towards deviant behaviour, expressed in aggressive actions, radical views and illegal activities. The involvement of young people in such movements is particularly alarming. A comprehensive analysis of the mechanisms of criminalisation of such communities is of particular importance for the prevention of such unlawful activities.

Keywords

subculture, informal communities, criminalisation, deviant behaviour, youth, extremism, public danger, legal regulation, prevention, digital environment

For citation: Berestovoy, A. N. (2025). Informal subcultural communities: concept, issues of criminalisation and counteraction. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (4), 649–659.

Введение

В эпоху глобализации и цифровизации социум претерпевает существенные трансформации, сопровождающиеся углублением социальной стратификации и динамичным смещением ценностных координат. Эти процессы стимулируют возникновение и эволюцию разнообразных неформальных субкультурных образований, выступающих своеобразным ответом на давление унифицированной массовой культуры. Подобные объединения становятся неким пространством для реализации индивидуальных и групповых идентичностей, противопоставляющих себя общепринятым культурным канонам. В контексте ослабления традиционных механизмов социализации и нарастающей социальной турбулентности отдельные субкультурные группы демонстрируют склонность к девиантному поведению, проявляющемуся в агрессивных действиях, радикальных взглядах и противоправных практиках. Особенно тревожным представляется вовлечение в деструктивные субкультурные течения молодого поколения. Психическая пластичность и социальная незрелость делают молодежь весьма уязвимой

перед манипулятивными практиками. В связи с этим особую значимость приобретает комплексный анализ механизмов криминализации таких сообществ, оценка их потенциальной угрозы для общества и разработка системы превентивных мер, направленных на противодействие распространению криминогенных субкультур среди молодежи. Настоящее исследование призвано выявить специфику функционирования подобных объединений, определить ключевые факторы их криминализации и разработать эффективные инструменты правового воздействия в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

Законодательство Российской Федерации не дает точного понятия субкультурных неформальных объединений, однако Большая российская энциклопедия предоставляет их в некоем обобщенном определении как социальные группы различной общественной опасности. В научном поле существует множество определений, так или иначе относящихся к понятию субкультуры (Перепелова, 2024; Мондохонов, 2020). В широком смысле ее можно определить как культуру конкретной социальной группы (страты), которая отличается от иных подобных объединений своими характерными особенностями. Все существующие научные понятия субкультуры в целом определяют их как «систему ценностей и норм, способов поведения, стилей определенной социальной группы, отличающихся от господствующей в обществе культуры, хотя и связанных с ней» (Колесникова, 2008). Причиной возникновения субкультурных объединений является стремление людей протестовать против чего-либо, особенно это касается общепринятых норм, преобладающих в обществе ценностей и стереотипов.

В научном социологическом сообществе имеется множество подходов к критериям, которые можно применить, выделяя те или иные виды и группы субкультур, а также методы их описания. По типу поведения условно можно выделить нейтральные или спокойные субкультуры (эмо, кей-поперы, анимешники, дед-инсайды); как правило, они не проявляют агрессии к окружающим, в основе их идеологии нет стремления к нарушению законов. В то же время существуют довольно агрессивные, деструктивные объединения: всем известные из средств массовой информации скинхеды, наиболее агрессивная часть футбольных болельщиков, националисты всех мастей, так называемые гопники, ставшие уже нарицательными персонажами, криминальные субкультуры.

Разделение субкультурных объединений по той среде, в которой они зародились, – это еще один критерий. Так называемые традиционные субкультуры появились без влияния интернета, можно сказать, в естественной общественной среде. Как правило, они и в настоящее время существуют вне различного рода социальных сетей, хотя, как отмечают исследователи, у них могут быть онлайн-сообщества.

Особняком стоит группа сетевых субкультур, которые активно развиваются в последние годы. Число их постоянно меняется: появляются новые, а иные уходят в небытие. Название некоторых из них ничего не скажут простому обывателю. Специалисты же относят к ним kids, тамблер-герл и тамблер-бой, VSCO-герл. С определенной долей условности к ним можно отнести и треш-стримеров.

Современные субкультурные сообщества представляют собой сложную социальную систему, охватывающую широкий спектр проявлений – от творческого самовыражения до активистских инициатив. Они функционируют в особом правовом пространстве, находясь вне рамок традиционных институтов, что обеспечивает им определенную автономию, гибкость и привлекательность для молодежи, стремящейся к альтернативным формам идентичности и самореализации.

Ключевыми характеристиками субкультур являются уникальные формы визуальной и вербальной коммуникации – специфическая одежда, жаргон, символика, которые позволяют членам сообщества отличать «своих» от «чужих». Основу идеологии составляют общее

мировоззрение и ценностные ориентиры, часто идущие вразрез с социальными нормами. Оппозиционность, избирательность в контактах и закрытость также отличают эти группы. Их основания могут быть самыми разными: этнокультурными, возрастными, гендерными, профессиональными или территориальными.

В последние годы наблюдается рост числа молодежных группировок с радикальной идеологией. Эти сообщества демонстрируют высокую организованность, агрессивность и наличие четкой иерархии. Часто их курируют взрослые, определяющие стратегию и тактику поведения. Наибольшую опасность представляют организованные преступные группы, нарушающие общественный порядок и вовлекающие подростков в систематическую противоправную деятельность. Для них характерны внутренняя дисциплина, постоянная криминальная активность, четкое распределение ролей, доступ к ресурсам и высокий уровень подготовки, что усиливает их влияние и повышает общественную опасность. Такие объединения могут выступать в качестве экстремистских структур, угрожая не только физической безопасности граждан, но и стабильности институтов власти, межнациональному миру и религиозной толерантности.

Криминализация таких объединений в России регулируется в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности». При этом важным условием является соблюдение законных процедур, так как законодательство одновременно гарантирует право на свободу объединений. Основаниями для признания группы экстремистской являются пропаганда насилия, подрыв конституционного строя, возбуждение межнациональной розни, а также конкретные действия, нарушающие общественный порядок и безопасность.

Юридическая квалификация подобных объединений требует комплексного анализа, включая правовую оценку деятельности, условия их возникновения, социально-экономические и культурные факторы. Особое внимание уделяется вопросам профилактики, предупреждения вовлечения молодежи в деструктивную деятельность и созданию правовых условий для самореализации в позитивном русле.

Наиболее опасным проявлением является криминализация молодежных субкультур, когда под влиянием криминальной среды в молодежные сообщества внедряются элементы преступной идеологии и поведения. Это проявляется через воздействие уже действующих преступных структур, участие лиц с криминальным прошлым, деформацию спортивных объединений и фанатской культуры. Последняя может включать жесткие поведенческие коды и неформальные санкции, способствующие радикализации молодежной среды.

Социально-правовая опасность таких процессов заключается в глубокой интеграции молодых людей в криминальную субкультуру с последующим совершением противоправных действий, поэтому особенно важна разработка профилактических мер, направленных на социализацию подростков через создание позитивной альтернативы.

Системная работа в этом направлении должна включать развитие возможностей социальной мобильности, поддержку гражданской активности молодежи, формирование позитивных поведенческих моделей и создание безопасной социальной среды. Успешная реализация этих задач требует координации усилий всех заинтересованных сторон: государства, научного сообщества, образовательных учреждений, культурных и религиозных организаций, а также гражданского общества.

Правовое регулирование включает в себя как общие нормы, так и специальные меры, направленные на пресечение деструктивных проявлений субкультурной активности. В качестве правовых инструментов противодействия используются положения УК РФ, включая ст. 239 (организация объединений, посягающих на права граждан), ст. 280 (публичные призывы к экстремизму), ст. 282 (разжигание ненависти и унижение достоинства).

Криминализация субкультурных объединений – это сложный социально-психологический процесс, при котором девиантное поведение трансформируется в устойчивую антисоциальную активность. Такая трансформация сопровождается нарушением норм социализации и приводит к маргинализации молодежи. Особенно уязвимыми оказываются несовершеннолетние на этапе формирования личности.

Факторы, способствующие данному процессу, включают как макросоциальные (экономическая нестабильность, культурная фрагментация, кризис институтов), так и микросоциальные (дисфункциональные семьи, дефицит контроля, бедность). Противодействие этому явлению требует объединения усилий различных структур и внедрения междисциплинарных подходов.

Цифровая среда играет ключевую роль в распространении криминальной идеологии. Интернет-платформы становятся каналами пропаганды преступного образа жизни, инструментом радикализации и расширения влияния деструктивных субкультур. Цифровизация этих процессов существенно усложняет их контроль и требует особых профилактических мер, в том числе мониторинга интернет-пространства и блокировки противоправного контента.

Негативные последствия криминализации выражаются в разрушении социализационных механизмов, трансляции девиантных моделей поведения и формировании антагонистических установок по отношению к государству и обществу. Это ведет к усилению социальной напряженности и подрыву основ правопорядка.

Результаты и обсуждение

В Российской Федерации существуют различные субкультуры, обладающие особой общественной опасностью. Например, АУЕ¹, которая расшифровывается как «арестантский уклад един» или «арестантское уркаганское единство», и представляет собой опасную криминальную субкультуру, получившую распространение в России. Это организованное движение, объединяющее группы несовершеннолетних, юношей и девушек, которые пропагандируют тюремные понятия и романтизируют преступный образ жизни.

Идеология данной субкультуры строится на культе силы, воровства и тунеядства, при этом она умело маскируется под молодежную культуру. Участники движения перенимают тюремный жаргон, обычаи и правила поведения, характерные для преступного мира. Они создают собственные иерархии, устанавливают негласные правила и формируют закрытые сообщества внутри образовательных учреждений.

За короткое время эта деструктивная субкультура охватила значительную часть территории России, активно проникая в школы, интернаты и профессиональные технические училища. Особенно уязвимой оказалась возрастная группа от 10 до 17 лет, которая наиболее подвержена влиянию подобных движений и легко поддается пропаганде преступного образа жизни.

В связи с растущей угрозой для общества и государства 17 августа 2020 г. Верховный Суд Российской Федерации принял решение признать АУЕ экстремистской организацией. Деятельность данной субкультуры была официально запрещена на территории страны, что стало важным шагом в борьбе с распространением криминальной идеологии среди молодежи.

Данная субкультура – самый распространенный, но не единственный пример. Также существуют такие субкультуры, как «офники»² – околофутбольные фанаты, устраивающие договорные драки в малолюдных местах, «зацеперы» – движение, пропагандирующее

¹ 17 августа 2020 года Верховный Суд Российской Федерации признал движение «Арестантское уголовное единство» (АУЕ) экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории страны.

² В феврале 2024 года руководитель мониторингового центра «Безопасность 2.0» Елена Сутормина обратилась к генпрокурору с просьбой рассмотреть возможность запрета движения «оффников».

опасный способ передвижения на железнодорожном транспорте (езда снаружи поезда). Уголовная ответственность закреплена ст. 267¹ УК РФ. За совершение из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, предусмотрено наказание в виде штрафа, ограничения свободы или лишения свободы.

Отдельный интерес для исследователей представляют вопросы, связанные с механизмом формирования преступного поведения внутри неформальных субкультурных объединений, результатом которого является необходимость криминализации подобных сообществ.

Сразу следует сделать ремарку: не все неформальные субкультурные сообщества и объединения имеют антиобщественную направленность, способную привести к их криминализации, и наоборот, некоторые из них изначально предполагают криминальный оттенок (например, АУЕ). Не стоит исключать варианты, когда объединение, зародившееся некогда как определенного рода сообщество по интересам, в дальнейшем переросло в движение с определенными признаками субкультурного объединения (такими как собственный язык общения его членов, общность интересов, закрытость) и на каком-то этапе стало представлять некоторую опасность для общества, что привело к его криминализации³.

О механизме формирования преступного поведения писали многие известные ученые-криминологи. Тем не менее следует констатировать, что большинство из них изучают проблему формирования индивидуального преступного поведения. Механизмы взаимодействия членов неформальных субкультурных объединений внутри самих этих сообществ, которые могут привести или приводят к существенному повышению их общественной опасности, также должны стать предметом пристального внимания со стороны юридического сообщества, чтобы выработать действительно эффективные средства предупреждения и профилактики.

Бесспорно, в вопросах изучения механизмов преступного поведения на первом месте стоят вопросы субъективного характера, связанные с формированием личности человека. Основными источниками формирования личности человека являются: «во-первых, сама личность со всеми ее меняющимися свойствами; во-вторых, малые социальные группы – семья, школа, производственный коллектив, в которых эта личность непосредственно формируется; в-третьих, общество в целом, осуществляющее политическое, идеологическое, культурно-воспитательное и иное воздействие через средства массовой информации и другие каналы» (Антонаян и др., 1981). В контексте настоящего исследования следует обратить внимание на взаимодействие в малых социальных группах, к которым в существующих реалиях можно отнести субкультурные объединения и отдельного индивида как его члена. В первую очередь, нас интересуют процессы формирования личности внутри объединения, которые могут привести к определенной степени криминализации всей группы (Астафьева, 2008).

Вопрос отнесения субкультурного сообщества к разряду малой социальной группы в настоящее время также требует тщательного изучения. Ученые, исследующие данный феномен, сходятся во мнении, что мы можем говорить о субкультурном объединении как малой социальной группе, если такое объединение соответствует определенным критериям, а именно: относительно небольшую численность, наличие непосредственных контактов между членами, имеет общие интересы и цели.

Проблема заключается в том, что существует большое разнообразие субкультурных объединений. В современном, быстро меняющемся технологичном мире они внезапно возникают и также внезапно исчезают из общественного пространства. Примером может быть вызвавшее большой общественный резонанс движение квадроберов, о которых сегодня мало

³ Например, треш-стриминг зародился как сообщество интернет-пользователей, комментирующих интернет-игры и впоследствии был криминализован.

кто уже помнит. Тем не менее субкультурные объединения имеют свои особенности и могут существенно отличаться друг от друга признаками, можно утверждать, что некоторые субкультурные объединения, особенно с небольшой численностью членов, как правило, закрытые, с выраженной групповой динамикой, без сомнения, могут соответствовать малой социальной группе. В то же время многие субкультурные сообщества (особенно это касается более крупных и открытых) могут включать большое количество членов, не все из которых находятся в постоянном личном взаимодействии, даже посредством телекоммуникационных сетей. Такие субкультурные объединения сложно однозначно отнести к малым социальным группам. Отсюда можно сделать вывод, что субкультурные объединения могут являться малыми социальными группами, но это зависит от особенностей данной субкультуры.

«Относительная самостоятельность малой социальной группы приводит к тому, что в ней начинают появляться групповые нормы поведения и групповые ценности, не совпадающие с нормами и ценностями, принятыми обществом и санкционированными государством» (Антонян и др., 1981). Данное утверждение отнюдь не означает, что формируемые внутри объединения (сообщества) нормы и ценности противоречат правовым или нравственным нормам. Часто в данном контексте они являются нейтральными, так как касаются исключительно специфических интересов участников группы (квадроберы, ЭМО, анимешники и т. д.), но вместе с тем возможны и иные образцы поведения, противоречащие установленным в обществе нормам морали и нравственности, а порой и действующему законодательству.

Впоследствии такие субкультурные объединения создают внутренний (неформальный), а иногда внешний (формальный) контроль за членами сообщества. Контролю подвергается выполнение норм и требований, установленных в сообществе. Это можно проследить на примере околофутбольных фанатских объединений. Это внешняя форма демонстрации своей принадлежности к фанатскому объединению любимой команды, сопровождение ее на выездах, участие в противоправных акциях, направленных против подобных же объединений болельщиков команды соперников и т. п. действия.

Так называемые групповые нормы поведения сообщества, как правило, не находят закрепления в каком-либо определенном виде: часто это обычные реакции на стандартные ситуации, которые в данной группе являются стандартными и одобряются всеми членами объединения. «В любой группе важно именно то, что считается само собой разумеющимся, что молчаливо и бессознательно принимается всеми» (Шибутани, 1969).

В последнее время в связи с развитием информационных технологий можно наблюдать некий новый феномен, связанный с появлением в интернете сообществ, обладающих в том числе признаками субкультурных объединений. Особенностью их является то, что члены таких сообществ, часто весьма многочисленных, общаются между собой посредством интернета и непосредственно в прямой физической контакт не вступают. Такие объединения могут иметь ярко выраженную антиобщественную направленность (например, объединения хакеров). Важно помнить о том, что хакерство изначально зародилось из некоего сообщества по интересам, где в соревновательном виде происходило определение лучшего. Впоследствии навыки и умения, полученные в результате подобных соревнований, которые включали задания по проникновению в чужую интернет-систему, так называемый взлом, члены интернет-сообщества хакеров захотели монетизировать, что, по сути, и привело хакерство к криминализации в уголовных законодательствах большинства стран мира. Следует отметить, что процесс криминализации еще более сплотил хакерское сообщество, внося в него элементы конспирации, собственного языка общения и правил поведения внутри сообщества. Что-то подобное произошло и с движением треш-стримеров, начинавшимся с безобидного комментирования интернет-игр, а в дальнейшем переросшим в общественно опасные формы девиантного

поведения, что стало причиной его криминализации. Стоит отметить, что не все представители стримеров пошли по пути противопоставления себя общепринятым нормам морали и нравственности, а продолжают вести законопослушный образ жизни.

Возникает естественный вопрос, что заставляет, на первый взгляд, безобидные сообщества по интересам вставать на путь противопоставления себя общепринятым в обществе нормам поведения? Ответ, очевидно, необходимо искать в мотивах тех или иных поступков членов неформальных объединений. Думается, что, попробовав один раз что-то из разряда осуждаемого общественной моралью, нравственностью и нормами общежития в современном обществе и получив от этого какой-либо эффект (как правило, он либо материальный, либо вызывающий некоторый общественный резонанс), такого рода стереотип поведения постепенно входит в разряд поощряемых большинством членов субкультурного сообщества. В случае треш-стримеров – это, без сомнения, желание получить материальную выгоду от своих действий. В случае наиболее агрессивной части футбольных фанатов, так называемой торсиды, – это желание противопоставить себя общепринятым в обществе нормам морали и нравственности (хулиганские побуждения). Постепенно такие нормы поведения тесно вплетаются в групповую мораль. Исследователи данной проблемы отмечают: «Групповая мораль подобного сорта тесно связана с низким уровнем правового и нравственного сознания» (Антонян и др., 1981). У участников сообщества «происходит определенная деформация многих моральных понятий (честность, справедливость), и это становится психологическим оправданием безнравственных поступков» (Антонян и др., 1981).

Вопрос, на который необходимо ответить, говоря о причинах криминализации субкультурных сообществ, что же является причиной, толкающей, на первый взгляд, относительно безвредные субкультурные объединения на путь правонарушений и преступлений? Ответ необходимо искать в теории формирования механизма преступного поведения в части, касающейся мотивов такого рода действий и поступков.

В процессе научного исследования причины преступности могут быть проанализированы на разных уровнях – общества, малой социальной группы, личности. Анализ указанных причин представляет собой философский, социологический или психологический характер.

Не углубляясь в научную теорию формирования преступного поведения, можно утверждать, что во взаимодействии личности и внешней среды в ряде случаев усматриваются предпосылки будущего противоправного и антиобщественного поведения, которые начинают проявлять себя еще до формирования первого звена преступного поведения – мотивации. Без сомнения, антисоциальной мотивации часто предшествует неблагоприятное формирование человеческой личности. Социальные установки, потребности, ценностные ориентиры, которые выработались и сложились у человека в период формирования его личности, в конечном счете определяют его дальнейшие жизненные установки и поведение в различных жизненных ситуациях.

Возвращаясь к теме настоящего исследования, необходимо ответить на ряд вопросов. Каким образом происходит криминализация субкультурного сообщества и какие причины этому способствуют? Какие процессы на уровне малой социальной группы способствуют этому явлению? Как групповая мораль и ценностные ориентиры субкультурного сообщества влияют на процесс его криминализации? Все эти вопросы, без сомнения, должны стать предметом серьезных криминологических исследований, которые заложили бы основу политики противодействия и профилактики подобного рода негативных явлений в жизни общества.

Все субкультурные сообщества имеют свои специфические особенности. Кроме того, не все подобные объединения вступают на путь криминализации. Процесс криминализации

субкультурного сообщества в общем виде, наверное, можно увидеть на примере треш-стримингового сообщества, условно отнеся его по определенным признакам к субкультурному объединению (Антонян и др., 1981).

Зародившееся относительно недавно стриминговое движение в интернете поначалу не представляло никакой общественной опасности, делая упор в своих онлайн-трансляциях (стримах) на безобидное комментирование интернет-игр. Затем участники этого движения поняли, что свои навыки и умения можно монетизировать посредством введения платы за участие в стримах. Начались робкие попытки привлечения аудитории к непосредственному участию в онлайн-трансляции за вознаграждение для ведущего. Когда стало понятно, что такая деятельность приносит доход, проблема перешла в плоскость привлечения к участию в стримах как можно большей аудитории, т. е. начался поиск контента, который позволил бы привлечь как можно больше пользователей сети. Наибольшего успеха в этом добились треш-стримеры, которые начали создавать контент, не ограничивающийся никакими нормами морали и нравственности, а некоторые эфиры прямо попадали под действие уголовно-правовых норм. Однако не все представители стрим-движения пошли по этому пути. В дальнейшем треш-стриминг был криминализован, но этому предшествовала серьезная работа правоохранительных органов и законодателей. Было написано немало работ, посвященных треш-стримингу, в некоторых из них затрагиваются и вопросы причинного комплекса этого явления (Антонян и др., 1981). Большинство авторов сходится во мнении, что основным побуждающим мотивом здесь является корысть – желание получить вознаграждение за свои действия, несмотря на то что они не только выходят за рамки морали и нравственности, но и противоречат действующему административному и уголовному законодательству и могут привести их автора, ведущего или участника к уголовной или административной ответственности.

В связи с этим возникает необходимость не только криминологического исследования данного явления и его причинного комплекса, но и модернизации законодательства, направленного на противодействие пропаганде антисоциального поведения, криминальной идеологии, в том числе в цифровой среде. Необходимо совершенствование как уголовного, так и административного законодательства, развитие механизмов контроля за интернет-пространством, а также реализация мер, ориентированных на молодежную аудиторию.

Профилактическая стратегия должна быть нацелена на создание альтернативных культурных и социальных площадок, работу с уязвимыми группами, формирование устойчивых моральных ориентиров и гражданских ценностей. Особое значение имеют межведомственное взаимодействие и системная координация действий всех участников процесса социализации.

Заключение

Комплексный и системный подход к криминализации субкультурных объединений и мер противодействия позволяет минимизировать риски, связанные с их деятельностью, обеспечивая баланс между безопасностью общества и защитой прав граждан.

Трансформация современных неформальных субкультурных объединений в криминальные структуры представляет собой комплексный социально-правовой феномен, детерминированный взаимодействием множества факторов различного уровня. Ключевую роль в этом процессе играют деградация традиционных институтов социализации, активное использование цифровых платформ для распространения девиантных идей и повышенная восприимчивость молодого поколения к деструктивным влияниям.

Наибольшую опасность для социума представляют радикализованные формирования, эксплуатирующие субкультурную идентичность как прикрытия для организации проти-

воправной деятельности и мобилизации своих сторонников. Существующее правовое поле России, охватывающее как уголовное, так и административное законодательство, располагает необходимыми инструментами для противодействия подобным объединениям. Однако в условиях стремительной цифровизации и динамичной эволюции социальной среды возникает потребность в постоянной адаптации правовых механизмов и совершенствовании превентивных стратегий.

Успешная нейтрализация криминогенных тенденций в молодежной среде требует реализации комплексного подхода, включающего координацию действий различных ведомств, активное участие институтов гражданского общества, применение инновационных технологий мониторинга и формирование устойчивых морально-нравственных и гражданско-патриотических ценностей у молодежи. Реализация такой многоплановой стратегии не только снизит риски криминогенного воздействия на общество, но и создаст благоприятные условия для позитивной социализации молодого поколения, способного к конструктивному участию в развитии государства и общества.

Список литературы

- Антонян, Ю. М., Дагель, П. С., Дубовик, О. Л. и др., Кудрявцев, В. Н. (отв. ред.) (1981). *Механизм преступного поведения*. Москва: Издательство «Наука».
- Астафьева, В. С. (2008). Субкультурные объединения как объекты социального управления. *Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации*, 129, 118–123.
- Багров, С. А., Устюгов, С. Н., Яковлев, И. М. (2020). Актуальные вопросы изучения криминальной субкультуры. *Закон и право*, 11, 124–126.
- Берестовой, А. Н., Сысолина, Н. С. (2023). Вопросы криминализации девиантного поведения в сети Интернет. *Философия права*, 3 (106), 85–93.
- Берестовой, А. Н. (2024). Законодательная регламентация вопросов противодействия новым формам девиантного поведения в сети «Интернет». *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 3 (103), 152–160. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-152-160>
- Берестовой, А. Н. (2025). Социальная обусловленность и вопросы противодействия проявлениям девиантного поведения в сети Интернет. В *Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник научных статей по результатам работы Всероссийской научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 01 ноября 2024 года, стр. 324–332). Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион".
- Берестовой, А. Н. (2025). Уголовно-правовое противодействие общественно опасным проявлениям субкультуры в сети «интернет». *Российский девиантологический журнал*, 5 (1), 147–166. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2025-1-147-166>
- Колесникова, С. С. (2008). Виды молодежной субкультуры, преобладающие в современной молодежной среде. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 1 (33), 65–69.
- Мондохонов, А. Н. (2020). Криминализация деятельности запрещенных организаций. *Российская юстиция*, 3, 50–53.
- Перепелова, Е. А. (2024). Деструктивные субкультурные сообщества несовершеннолетних как угроза национальной безопасности Российской Федерации. *Административное право и процесс*, 5, 67–70.
- Родин, С. Г. (2019). Понятие и сущность криминальной субкультуры. *Вестник Воронежского института МВД России*, 2, 287–291.
- Шибутани, Т. (1969). *Социальная психология*. Москва: Прогресс.

References

- Antonyan, Yu. M., Dagal', P. S., Dubovik, O. L. i dr., Kudryavcev, V. N. (otv. red.) (1981). *Mekhanizm prestupnogo povedeniya*. Moscow: Izdatel'stvo «Nauka».
- Astaf'eva, V. S. (2008). Subkul'turnye ob"edineniya kak ob"ekty social'nogo upravleniya. *Nauchnyj vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoj aviacii*, 129, 118–123.
- Bagrov, S. A., Ustyugov, S. N., Yakovlev, I. M. (2020). Aktual'nye voprosy izucheniya kriminal'noj subkul'tury. *Zakon i pravo*, 11, 124–126.
- Berestovoj, A. N., Sysolina, N. S. (2023). Voprosy kriminalizacii deviantnogo povedeniya v seti Internet. *Filosofiya prava*, 3 (106), 85–93.
- Berestovoj, A. N. (2024). Zakonodatel'naya reglamentaciya voprosov protivodejstviya novym formam deviantnogo povedeniya v seti «Internet». *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 3 (103), 152–160. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-152-160>
- Berestovoj, A. N. (2025). Social'naya obuslovlennost' i voprosy protivodejstviya proyavleniyam deviantnogo povedeniya v seti Internet. V *Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika: sbornik nauchnyh statej po rezul'tatam raboty Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 01 noyabrya 2024 goda, str. 324–332)*. Saint Petersburg: Centr nauchno-informacionnyh tekhnologij "Asterion".
- Berestovoj, A. N. (2025). Ugolovno-pravovoe protivodejstvie obshchestvenno opasnym proyavleniyam subkul'tury v seti «internet». *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 5 (1), 147–166. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2025-1-147-166>
- Kolesnikova, S. S. (2008). Vidy molodezhnoj subkul'tury, preobladayushchie v sovremennoj molodezhnoj srede. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (33), 65–69.
- Mondohonov, A. N. (2020). Kriminalizaciya deyatelnosti zapreshchennyh organizacij. *Rossijskaya yusticiya*, 3, 50–53.
- Perepelova, E. A. (2024). Destruktivnye subkul'turnye soobshchestva nesovershennoletnih kak ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. *Administrativnoe pravo i process*, 5, 67–70.
- Rodin, S. G. (2019). Ponyatie i sushchnost' kriminal'noj subkul'tury. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2, 287–291.
- Shibutani, T. (1969). *Social'naya psihologiya*. Moscow: Progress.

Информация об авторе

Андрей Николаевич Берестовой – доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», кандидат юридических наук, доцент.

About the author

Andrey N. Berestovoy – Associate Professor of Criminal Law Department, North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr Sci. (Jurid.), Docent.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 28.10.2025

Одобрена после рецензирования 30.11.2025

Опубликована 28.12.2025

Submitted October 28, 2025

Approved after reviewing November 30, 2025

Accepted December 28, 2025

УДК 343

Распространение деструктивного контента в сети «Интернет» как способ радикализации молодежи: криминологический взгляд

Алиса Дмитриевна МалофееваСанкт-Петербургский государственный экономический университет
(Санкт-Петербург, Россия)
a_lisa13.13@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9931-7926

Аннотация

Введение. Несмотря на реакцию органов государственной власти на новые вызовы и угрозы национальной безопасности, криминогенная обстановка в стране остается сложной. Особую тревогу вызывает ситуация, связанная с вовлечением в экстремистскую и террористическую деятельность молодых граждан Российской Федерации. За последние два года треть всех зарегистрированных преступлений экстремистской направленности составляют публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». При этом в общей массе всех осужденных в 2024 г. по ч. 2 ст. 280 УК РФ удельный вес лиц, находившихся на момент совершения преступлений в возрасте от 14 до 39 лет, составил 64 %, что свидетельствует о тенденции радикализации и проявлений экстремизма среди молодежи. Политика в сфере противодействия радикализации молодежи часто носит реактивный, а не превентивный характер. **Методы исследования.** В статье представлены результаты исследования с учетом применения метода контент-анализа действующего законодательства, в частности, антиэкстремистского, юридической доктрины, социальных сетей и мессенджеров, методов правовой статистики (сводки типологической, вариационной, аналитической группировки данных). **Результаты.** Активное распространение радикальных взглядов и экстремистских настроений среди молодежи посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий подтверждается официальными статистическими сведениями о зарегистрированных преступлениях. При этом уровень латентности такого рода правонарушений остается высоким, что обусловлено определенными факторами правового, этического, технического и организационного характера. Исходя из сформулированного автором современного комплекса проблем противодействия цифровой радикализации молодежи, представляется возможным выработать механизмы повышения уровня защиты информационного пространства от проникновения деструктивного медиаконтента.

Ключевые слова

деструктивный контент, радикализация, экстремистские организации, молодежный экстремизм

Для цитирования: Малофеева, А. Д. (2025). Распространение деструктивного контента в сети «Интернет» как способ радикализации молодежи: криминологический взгляд. *Российский девиантологический журнал*, 5 (4), 660–673.

Original paper

The spread of destructive content on the Internet as a means of radicalizing young people: a criminological perspective

Alisa D. Malofeeva

Saint Petersburg State University of Economics

(Saint Petersburg, Russia)

a_lisa13.13@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9931-7926**Abstract**

Introduction. Despite the response of state authorities to new challenges and threats to national security, the crime situation in the country remains complex. Of particular concern is the involvement of young citizens of the Russian Federation in extremist and terrorist activities. Over the past two years, a third of all registered extremist crimes involve public calls for extremist activities made using mass media or information and telecommunication networks, including the Internet. At the same time, in 2024 among the total number of convicts under Part 2 of Article 280 of the Criminal Code of the Russian Federation, the proportion of individuals aged 14 to 39 at the time of the crime was 64%, which indicates a trend towards radicalization and manifestations of extremism among young people. Policies to counter youth radicalization are often reactive rather than preventive in nature. **Research methods.** The article presents the results of a study using content analysis of current legislation, in particular, anti-extremist, legal doctrine, social networks and messengers, and legal statistics methods (summaries and typological, variational, and analytical data grouping). **Results.** The active spread of radical views and extremist sentiments among young people through the use of information and telecommunication technologies is confirmed by official statistics on registered crimes. At the same time, the level of latency of such offenses remains high, which is due to certain legal, ethical, technical and organizational factors. Based on the current set of challenges in countering digital radicalization of youth, as formulated by the author, it appears possible to develop mechanisms for enhancing the level of protection of the information space from the infiltration of destructive media content.

Keywords

destructive content, radicalization, extremist organizations, youth extremism

For citation: Malofeeva, A. D. (2025). The spread of destructive content on the Internet as a means of radicalizing young people: a criminological perspective. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (4), 660–673.

Введение

Эпоха цифровых технологий обусловила новые возможности роста и развития всех сфер жизни, но вместе с тем породила множество беспрецедентных угроз не только нормальному функционированию социальных институтов, но и национальной безопасности государств. Одной из таких угроз по праву можно назвать цифровую радикализацию.

Научный дискурс относительно содержательного, смыслового компонента понятий «радикализм», «радикализация» продолжается. Отмечая наличие множества подходов к их определению, сформулируем в контексте данного исследования авторскую трактовку с учетом имеющихся научных взглядов.

В настоящее время под радикализацией можно понимать процесс:

1) в ходе которого люди или группы людей становятся приверженцами определенных радикальных идей или сторонниками коренных преобразований;

2) связанный с применением радикальных методов осуществления своих целей (Сакаев, 2021).

Если «радикализм» рассматривать через призму понятия «противоправность», то в таком случае можно выделить два вектора (траектории) радикализации: терроризм и экстремистскую деятельность (экстремизм), т. е. радикализм как приверженность крайним взглядам (идеям), сопровождающийся использованием насильственных методов борьбы и достижения целей. Можно выделить два главных источника поиска социальной поддержки экстремистов в современных условиях – это социальные связи и интернет, которые объединила инфраструктура социальных сетей (Забарин, 2024).

Цифровой радикализм как относительно новое явление, стремительно набирающее обороты в последние годы, – это сложный многоаспектный феномен, сочетающий элементы «традиционного» экстремизма и современных информационных технологий (их уникальных возможностей). Цифровая радикализация – многогранный процесс, состоящий из этапов, при котором происходит использование онлайн-платформ и различных цифровых инструментов, основные цели которого – вовлечение человеческого ресурса – сторонников радикальных идей, достижение их критической массы и переход к действиям насильственного характера.

Особенностями цифрового радикализма являются быстрая адаптация к изменяющимся условиям и нахождение новых способов функционирования. Детерминация таких особенностей обусловлена некоторыми ключевыми факторами: скоростью распространения; доступностью информации; анонимностью; воронками и эхо-камерами¹ («информационными пузырями»); таргетированием.

Способы вербовки и идеологическая обработка молодежи экстремистскими сообществами стремительно развиваются в транснациональном масштабе, и часто традиционные методы противодействия экстремизму утрачивают свою эффективность и функцию превенции. Например, исследования, посвященные идеологически мотивированным веб-дефейсментам², показывают, что те, кто действует в идеологических целях, часто выбирают конкретные домены (например, .org, .edu) и используют уязвимости серверов для проведения своих атак. При выборе сайтов для подобных хакерских атак правонарушители учитывают количество посетителей, целевую аудиторию, ее запросы, а также время, проведенное в сети, или одновременное присутствие на нескольких платформах социальных сетей. Такие факторы напрямую связаны с повышенным риском просмотра контента, разжигающего ненависть, и взаимодействия с ним (Freilich et al., 2024).

Особую обеспокоенность вызывает факт, что современный цифровой радикализм не ограничен какими-то двумя-тремя идеологическими течениями, а охватывает множество их, характеризующихся экстремистской направленностью.

Информационное противодействие экстремистской идеологии и терроризму, особенно в молодежной среде, приобретает стратегическое значение. Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем выступлении 5 марта 2025 г. подчеркнул, что «важной задачей остается борьба с экстремизмом, так как национальная и религиозная нетерпимость, агрессивный, воинствующий радикализм – это угроза единству и сплоченности многонационального народа России³».

¹ What is a Social Media Echo Chamber? (November 18, 2020). *Stan Richards School of Advertising & Public Relations*.

² Дефейс (дефейс сайта) — это тип хакерской атаки, при котором происходит взлом веб-сайта, главная страница веб-сайта заменяется на другую, как правило, вызывающего вида, и публикуются на нем сообщения хакеров.

³ Выступление Владимира Путина на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России (2025). *Расширенное заседание коллегии МВД*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408>

Министр внутренних дел России В. А. Колокольцев на расширенном заседании коллеги МВД в 2025 г. отметил, что «государство продолжает политику последовательного наращивания усилий по противодействию экстремизму, так как наблюдается негативная динамика. В рамках совместной деятельности МВД России и Федерального агентства по делам национальностей было пресечено и локализовано 86 правонарушений, которые имели конфликтный потенциал на этнической почве; запрещена деятельность 8 экстремистских организаций и 55 их подразделений; 58 иностранных структур признаны нежелательными на территории Российской Федерации; на постоянной основе проводится мониторинг интернет-пространства. Совместно с Роскомнадзором по итогам года был ограничен доступ к 42 тысячам ресурсов, содержащих радикальный контент⁴».

Представители молодежной среды, включая школьников и студентов, в большей степени подвержены влиянию экстремистских, криминальных, суицидальных и иных деструктивных онлайн-сообществ. В подростковом возрасте меняются не только когнитивные, но и социальные и эмоциональные особенности. Отмечается, что по сравнению со взрослыми подростки проявляют повышенную чувствительность к вознаграждающим и эмоциональным сигналам и влиянию сверстников. Зарубежные авторы утверждают, что повышенная чувствительность к деструктивной информации может дезориентировать подростков и субоптимально влиять на их действия и решения, а повышенная чувствительность к вознаграждающим и эмоциональным сигналам может выступать фактором, используемым экстремистскими сообществами для усиления влияния и контроля поведения подростков (Casey et al., 2022). Дети и молодежь в целом являются наиболее активными пользователями интернет-ресурсов, становясь уязвимой категорией для деструктивного воздействия, что обусловлено не в полной мере сложившейся у них ценностно-позитивной системой, низким уровнем правового сознания, недостаточно сформированным критическим мышлением, а также невысоким уровнем медиаграмотности. Последнее представляет собой определенные навыки, умения и знания в области медиа для защиты от влияния медиаманипуляций (Назметдинова, Куличев, Столярова, 2024).

Методы

Небезосновательно в настоящее время в научной дискуссии массово поднимается тема общественной опасности деструктивной идеологии, которая обусловлена актуальным и потенциальным разрушением социальных структур, созданием объективной угрозы национальной безопасности страны (Безбородов, Серкина, 2025; Шашкин, Рудаков, 2024; Назаренко и др., 2024; Баранов, 2024; Юрченко, 2025). Понятия, в которых используются слова «деструктивный контент», «деструктивное информационно-психологическое воздействие», уже интегрированы в современное законодательство⁵. Современное киберпространство создает условия для возникновения и расширения деструктивных онлайн-сообществ и субкультур. Целью данных формирований является вовлечение пользователей сети «Интернет» посредством погружения в так называемые «информационные колодцы». Данный термин обозначает использование последовательного, постепенно радикализующего информационно-психологического воздействия (Никишин, Осипов, 2024).

Поступательная реакция законодателя в этой сфере подтверждает актуальность и злободневность темы противодействия радикализации в интернет-пространстве. Так, в 2024 г. были

⁴ Выступление Владимира Колокольцев на расширенном заседании коллеги МВД России (2025). *Расширенное заседание коллеги МВД*. URL: <https://мв.рф/news/item/62189090>

⁵ Например: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (2021); Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» (2023); Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы (утв. Президентом РФ 30.12.2023 № Пр-2610) (2023) и др.

приняты два законопроекта о введении уголовной и административной ответственности за так называемые треш-стримы⁶. В рамках этих изменений в ст. 13.15 КоАП РФ предусмотрена часть 12⁷, а также усилена ответственность за публичную демонстрацию (в интернете и СМИ) совершения насильственных преступлений. Статья 105 УК РФ дополнена квалифицирующим признаком: п. «о» – совершенное с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)⁸.

В исследованиях социологов, психологов, криминологов и криминалистов в последние годы активно поднималась тема стриммеров и трансляций их жестоких поведенческих актов. А. Н. Берестовой отметил, что «общественная опасность демонстративных проявлений антисоциального, антиобщественного и противоправного поведения состоит не только в том, что они причиняют физический и моральный вред, но и в том, что они пропагандируют такое девиантное поведение, оказывают деструктивное воздействие на несовершеннолетних лиц, что в дальнейшем сказывается на их нравственном развитии и воспитании» (Берестовой, 2025, с. 156).

С 1 сентября 2025 г. введена административная ответственность за поиск экстремистских материалов в интернете и получение доступа к ним, в том числе с использованием VPN (программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен)⁹. К таким экстремистским материалам, согласно закону, относят интернет-контент, содержащий призывы к экстремистской деятельности или ее оправдание¹⁰.

С начала 2022 г. активно обсуждалась идея создания единого реестра деструктивного контента в связи с поручением Президента России. В декабре 2022 г. было заявлено о разработке силами Регионального общественного центра интернет-технологий категоризатора деструктивного контента и готовности передать эту технологию различным онлайн-площадкам. В настоящее время на официальном сайте Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор) размещен Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено¹¹.

⁶ Распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающей явное неуважение к обществу, содержащей изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемой из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений.

⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (2001). СПС «Консультант Плюс».

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. (1996). СПС «Консультант Плюс».

⁹ КоАП РФ Статья 13.53. Поиск заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним, в том числе с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. (2001). СПС «Консультант Плюс».

¹⁰ Информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании представления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу. Федеральный список экстремистских материалов формируется на основании поступающих в Министерство юстиции Российской Федерации копий вступивших в законную силу решений судов о признании информационных материалов экстремистскими.

¹¹ *Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций* <https://eais.rkn.gov.ru/>

С 2017 г. во многих странах приняты и действуют законы, направленные на введение дополнительных механизмов и мер по регулированию и контролю содержания размещенных в интернет-пространстве материалов. Эти меры нацелены на противодействие распространению в киберсреде противоправной информации в соответствии с критериями, установленными национальным законодательством.

В России помимо правоохранительных органов мероприятия в рамках данного направления реализуют Роскомнадзор, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России) и общественные объединения («Лига безопасного интернета», «Белый интернет», Региональный общественный центр интернет-технологий – РОЦИТ, АНО «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды», АНО «Институт развития интернета» и др.).

Несмотря на, казалось бы, многосубъектный состав системы профилактики правонарушений в интернете, глубокую обеспокоенность вызывают темпы создания и распространения, прирост охватов деструктивного контента в интернете¹².

Результаты

Перманентное появление и рост различных деструктивных онлайн-сообществ в киберпространстве требуют повышения эффективности деятельности образовательных организаций, органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в сфере профилактики радикализации молодежи. Ситуация в последнее время обострилась масштабным использованием контента, сгенерированного с помощью искусственного интеллекта (ИИ), экстремистские сообщества все чаще используют виртуальную реальность (VR) и возможности метавселенной. Контент, созданный с помощью ИИ, в том числе дипфейковые видео и автоматизированные чат-боты для целей вовлечения и последующей радикализации, позволяют членам экстремистских сообществ создавать убедительный контент для пропаганды, ориентированный на определенные демографические группы. На международном уровне за последнее десятилетие аналитики разработали различные модели для понимания процесса цифровой радикализации, приводящей к насильственному экстремизму (Khan et al., 2023).

Большинство онлайн-сообществ радикальной направленности – элемент системы целевого деструктивного воздействия на молодежную среду с использованием информационных технологий. С 2021 г. по 2024 г. можно наблюдать трансформацию угроз террористического характера и экстремистской направленности, а также пополнение перечней террористических и экстремистских организаций, что связано в том числе с появлением новых неонацистских течений на фоне проведения специальной военной операции.

Согласно статистическим сведениям МВД России, за восемь месяцев 2025 г. было зарегистрировано 473 389 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, из них: 953 – публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205² УК РФ), прирост составил 56,5 % относительно АППГ; 534 – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), прирост составил 69,5 % относительно АППГ¹³.

Представленные выше данные статистики демонстрируют значительное увеличение количества зарегистрированных призывов к осуществлению террористической и экстремистской

¹² Охват — это маркетинговая метрика, которая показывает количество уникальных просмотров контента.

¹³ *Состояние преступности в России за январь-август 2025 года (2025)*. URL: <https://мвд.рф/reports/item/70644759/>

Таблица 1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России по главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» с учетом возрастных категорий за период с 2019 г. по июнь 2025 г.

Table 1. Summary statistical data on criminal record in Russia according to Article 29 of the Criminal Code of the Russian Federation «Crimes against the foundations of the constitutional order and security of the state» taking into account age categories in the period from 2019 to June 2025.

Год / количество осужденных	Всего осужденных по главе 29	14–17 лет	18–24 лет	25–29 лет	30–49 лет	50 лет и старше
2019	282	12	86	43	113	28
2020	304	12	61	54	143	34
2021	527	16	81	81	271	78
2022	668	22	90	89	361	106
2023	863	31	91	107	473	161
2024	1277	39	138	134	681	285
Первое полугодие 2025	855	29	111	124	427	164

деятельности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

При этом удельный вес зарегистрированных преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 280 УК РФ, за указанный период составил 35 % от общей массы всех зарегистрированных преступлений экстремистской направленности. Особо следует подчеркнуть, что уровень латентности такого вида преступлений остается высоким.

Анализ общего числа осужденных за совершение преступлений, предусмотренных главой 29 УК РФ, демонстрирует устойчивую тенденцию к интенсивному росту показателей: с 282 человек в 2019 г. до 1277 человек в 2024 г. (рост в 4,5 раза за 5 лет)¹⁴ (таблица 1).

Необходимость сосредоточения усилий именно на такой группе, как молодежь, при осуществлении мероприятий, цель которых – противодействие цифровой радикализации, подтверждается результатами анализа социально-демографических характеристик осужденных за совершение преступлений, предусмотренных главой 29 УК РФ, которые наглядно демонстрируют сложившуюся опасную ситуацию (рис. 1).

Совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»), наиболее характерно в равной степени для возрастных групп с 18 до 29 лет и 30–39 лет (таблица 2).

Заключение

Радикализация молодежи становится все более серьезной и глобальной проблемой не только в сфере ИТ, но и в сфере национальной безопасности. Легкий доступ к экстремистскому контенту ускоряет процесс радикализации, сокращая время, необходимое для того, чтобы

¹⁴ Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79>

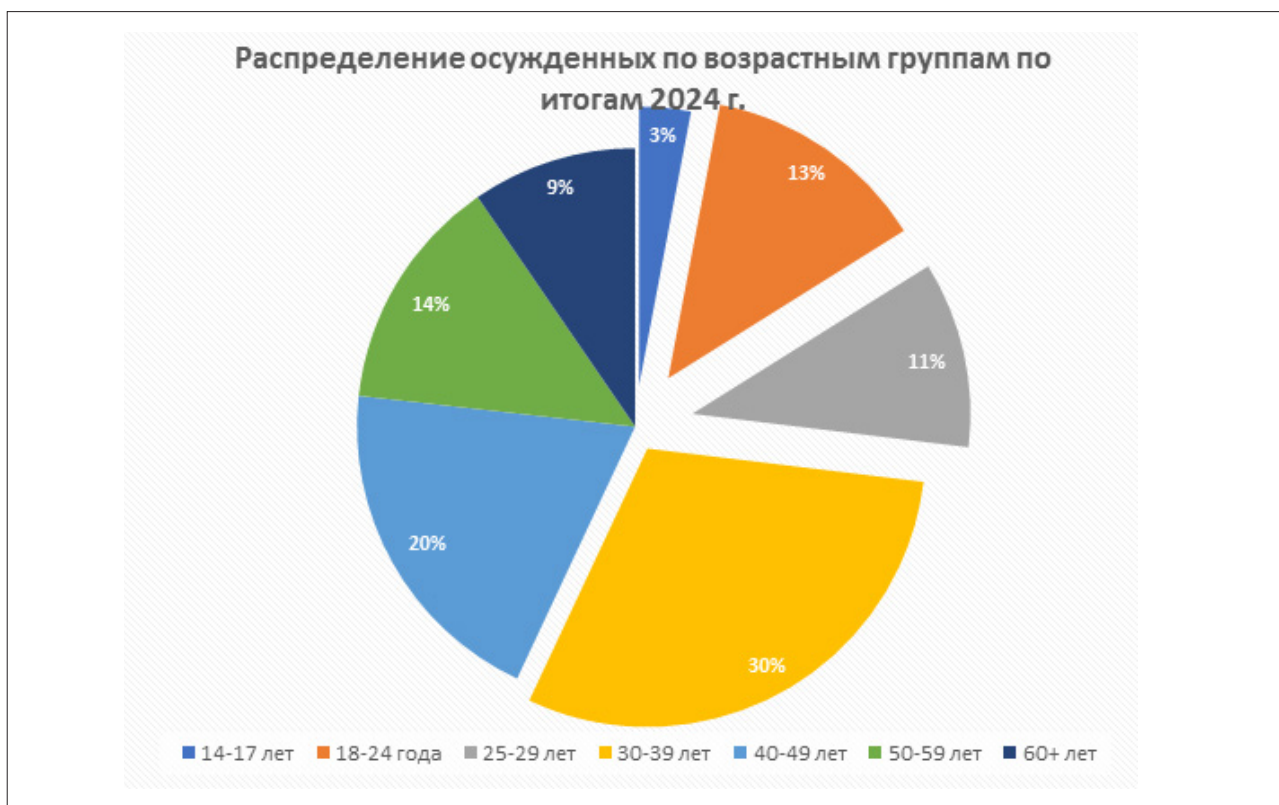

Рис. 1. Структура осужденных за совершение преступлений, предусмотренных гл. 29 УК РФ, по возрасту

Fig. 1. Structure of persons convicted for committing the crimes provided for in Article 29 of the Criminal Code of the Russian Federation, by age

Таблица 2. Распределение осужденных по половозрастным группам по итогам 2024 года (ч. 2 ст. 280 УК РФ)

Table 2. Distribution of convicted persons by age and gender in 2024 (Part 2 of Article 280 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Статья УК РФ	Всего осуждено	Осуждено женщин (гр. 1)	Совершены женщинами (гр. 2)		14-17 лет	18-24 года	25-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	60+ лет	Пенсионный возраст на момент преступления	
			Беременными	Имеющими ребенка до 3 лет								Мужчины старше 65 лет	Женщины старше 60 лет
280 ч. 2	203	15	1	0	12	25	27	65	44	19	11	4	3

человек превратился из пассивного пользователя и потребителя деструктивного контента в активного участника насильственного экстремизма. Новые экстремистские течения сочетают в себе элементы различных идеологий, что делает их адаптируемыми и привлекательными для более широкого круга людей.

Проблемы противодействия распространению деструктивного контента экстремистской направленности и радикализации молодежи связаны в том числе с тем, что правоохранительные органы часто сталкиваются с юридическими и этическими трудностями, определяемыми нюансами взаимодействия с несовершеннолетними. В системе образования де-факто не работают механизмы, необходимые для своевременного выявления и устранения ранних признаков радикализации, а изучение контента радикальных онлайн-групп в большинстве статей сводится к поиску их специфической тематики, связанной с открытой или завуалированной пропагандой насилия (Кашпур, Барышев, Чудинов, 2021). В качестве примера можно привести движение МКУ¹⁵, которое в январе 2023 г. было признано террористической организацией. С 2021 г. правоохранительными органами более чем в 50 регионах были произведены задержания свыше 150 членов данного сообщества. В сентябре 2022 г. ФСБ России сообщила о масштабной операции – в 46 регионах совместно со Следственным комитетом РФ и МВД России были проведены оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия в отношении 187 граждан России – участников интернет-сообществ, сторонников идеологии массовых убийств, администрируемых модераторами террористического движения «Колумбайн» и группировки МКУ¹⁶. Однако до настоящего времени на просторах интернета и в мессенджере Telegram можно увидеть контент, генерируемый последователями запрещенных организаций. Данный факт лишь подтверждает сложность и порой невозможность выявления и блокировки экстремистского контента, массированно распространяемого на разных онлайн-площадках. Автоматизированные системы обнаружения деструктивного контента могут быть использованы в качестве инструментов выявления целевых сообществ в социальных сетях (например, использование парсиновых систем), но предоставляемые ими функции недостаточны для выявления деструктивных идеологических платформ (Кузнецов, Карпова, Савельев, 2021). При этом в правоприменительной практике нет единого мнения о месте совершения преступлений экстремистской направленности в цифровом пространстве, а в научной дискуссии предложены несколько вариантов решения данной проблемы (Давыдов, 2024).

Проведенный анализ различных форм преступной деятельности экстремистских групп, совершаемых в цифровом (кибер-) пространстве и / или с использованием цифровых технологий, позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, стремительное развитие цифрового (кибер-) пространства (социальные сети, электронные СМИ и другие интернет-ресурсы), увеличение числа пользователей такого пространства и цифровых технологий (систем, программного обеспечения) способствуют распространению идеологии насилия из-за интенсивной пропагандистской деятельности.

Во-вторых, использование цифровых технологий экстремистскими группами фактически приводит к изменению механизма совершения преступлений экстремистской направленности и террористического характера – от стадии подготовки к совершению преступления и сокрытию его следов. Преимущества использования цифрового (кибер-) пространства и (или) цифровых технологий обусловлены высокой скоростью передачи данных и распространения

¹⁵ Международное движение МКУ («Маньяки. Культ убийств», другие используемые наименования – «Молодежь, которая улыбается», «Маньяки. Культ убийц») признана решением Верховного Суда РФ террористической организацией.

¹⁶ Верховный Суд признал движение МКУ террористической организацией. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/16809355>

информации (дезинформации), а также обработки больших объемов информации, что позволяет, например, оперативно находить сторонников, вербовать новых членов; доступом к неограниченно широкой аудитории и расширением географии распространения противоправного контента в условиях относительной анонимности (Antonova, 2023).

В-третьих, отличительная черта процесса радикализации в онлайн-пространстве посредством распространения деструктивного контента – это алгоритмизация. Так называемая алгоритмическая радикализация – это концепция, согласно которой алгоритмы рекомендаций на популярных сайтах социальных сетей, таких как YouTube и Facebook¹⁷, со временем подталкивают пользователей к более радикальному контенту, что приводит к формированию у них устойчивых радикальных взглядов. Алгоритмы фиксируют взаимодействие пользователей от лайков и дизлайков до времени, проведенного за просмотром постов, в целях последующей генерации бесконечного потока медиаконтента, призванного поддерживать вовлеченность пользователей.

Для реализации государственной политики в области противодействия цифровой радикализации молодежи необходим комплексный и многоуровневый подход.

Противодействие распространению деструктивного и противоправного контента радикальной направленности среди молодежи в онлайн-среде в большей степени основано на использовании аналитики социальных сетей, которая включает методы информационного поиска, машинного обучения и интеллектуального анализа данных. В целях выявления уровня вовлеченности в деструктивные, в том числе криминальные, онлайн-сообщества радикальной направленности возможно проведение среди обучающихся анонимных социологических опросов, осуществление на постоянной основе мониторинга в образовательной среде для оперативного выявления явных и латентных лидеров (участников) онлайн-сообществ, создающих и распространяющих деструктивный контент. Для защиты детей и молодежи от деструктивного информационно-психологического воздействия предлагается предусмотреть возможность ужесточения наказания за вовлечение несовершеннолетних в деятельность деструктивных групп, а равно пропаганду деструктивной идеологии с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» (Палий, 2024).

Важно отметить, что существующие меры противодействия распространению деструктивного контента в киберпространстве, которые основаны на ручной модерации контента, в совокупности с проблемой пробелов в действующем законодательстве относительно закрепления и трактовки понятий «деструктивный контент», «радикальный контент», «противоправный контент», «деструктивное воздействие» и др., недостаточно эффективны. В связи с этим необходима выработка общего подхода к категоризации подобного контента с учетом международной практики.

Несовершенство организационно-технических средств своевременного выявления радикального контента в сети «Интернет» и в образовательной среде требует внедрения новых способов противодействия и распространения такого контента. В рамках ряда исследований в этой области выдвинуты предложения об использовании технологий искусственного интеллекта для автоматизации процессов выявления и блокировки деструктивного, противоправного контента (Баранов, 2024). Зарубежные исследователи отмечают, что с помощью комбинации контролируемого и неконтролируемого машинного обучения появилась возможность

¹⁷ Американская транснациональная холдинговая компания Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram признана в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистской (решение Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 20.06.2022).

выявления новых и развивающихся моделей разжигания ненависти, пропаганды насилия на почве ненависти, которые распространяются в виде постов в социальных сетях (Farrell & Lockwood, 2023). Предложено, в том числе, внедрение и использование апробированных на практике выстроенных алгоритмов (моделей) идентификации онлайн-ресурсов, которые имеют высокую степень радикализации¹⁸.

В настоящее время отечественные технологические компании осуществляют деятельность в области разработки аналитических и парсинговых систем правоохранительной направленности, способных на глубокий анализ больших массивов информации, которые можно успешно использовать как один из инструментов в целях совершенствования механизмов выявления и пресечения распространения деструктивной информации.

С учетом изложенного становится очевидной необходимость проактивного подхода при противодействии цифровой радикализации молодежи, включающего: повышение цифровой грамотности (обучение людей критическому мышлению и навыкам проверки информации); совершенствование технологических инструментов выявления и ограничения распространения экстремистского контента; поддержку уязвимых групп (создание и внедрение программ психологической поддержки для детей и подростков, находящихся в группе риска радикализации); межведомственное сотрудничество (противодействие цифровой радикализации требует координации усилий правоохранительных органов, технологических компаний и институтов гражданского общества); международное взаимодействие (учитывая глобальный характер проблемы, важно развивать международное сотрудничество в сфере борьбы с цифровым экстремизмом). Распространение радикальных взглядов и экстремистских настроений среди молодежи можно предотвратить только посредством устранения общих и индивидуальных криминогенных факторов в сочетании с законодательными инициативами (Яковлева, Серенко, 2024).

Таким образом, борьба с цифровым радикализмом не должна приводить к чрезмерному ограничению свободы слова, важно найти баланс между обеспечением безопасности и сохранением фундаментальных прав и свобод в цифровую эпоху.

Список литературы

- Баранов, В. В. (2024). Использование искусственного интеллекта для выявления и предотвращения распространения экстремистской и террористической пропаганды в Интернете. *Труды Академии управления МВД России*, 4 (72), 113–128.
- Безбородов, Д. А., Серкина, С. И. (2025). Деструктивная идеология без признаков экстремизма: понятие и общественная опасность. *Криминалистъ*, 3 (52), 11–18.
- Берестовой, А. Н. (2025). Уголовно-правовое противодействие общественно опасным проявлениям субкультуры в сети «Интернет». *Российский девиантологический журнал*, 5 (1), 147–166. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2025-1-147-166>
- Давыдов, В. О. (2024). Цифровое пространство как место совершения преступлений экстремистской направленности. *Всероссийский криминологический журнал*, 18 (1), 89–95. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18\(1\).89-95](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(1).89-95)
- Забарин, А. В. (2024). Психология сетевой толпы как субъекта политического экстремизма. *Управленческое консультирование*, 1 (181), 23–45. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-1-23-45>

¹⁸ Например, опыт Томского политехнического университета, ИИМБ МГЮА, Регионального общественного центра интернет-технологий (РОЦИТ).

- Кашпур, В. В., Барышев, А. А., Чудинов, С. И. (2021). Репрезентация радикальных сообществ российских социальных медиа: специфика контента и индекс активности. *Вестник Томского государственного университета*, 467, 133–143. <https://doi.org/10.17223/15617793/467/17>
- Кузнецов, С. А., Карпова, А. Ю., Савельев, А. О. (2021). Автоматизированное обнаружение перекрестных связей пользователей ультраправых сообществ в социальной Сети. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 59, 156–166. <https://doi.org/10.17223-1998863X-59-15>
- Назаренко, И. С., Меняйло, Д. В., Федосеев, А. Э., Самойлова, Ю. М. (2024). Угрозы безопасности в киберпространстве и способы защиты от них. *Право и государство: теория и практика*, 7 (235), 461–465.
- Назметдинова, И. С., Куличев, К. М., Столярова, С. С. (2024). Понятия «медиаграмотность» и «медиаобразование» в отечественной и зарубежной науке. *Проблемы современного педагогического образования*, 85-3, 236–239.
- Никишин, В. Д., Осипов, С. А. (2024). Меры противодействия деструктивному контенту: опыт и перспективы. *Обзор. НЦПТИ*, 4 (39), 14–25.
- Палий, В. В. (2024). Уголовно-правовые аспекты защиты прав несовершеннолетних от вовлечения в деструктивные группы и влияния деструктивного контента. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*, 4 (116), 141–150. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.116.4.141-150>
- Сакаев, В. Т. (2021). Понятие радикализации: обзор научных подходов в современной зарубежной литературе. *Антиномии*, 21 (2), 45–72. <https://doi.org/10.17506/26867206-2021-21-2-45>
- Шашкин, П. А., Рудаков, А. Б. (2024). Деструктивная идеология: понятие и смысловые границы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 14 (2), 6–12. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2024-14-2-6-12>
- Юрченко, И. А. (2025). Теоретические и практические аспекты квалификации различных форм участия в публично демонстрируемых преступлениях против личности. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*, 5 (129), 93–101. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.129.5.093-101>
- Яковлева, Е. О., Серенко, Р. С. (2024). Современные закономерности делинквентного поведения и криминогенные факторы в системе предупреждения преступности несовершеннолетних. *Всероссийский криминологический журнал*, 18 (6), 614–623. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18\(6\).614-623](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(6).614-623)
- Antonova, E. Yu. (2023). Terrorist crimes in the era of digitalization: forms of activity and measures for counteraction. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(1), 251–269. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.10>
- Khan, A., Qasim, M., Ullah, I., Shah, I., Khan, I. U., & Bilal, M. (2023). Exploring the influence of social media on the radicalization of youth towards violent extremism. *Russian Law Journal*, 11 (3), 3117–3125.
- Farrell, A., & Lockwood, S. (2023). Addressing Hate Crime in the 21st Century: Trends, Threats, and Opportunities for Intervention. *Annual Review of Criminology*, 6 (1), 107–130. <https://doi.org/10.1146/annurev-criminol-030920-091908>
- Casey, B. J., Simmons, C., Somerville, L. H., & Baskin-Sommers, A. (2022). Making the Sentencing Case: Psychological and Neuroscientific Evidence for Expanding the Age of Youthful Offenders. *Annual Review of Criminology*, 5 (1), 321–343. <https://doi.org/10.1146/annurev-criminol-030920-113250>

Freilich, J. D., Chermak, S. M., Arietti, R. A., & Turner, N. D. (2024). Turner Terrorism, Political Extremism, and Crime and Criminal Justice. *Annual Review of Criminology*, 7 (1), 187–209. <https://doi.org/10.1146/annurev-criminol-022422-121713>

References

- Baranov, V. V. (2024). Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta dlya vyyavleniya i predotvrashcheniya rasprostraneniya ekstremistskoj i terroristicheskoj propagandy v Internetе. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, 4 (72), 113–128.
- Bezborodov, D. A., Serkina, S. I. (2025). Destruktivnaya ideologiya bez priznakov ekstremizma: ponyatie i obshchestvennaya opasnost'. *Kriminalist*", 3 (52), 11–18.
- Berestovoj, A. N. (2025). Ugolovno-pravovoe protivodejstvie obshchestvenno opasnym proyavleniyam subkul'tury v seti «Internet». *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 5 (1), 147–166. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2025-1-147-166>
- Davydov, V. O. (2024). Cifrovое prostranstvo kak mesto soversheniya prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 18 (1), 89–95. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18\(1\).89-95](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(1).89-95)
- Zabarin, A. V. (2024). Psihologiya setevoj tolpy kak sub"ekta politicheskogo ekstremizma. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 1 (181), 23–45. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-1-23-45>
- Kashpur, V. V., Baryshev, A. A., CHudinov, S. I. (2021). Reprеzentaciya radikal'nyh soobshchestv rossijskikh social'nyh media: specifiка kontenta i indeks aktivnosti. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 467, 133–143. <https://doi.org/10.17223/15617793/467/17>
- Kuznecov, S. A., Karpova, A. YU., Savel'ev, A. O. (2021). Avtomatizirovannoe obnaruzhenie perekrestnyh svyazey pol'zovatelej ul'trapravnyh soobshchestv v social'noj Seti. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, 59, 156–166. <https://doi.org/10.17223-1998863H-59-15>
- Nazarenko, I. S., Menyajlo, D. V., Fedoseev, A. E., Samojlova, YU. M. (2024). Ugrozy bezopasnosti v kiberprostranstve i sposoby zashchity ot nih. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 7 (235), 461–465.
- Nazmetdinova, I. S., Kulichev, K. M., Stolyarova, S. S. (2024). Ponyatiya «mediagramotnost'» i «mediaobrazovanie» v otechestvennoj i zarubezhnoj nauke. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 85-3, 236–239.
- Nikishin, V. D., Osipov, S. A. (2024). Mery protivodejstviya destruktivnomu kontentu: opyt i perspektivy. *Obzor. NCPTI*, 4 (39), 14–25.
- Palij, V. V. (2024). Ugolovno-pravovye aspekty zashchity prav nesovershennoletnih ot вовлечениya v destruktivnye gruppy i vliyaniya destruktivnogo kontenta. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*, 4 (116), 141–150. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.116.4.141-150>
- Sakaev, V. T. (2021). Ponyatie radikalizacii: obzor nauchnyh podhodov v sovremennoj zarubezhnoj literature. *Antinomii*, 21 (2), 45–72. <https://doi.org/10.17506/26867206-2021-21-2-45>
- Shashkin, P. A., Rudakov, A. B. (2024). Destruktivnaya ideologiya: ponyatie i smyslovye granicy. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 14 (2), 6–12. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2024-14-2-6-12>
- Yurchenko, I. A. (2025). Teoreticheskie i prakticheskie aspekty kvalifikacii razlichnyh form uchastiya v publichno demonstriruemym prestupleniyah protiv lichnosti. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*, 5 (129), 93–101. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.129.5.093-101>
- Yakovleva, E. O., Serenko, R. S. (2024). Sovremennye zakonomernosti delinkventnogo povedeniya i kriminogennye faktory v sisteme preduprezhdeniya prestupnosti nesovershennoletnih. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 18 (6), 614–623. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18\(6\).614-623](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(6).614-623)

- Antonova, E. Yu. (2023). Terrorist crimes in the era of digitalization: forms of activity and measures for counteraction. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(1), 251–269. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.10>
- Khan, A., Qasim, M., Ullah, I., Shah, I., Khan, I. U., & Bilal, M. (2023). Exploring the influence of social media on the radicalization of youth towards violent extremism. *Russian Law Journal*, 11 (3), 3117–3125.
- Farrell, A., & Lockwood, S. (2023). Addressing Hate Crime in the 21st Century: Trends, Threats, and Opportunities for Intervention. *Annual Review of Criminology*, 6 (1), 107–130. <https://doi.org/10.1146/annurev-criminol-030920-091908>
- Casey, B. J., Simmons, C., Somerville, L. H., & Baskin-Sommers, A. (2022). Making the Sentencing Case: Psychological and Neuroscientific Evidence for Expanding the Age of Youthful Offenders. *Annual Review of Criminology*, 5 (1), 321–343. <https://doi.org/10.1146/annurev-criminol-030920-113250>
- Freilich, J. D., Chermak, S. M., Arietti, R. A., & Turner, N. D. (2024). Turner Terrorism, Political Extremism, and Crime and Criminal Justice. *Annual Review of Criminology*, 7 (1), 187–209. <https://doi.org/10.1146/annurev-criminol-022422-121713>

Информация об авторе

Алиса Дмитриевна Малофеева – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат юридических наук.

About the author

Alisa D. Malofeeva – Associate Professor at the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Saint Petersburg State University of Economics, Cand. Sci. (Law).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 05.11.2025

Одобрена после рецензирования 18.11.2025

Опубликована 28.12.2025

Submitted November 05, 2025

Approved after reviewing November 18, 2025

Accepted December 28, 2025

УДК 316.624

Принципы дополнительности и универсального эволюционизма в методологии современных девиантологических исследований (обзор академической секции по девиантологии с международным участием)

Яков Ильич Гилинский

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
(Санкт-Петербург, Россия)

yakov.gilinsky@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4544-7167

Константин Васильевич Харабет

Фонд содействия научным исследованиям
в области правового обеспечения безопасности человека
имени профессора А. А. Тер-Акопова
(Москва, Россия)

harabet@mail.ru

Аннотация

В статье представлен обзор девиантологической секции в составе XXXII Моисеевских чтений Российской академии наук, прошедшей 6 марта 2025 г. Впервые в составе Чтений работала секция социологии девиантного поведения (девиантологии) в знак признания заслуг ученого в изучении общих научных основ современного мироздания, его вклада в разработку методологии современной девиантологической науки. Программное название научного мероприятия – «Принципы дополнительности и универсального эволюционизма в методологии современных девиантологических исследований». Среди участников девиантологической секции были представители Университета прокуратуры Российской Федерации, Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Военного университета имени А. Невского Минобороны России, Института социологии РАН, Института государства и права РАН, Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и др. (всего было заявлено более 40 участников). По результатам работы конференции (Чтений) сформированы рекомендации общего (теоретического) и прикладного характера, направленные в РАН, а также в ряд ведущих научных и аналитических центров.

Ключевые слова

девиантология, девиантность, преступность, принцип дополнительности, принцип универсального эволюционизма, принцип экологического императива, безопасность человека

Для цитирования: Гилинский, Я. И., Харабет, К. В. (2025). Принципы дополнительности и универсального эволюционизма в методологии современных девиантологических исследований (обзор академической секции по девиантологии с международным участием). *Российский девиантологический журнал*, 5 (4), 674–692.

Principles of complementarity and universal evolutionism in the methodology of modern deviantological research (review of the academic section on deviance with international participation)

Yakov I. Gilinsky

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
(St. Petersburg, Russia)
yakov.gilinsky@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9931-7926

Konstantin V. Kharabet

Foundation for the Promotion of Scientific Research
in the Field of Legal Support for Human Security
named after Professor A.A. Ter-Akopov (Moscow, Russia)
harabet@mail.ru

Abstract

The article presents an overview of the deviantology section of the XXXII Moiseev Readings of the Russian Academy of Sciences, held on March 6, 2025. For the first time, the Readings included a section on the sociology of deviant behaviour (deviantology) in recognition of the scholar's achievements in studying the general scientific foundations of the modern universe and his contribution to the development of the methodology of modern deviantology. The official title of the scientific event was "The Principles of Complementarity and Universal Evolutionism in the Methodology of Modern Deviantological Research". Participants in the deviantology section included representatives from the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, the Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Military University of the Ministry of Defence of Russia named after A. Nevsky, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Faculty of Geography of Moscow State University named after M. V. Lomonosov, and others (over 40 participants applied). Based on the results of the conference (Readings), general (theoretical) and applied recommendations were formulated and sent to the Russian Academy of Sciences, as well as to a number of leading scientific and analytical centres.

Keywords

deviantology, deviance, crime, principle of complementarity, principle of universal evolutionism, principle of ecological imperative, human security

For citation: Gilinsky, Ya. I., Kharabet, K. V. (2025). Principles of complementarity and universal evolutionism in the methodology of modern deviantological research (review of the academic section on deviance with international participation). *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (4), 674–692.

В Москве в Главном здании Российской академии наук 5–7 марта 2025 г. проходили очередные XXXII Моисеевские чтения, организованные Комиссией РАН по изучению наследия выдающихся ученых и Международным независимым эколого-политологическим университетом («Академия МНЭПУ»). История Чтений начинается в 2002 г. Именно тогда они были проведены впервые в память о выдающемся отечественном ученом с мировым именем, математике, экологе, философе и политологе Никите Николаевиче Моисееве (1917–2000). В составе Чтений 6 марта 2025 г. впервые работала секция социологии девиантного поведения (девиантологии), не в последнюю очередь – в знак признания заслуг ученого в изучении общих научных основ современного мироздания, его вклада в разработку методологии современной девиантологической науки. Ее программное название – «Принципы дополнительности и универсального эволюционизма в методологии современных девиантологических исследований».

Организатором работы секции выступил Фонд содействия научным исследованиям в области правового обеспечения безопасности человека имени профессора А. А. Тер-Акопова (исполнительный директор К. В. Харабет). Сопредседателями и модераторами секции стали доктор юридических наук, профессор Я. И. Гишинский (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации) и кандидат юридических наук, доцент К. В. Харабет.

Среди участников девиантологической секции – представители Университета прокуратуры Российской Федерации, Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Военного университета имени А. Невского Минобороны России, Института социологии РАН, Института государства и права РАН, Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и др.

Работа секции проходила в онлайн- и офлайн-формате. Информационным партнером секции являлся «Российский девиантологический журнал». Ход ее работы транслировался также в социальных сетях журналом «Союз криминологов и криминалистов». Академическую и профессиональную среду представляли более 40 участников научных и образовательных организаций Российской Федерации, а также представитель Академии наук Болгарии (София).

Со вступительным словом к участникам обратился профессор **Я. И. Гишинский**. Выступивший далее доцент **К. В. Харабет** напомнил собравшимся, что еще на рубеже 1970–1980-х гг. именно проф. Я. И. Гишинский первым обратил внимание отечественных правоведов и социологов на важность для девиантологии изучения и творческого развития наследия академика Н. Н. Моисеева. Например, сформулированный академиком принцип универсального эволюционизма порождает важные выводы о дифференциации и интеграции научных знаний, при этом ведущим является последнее. Ученый высказал предположение о том, что складывающаяся в процессе интеграции «инфронаука» исходит из необходимости объединения исследований живой и неживой природы и общества, изучения их с точки зрения универсальных законов мироздания; основные закономерности социального бытия, включая девиантность, являются разновидностью всеобщих закономерностей мироздания, модификацией его фундаментальных свойств; общий процесс саморазвития (само-организации материи), подчиняющийся единой системе правил, означает необходимость отказаться от представлений об уникальности девиантных проявлений и их закономерностей, в связи чем предлагает посмотреть на этот предмет с более широких позиций, преодолевая антропоцентризм и аксиологизм.

В рамках секционного заседания прозвучали следующие доклады и сообщения.

Открыла работу секции известный отечественный социолог, профессор Самарского национального исследовательского университета имени С. П. Королева, доктор социологических

наук, профессор **Нина Петровна Шукина**, посвятившая свой доклад актуальной проблеме – изучению причин преступности в современном обществе с точки зрения концептуальной и методологической ясности. Докладчик поставила перед собравшимися следующие теоретические и прикладные вопросы:

- о необходимости отказаться от тривиального представления о причинности (по Н. Моисееву);
- об актуальности разработки новой концепции причин (природы) преступности;
- о продуктивности внедрения ситуационного подхода к изучению причин преступности;
- о необходимости разобраться в критериях причинности в единстве трех правил: корреляции, порядка времени, нецелесообразности;
- о необходимости становления нового направления – аналитической криминологии;
- о признании необходимым разработки Этического кодекса девиантолога;
- о роли фактора сворачивания в стране полевых криминологических и девиантологических исследований.

Доктор юридических наук, профессор **Яков Ильич Гишинский** в докладе «Девиантность и девиантология в Универсуме Н. Н. Моисеева» утверждает, что все происходящее во Вселенной, Универсуме Н. Н. Моисеева, «нормально». Не в смысле «хорошо», а естественно, закономерно, обусловленно. Нет «преступлений» по содержанию деяний. «Преступным» в каждом государстве признается то, что законодатель записал в уголовном законе «здесь и сейчас». Нет объективных оснований криминализации тех или иных деяний. Единственное основание – воля власти, режима. *Проституция* как разновидность продажности (наряду с продажностью чиновников, ученых, полицейских, журналистов, судей и др.) была, есть и будет, пока существуют товарно-денежные отношения. *Самоубийство* – естественное право человека на смерть. *Наркопотребление, алкоголизация* – вредные, опасные для самого потребителя, его семьи, общества явления, но они были, есть и будут как стремление человека «отдохнуть», «развлекаться», «забыться».

Девиантными, отклоняющимися от «нормального поведения», являются и различные виды творчества (научного, художественного, технического). Непонимание этого приводило к наказанию, вплоть до смертной казни, убийства творцов (Сократ, Джордано Бруно, Мигель Сервет, Галилей, российские писатели, поэты, академик Н. И. Вавилов и др.).

Государство должно предпринимать меры по противодействию негативным девиациям и развитию позитивных, но эти меры должны быть разумными, с пониманием того, что наказание не достигает ни одной из поставленных целей, а задача девиантологии – исследовать, изучать состояние, динамику, географию, девиантогенные факторы различных девиантных проявлений, предлагая практические рекомендации по сокращению одних и развитию других.

Доктор педагогических наук, доктор психологических наук и доктор социологических наук, профессор **Юрий Александрович Клейберг** (Тверь) выступил с докладом «Онтогносеологическая эвристика логоса как нравственная норма». В настоящее время, как и в прошлые годы, актуальны поиск новых средств и методов повышения уровня антинаркотической культуры обучающихся в образовательных организациях, активизация и совершенствование деятельности различных антинаркотических субъектов, направленных, с учетом применения новых технологий, на выявление граждан, потенциально составляющих группу риска, а также профилактическая работа с ними. Учитывая темпы возрастания технологий цифровизации различных общественных практик, правоохранительным органам следует изыскивать возможности использовать искусственный интеллект для эффективного противодействия распространению наркотиков.

Очевидно, что неумолимо ускорятся процесс изменения системы культурных норм и ценностей общества на генерационном уровне, их позитивная пассионарность. Все это, безусловно, влияет на развитие смысла Логоса как инструмента *для самопознания и личностного роста*.

В истории человечества было немало драматических периодов, в ходе которых происходило крушение одних взглядов и систем ценностей малых и больших этносов и даже целых рас и рождение взглядов и систем ценностей иных, часто прямо противоположных отжившим. Сейчас мы стоим на пороге очередного и, по-видимому, глобального переходного процесса, в ходе которого происходит не только крушение отдельных взглядов и ценностей, но и кардинальная смена мировоззрения, т. е. того Логоса, который служил опорой человеческим представлениям и верованиям о структуре реальности, Логоса, на основе которого выстраивались и научная, и религиозная, и бытовая картины мира.

Впервые термин «логос» ввел в философский тезаурус древнегреческий философ Гераклит Эфесский (ок. 540 – ок. 480 до н.э.). Он подчеркивал связь между «логосом» и житейским пониманием человеческого «слова». Гераклиту было важно показать, что слово – это не просто набор звуков, а инструмент выражения глубокой мысли, смысла, истины.

Современная нейронаука убедительно раскрыла загадочность Логоса, доказав, что мозг, разум и сознание каждого человека подчиняются единым законам развития всех трех типов сетей – нейросети мозга, гиперсети разума и метасети сознания, а потому непременно должна быть некая единая «программа», управляющая данным процессом, поскольку результат жизни – гиперсеть сознания, именуемая душой, у всех людей один, хотя сама гиперсеть у каждого человека очень индивидуальна и по структуре, и по энергии, а это значит, что существует модель того, как идет процесс расширения и духовного роста осознания. С психолого-девиантологической точки зрения все процессы развития чрезвычайно неустойчивы. Это означает, что случайные социальные девиации и бифуркации, например, могут качественно трансформировать детали протекающих процессов, являться нормальными.

По Никласу Луману, общество – это совокупность всех потенциально возможных коммуникаций, в том числе отклоняющихся и не реализовавшихся, а только ждущих своего часа. Девиантность является частью процесса развития общества. Следует признать, что девиантность для развития общества является сингулярной (особенной) нормой. Чем дальше будет развиваться общество, тем большее значение для популяции *Homo sapiens* будут иметь общечеловеческие ценности, основу которых составляют нравственные нормы, что не противоречит концепции универсального эволюционизма.

Доктор социологических наук, профессор **Анна Владимировна Мантарова** (Институт философии и социологии, Болгарская академия наук) в своем докладе «Эмпирические социологические исследования преступности: необходимость, возможности, информативность» озвучила следующие выводы: наличие у значительных групп населения современной Болгарии беспокойства по поводу личной безопасности, которое, очевидно, никак не соответствует представлениям о высоком качестве жизни. Несмотря на то что ожидания и запросы граждан по обеспечению их неприкосновенности адресованы государству, государство еще далеко от адекватного на них ответа. При существующей неудовлетворенности предпринимаемыми мерами нельзя ожидать, что это не отразится на авторитете государства, на отношении граждан к государству и на выполнении ими своих обязанностей. Неудовлетворенность действиями государства по обеспечению безопасности граждан формирует у последних массовое стремление требовать от законодателя и правоприменителя ужесточения уголовно-правовых санкций в отношении лиц, совершивших преступления (включая несовершеннолетних). Разочарование продолжающейся более трех десятилетий неспособностью государства обуздать преступность и гарантировать безопасность своим гражданам вынуждает отдельного индивида брать

обеспечение своей безопасности «в свои собственные руки». Граждане в меру своих возможностей самостоятельно предпринимают разнообразные действия – от ориентированных на повышение собственной защищенности и защиты своего имущества до адаптации своего повседневного поведения к сложившейся ситуации (правовой и политической конформизм). Современному государству необходимо срочно скорректировать свою уголовную политику в целях воспитания в собственных гражданах установок и мотиваций законопослушного поведения, партнерства и созидательной активности.

Старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН кандидат социологических наук **Виктория Владимировна Брюно** в своем выступлении «Агрессия в современной России: уровень, формы и межотраслевые аспекты изучения» обратила внимание на то, что агрессия в современной России все меньше воспринимается как исключение или девиация и все чаще – как часть повседневного социального опыта. Ее формы варьируются от открытого физического насилия до латентных, символических и цифровых проявлений. Даже при наличии выраженного морального неприятия насилия как такового значительная доля респондентов допускает или оправдывает агрессию в определенных контекстах, прежде всего, в семейных и межличностных отношениях. Это отражает как нормативную неустойчивость, так и культурную двойственность: агрессия одновременно осуждается и допускается, встраиваясь в повседневные сценарии взаимодействия. Эмпирические данные свидетельствуют о высокой степени социальной насыщенности агрессией – как в личном, так и в опосредованном опыте. Ощущение уязвимости, хронической напряженности, недоверие к институтам и нормативный вакуум создают условия, в которых агрессия воспринимается не столько как патология, сколько как допустимая, а порой и единственно доступная форма выражения. Агрессия в этом контексте оказывается не только реакцией, но и культурной практикой, формируемой в условиях ценностной дезориентации и фрагментации коллективного смысла современного российского общества.

Понимание агрессии требует внимательного культурно-социологического взгляда – как на то, что допускается и оправдывается, так и на то, что вытесняется, молчаливо терпится или остается незамеченным. В этом смысле агрессия – это не только симптом социального напряжения, но и зеркало культурной нормы с ее внутренними разломами, оправданиями и ритуалами подавления. Учитывая сложную природу агрессии, ее многослойность и встраиваемость в различные сферы общественной жизни, можно признать очевидной необходимость межотраслевого подхода – на стыке социологии (девиантологии), психологии, права, педагогики и медиакоммуникаций. Только в таком аналитическом поле возможно более полное понимание механизмов воспроизводства агрессии и путей ее снижения.

Преподаватель Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина кандидат юридических наук **Владислав Владимирович Радов** в своем докладе «Правовые последствия преступности» акцентировал внимание на следующем. Уголовно-правовая доктрина сегодня концентрируется на проблеме преступности деяния, так или иначе избегая вопросов его наказуемости. Осложняется ситуация тем, что формальная и фактическая преступность деяния совпадают, если не вдаваться в обсуждение его малозначительности. Этого не скажешь о формальной и фактической наказуемости, поскольку их сопоставление снимает многие нормативные границы и заложенные рамки. Своеобразный мостик между преступным и наказываемым (влекущим уголовно-правовые последствия) образует основание наказуемости в уголовном праве, т. е. такие юридически значимые обстоятельства, которые служат предпосылкой государственного ответа на доказанное или предполагаемое «преступление». Вывод автора сводится к необходимости теоретического признания фактического распространения презумпции виновности в уголовном праве, серьезного отклонения от догматических тезисов, разрушенных действительным правоприменением.

Выступление профессора Алтайского государственного университета (г. Барнаул) доктора социологических наук *Марии Ивановны Черепановой* было посвящено проведенному исследованию социально-экономических условий демографического неблагополучия шести территорий российского приграничья (государственная граница с КНР и Монголией) и позволило выделить статистически значимые индикаторы негативного самосохранительного и девиантного поведения. Согласно полученной регрессионной модели, такими факторами явились: социально-демографические характеристики (преимущественно мужчины, имеющие среднепрофессиональное образование; жители сельской местности в большей степени, чем горожане подвержены негативным стратегиям самосохранительного поведения; жители, находящиеся в ситуации развода или вдовства); социально-экономические показатели (низкий материальный статус жителей, неуверенность в завтрашнем дне, безработица, опасение потери работы); социально-психологическое самочувствие (объединяющее разные формы неудовлетворенности базовыми аспектами жизни в регионе, обуславливающими социально-психологическую фрустрированность и стимулирующими негативные паттерны демографического поведения). В результате разнообразные девиации, такие как нанесение повреждений себе ради удовольствия или идеи, занятие проституцией, алкогольная зависимость, употребление нелегальных подпольных алкогольных изделий, наркотических средств и другие девиации на статистически значимом уровне провоцируют саморазрушающее поведение граждан, вносят значительный вклад в неестественную смертность российского населения. Докладчик выступает за политику народосбережения как базового направления современной российской социальной политики. При этом минимизация депопуляции российского населения должна базироваться на следующих положениях: повышении социально-экономического благополучия россиян; введении оценочного индикатора – «ожидаемая продолжительность здоровой жизни» – это количество лет, которое останется, если вычесть из ее общей длительности время тяжелых болезней; повышении мотивации российских граждан к продолжительной и продуктивной жизни; формировании новой культуры здоровья, основанной на высоких амбициях и притязаниях, а не просто на отсутствии серьезных заболеваний. Формирование эффективного самосохранительного поведения граждан призвано тиражировать моду на здоровый образ жизни. Новая культура здоровья россиян должна быть основана на понимании здоровья не только как отсутствия болезни, но и как состояния полного физического, душевного и социального благополучия.

Представитель Военного университета имени князя Александра Невского кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции запаса *Олег Алексеевич Мозговой* в своем выступлении «Особенности криминологической характеристики и предупреждения преступности в поствоенный период (исторический аспект)» обратил внимание на то, что войны, военные конфликты оказывают существенное воздействие на жизнь всего общества: меняется психология людей, формируются разнообразные массовые девиации. В поствоенный период, как правило, все негативные социальные девиации обостряются, прежде всего, наблюдаются негативные тенденции в динамике и структуре общеуголовной и воинской преступности. В историческом аспекте феномен поствоенных девиаций характеризуется (с позиции принципа универсального эволюционизма академика Н. Н. Моисеева) следующим образом: «Деятельность человека, вся его активность должны быть подчинены определенным требованиям природы: человек обязан жить в рамках определённого экологического императива». В ранние исторические периоды тяготы военной службы, массовая гибель мужского населения на войне и проч., по данным антропологии, не порождали (в современном понимании) социальных девиаций, например, таких как рост пьянства или преступности. Объяснение этому, возможно, заключается в том, что эти социумы были сакральными, языческими, в них существовала вера

в высший разум и предопределенность судьбы. Поэтому и войны, и смерть в жизни народов (и отдельного человека) рассматривались как нечто естественное и не вызывали в обществе психологических травм и массового посттравматического расстройства.

На примере истории СССР можно проследить, что с помощью чрезвычайных экстраординарных мер социальные девиации к началу Великой Отечественной войны в основном были преодолены во многом благодаря: 1) репрессивным мерам (массовое привлечение к уголовной ответственности, включая политические репрессии); 2) мощному идеологическому воздействию в сочетании с воспитательными мерами в духе социалистической идеологии; 3) росту экономики, резкому сокращению безработицы и существенному повышению уровня жизни.

После Великой Отечественной войны рост насильственной и корыстно-насильственной преступности и других социальных девиаций стал закономерным явлением в силу тяжелого экономического положения населения, массового возвращения населения из эвакуации, незаконного оборота огнестрельного оружия, послевоенной амнистии, снижения психологического барьера перед факторами – «барьерами» на пути совершения преступления – страха уголовного наказания, общественного осуждения, совести. Кроме того, из вооруженных сил в народное хозяйство влились сотни тысяч мужчин в возрасте 30-45 лет (наиболее криминогенная группа населения, по В. В. Лунееву, 1997). Росту преступности, других социальных девиаций способствовало существенное ослабление социального контроля в послевоенное время (указы об амнистии и пр.). Например, в 1946 г. в СССР было зарегистрировано 1 014 274 преступления, что на 20 % больше, чем в 1945 г. (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. 9415. Оп. 3.230. Л.2–4).

Из-за роста общеуголовной преступности государство ужесточило наказания за наиболее опасные преступления против собственности и личности. Рост преступности и иных правонарушений постепенно был погашен. Заслуживает внимания также то, что сдерживающими рост социальных девиаций в указанный период стали всплеск религиозного сознания и изменение отношения государства к церкви. Автор предположил, что война, военные действия сами по себе не являются причиной роста социальных девиаций (напротив, война может стать духовной встряской, которая позволяет индивидууму пересмотреть свои морально-нравственные установки), а просчеты, ошибки, злоупотребления, преступные действия представителей власти и проч. являются теми криминогенными факторами, которые продуцируют правонарушающее поведение, формируют социальные девиации. Ранее связь духовного состояния человека и криминогенной ситуации, других социальных девиаций исследовал проф. А. А. Тер-Акопов (2003).

Председатель Мытищинского городского суда в отставке, кандидат юридических наук, полковник юстиции в отставке **Константин Антонович Кадолко** в своем докладе «Проблемы предупреждения девиантности на муниципальном уровне» привлек внимание участников научной секции к малоисследованной на теоретическом уровне актуальной криминологической проблеме. На примере статистических данных московского региона и собственных многолетних наблюдений, работы в качестве председателя городского суда и одного из руководителей администрации муниципального уровня, докладчик сделал следующие выводы: о несомненной криминогенности действующего законодательства и практики его применения на муниципальном уровне в сфере ЖКХ, природопользования и некоторых других; об отсутствии действенных механизмов, препятствующих криминальному сращиванию бизнеса и местных чиновников; о тренде на перераспределение полномочий, финансовых потоков и проч. от местных властей на региональном уровне.

Председатель Фонда научных исследований в области правового обеспечения безопасности человека имени профессора А. А. Тер-Акопова кандидат юридических наук, доцент

Константин Васильевич Харабет свое выступление посвятил обзорному рассмотрению принципов дополнительности и универсального эволюционизма в системе методологии современной девиантологии.

В 1950-е гг. великий датский физик и нобелевский лауреат Нильс Бор творчески развил принцип дополнительности применительно к философии и иным гуманитарным наукам, сформулировав несколько ведущих признаков и условий, совокупность которых, как представляется, является сущностью принципа (концепции) дополнительности в качестве методологического, общенаучного. При этом научное наследие Бора применительно к объяснению дополнительности вне рамок классической и квантовой физики сводится лишь к определению «общих границ» направления исследований, без презентации законченной теории (или системы взглядов), что существенно затрудняет для исследователей определение границ принципа дополнительности, содержание его интерпретации и развития. В связи с этим в гуманитарной (и не только) науке сложился подход, согласно которому любое междисциплинарное исследование, в котором присутствует попытка найти научную истину в сложной проблеме через использование языков разных наук, признается применением «принципа дополнительности». Не отрицая продуктивности такого подхода, тем не менее высказано предположение, что в первоначальном (боровском) понимании его «дополнительный» подход подразумевал некую совокупность условий для такого научного исследования. В обобщенном виде выводы Бора, предложенные в форме замечаний и раскрывающие его понимание значения принципа дополнительности в гуманитарных науках, могут быть выражены в совокупности нескольких постулатов – научных идей (Н. Бор, статьи «Единство знаний», 1955; «Атомы и человеческое познание», 1956). К ним относятся: 1) стремление к «единству знания» как необходимость и требование фундаментальной и прикладной науки; 2) необходимость формирования (расширения) общей системы понятий, развитого научного языка и системы образов; 3) разрешение проблемы учета процесса наблюдения и роли стороннего наблюдателя; 4) соблюдение в исследованиях требования целостности изучаемой системы (явления); 5) при описании окружающих явлений необходим учет подвижной границы между оценкой человеческих ценностей и общими положениями, на основании которых о них судят. По Бору, общую цель всех культур составляет самое тесное сочетание справедливости и милосердия, какого только можно достигнуть; тем не менее следует признать, что в каждом случае, где нужно строго применить закон, не остается места для проявления милосердия, и наоборот, доброжелательство и сострадание могут вступать в конфликт с самыми принципами правосудия.

Докладчик отметил, что в отечественной девиантологической и криминологической литературе должного внимания общенаучным взглядам Н. Бора не уделяется, за исключением многочисленных трудов основоположника отечественной девиантологии профессора Я. И. Гишинского и представителей его научной школы. Ленинградский ученый еще на рубеже 70–80-х гг. прошлого века обратил внимание на продуктивность дополнительного подхода в изучении антиобщественных явлений. В 1986 г. вышла «первопроходческая» научная статья профессора А. А. Тер-Акопова «Принцип дополнительности в определении преступности деяния» (Сборник статей № 22. Москва: ВКИ), в которой содержится интересный подход к решению одной из сложных проблем уголовного права – соотношению понятий преступления и состава преступления, под углом зрения дополнительности. Позднее, на рубеже столетий, проф. Тер-Акопов (в тот период единомышленник и коллега Н. Н. Моисеева по МНЭПУ) впервые в отечественной криминологии обратил внимание на недостаточность потребностно-мотивационного объяснения механизма преступного поведения и обосновал необходимость выделения в нем духовности в качестве доминирующего фактора.

Продолжателем и учеником Нильса Бора был, по его собственному признанию, академик Н. Н. Моисеев. Сформулированные ученым принципы универсального эволюционизма и нравственного императива рождены на основе творческого развития идей дополнительности. На методологии дополнительности основан вывод Моисеева о том, что человек – это часть общей системы, он развивается вместе с системой, оставаясь всегда ее составляющей. Результаты наблюдения и объект изучения могут быть выражены только на разных научных языках.

Кандидат социологических наук, доцент **Анастасия Александровна Гизатулина** (Челябинск) выступила с докладом «Агрессивное поведение в цифровой среде». Стремительно расширяющейся проблемой XXI в., представляющей серьезную угрозу для общественного здоровья, является разжигание ненависти и агрессии в социальных сетях. В отличие от традиционных форм проявления агрессии, онлайн-агрессия имеет более масштабные охват аудитории и скорость распространения.

Проблема агрессии, а также тесно с ней связанные проблемы воспитания и морали давно находятся в фокусе научных изысканий социологов, философов и юристов. Особую актуальность эти вопросы приобрели в постковидный период, ознаменованный ростом социальной напряженности и психологической уязвимости населения.

Внедрение цифровизации в образовательный процесс становится все более всеобъемлющим в эпоху цифровой трансформации. Родители, чьи дети учатся в школе, знают, что часть домашних заданий выполняется на онлайн-платформах (тестовые задания, презентации и т. п.). Школьники также регулярно просматривают электронные дневники, различную информацию, которую учителя выкладывают в общий чат класса. В процессе внедрения цифрового обучения никто не учитывает возможных негативных последствий, связанных с увеличением времени, проводимого учащимися перед экраном телефона или компьютера. Одним из наиболее опасных факторов становится информационная перегрузка. Постоянный поток информации может привести к рассеянности внимания, снижению концентрации и общей тревожности.

Согласно исследованиям, 40 % школьников ежедневно более семи часов в день проводят в интернете. С каждым годом эта цифра будет только расти, и связано это с тем, что в современных условиях цифровизация образования стала необходимостью. Школьники часто отвлекаются на просмотр ежеминутных сообщений из различных групп (VK, Одноклассники, Telegram, WhatsApp и т. п.). 43 % школьников сообщили, что они до 10 раз в день заходят в социальные сети. Однако это связано не только с любопытством «обновить ленту» и проверить новости групп, но и с необходимостью, так как именно в социальных сетях часто создаются группы по различным школьным предметам, где учителя выставляют домашние задания.

Кроме того, виртуальная жизнь часто становится площадкой для сравнения себя с другими. Идеализированные образы в социальных сетях порождают комплексы, неуверенность в себе и стремление соответствовать навязанным стандартам. Погоня за лайками и одобрением может затмить собственные ценности и привести к потере индивидуальности. Молодые люди оказываются в ситуации, когда необходимо постоянно фильтровать информацию, отсеивать фейки и не поддаваться манипуляциям онлайн-агрессоров.

Выступление научного сотрудника географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова **Елены Евгеньевны Демидовой** было посвящено изучению современной географии экстремальных видов девиантности.

Девиантность (в том числе и экстремальная – в виде предумышленных убийств и самоубийств) органически присуща природе человека. Эмпирические данные свидетельствуют о выраженной пространственной концентрации случаев насильственной смерти.

В начале 2020-х гг. в глобальном масштабе выделяются три ключевых макрорегиона с повышенным уровнем преднамеренных убийств: Африка, Латино-Карибская Америка и Азия (на эти регионы приходится около 90 % всех зарегистрированных убийств в мире, при этом интенсивность феномена (при расчете на 100 тыс. жителей) существенно варьируется: максимальные значения характерны для Латинской Америки, минимальные – для Азии). Наиболее развитые регионы (Европа и Северная Америка) характеризуются минимальным вкладом в глобальную статистику убийств (1–2 %). На страны бывшего Советского Союза приходится около 6 % глобальных преднамеренных убийств.

В отличие от убийств, мировая картина суицидов монополярна. Регионом, в котором происходит львиная доля всех самоубийств, является Азия: здесь фиксируется около 65 % мировых суицидов при 58 % мирового населения, что свидетельствует о повышенной интенсивности явления, «суицидальной региональной специализации». Страны постсоветского пространства показывают аналогичное, хотя и менее выраженное в абсолютных показателях, соотношение (7 % суицидов при 4 % населения). Показательно, что значительно, чем в случаях с убийствами, проявляются наиболее развитые страны: так, доля Северной Америки в общем числе мировых суицидов даже превышает долю региона по численности населения (6 % и 5 % соответственно). Похожая ситуация просматривается и в отношении европейского региона: она характеризуется пропорциональным соотношением (8 % суицидов при сопоставимой доле населения). Особый интерес представляют регионы с пониженными показателями суицидальности. Африка, лидирующая по убийствам, демонстрирует относительно низкий уровень суицидов (9 % случаев при 15 % населения). Латинская Америка также отличается минимальным вкладом в мировую статистику суицидов (около 4 % случаев). Подобная пространственная дифференциация указывает на существование специфических социокультурных и экономических факторов, формирующих различную «восприимчивость» регионов к суицидальному поведению. Особенно показателен контраст между Азией и Африкой, которые занимают противоположные позиции в структуре экстравертивной и интравертивной экстремальной девиантности. По результатам проведенного исследования Е. Е. Демидова предложила следующие выводы.

Вопреки распространенным убеждениям об антагонизме гетеро- и аутогенной агрессии, эмпирически доказано отсутствие статистически значимой взаимосвязи между преднамеренными убийствами и самоубийствами на глобальном уровне. Рассмотрение экстремального насилия на региональном уровне свидетельствует о разнонаправленном соотношении гетерогенных и аутогенных экстрадевиаций. Ареалы с высоким уровнем гетероагрессии практически не совпадают с ареалами высокого уровня аутоагрессии. Одним из важнейших выводов из долгосрочных наблюдений за динамикой экстраагрессии является тренд на нивелирование гендерного разрыва. Единство сущности гетерогенного и аутогенного насилия позволяет комбинировать показатели их уровня путем вычисления для большинства стран общего коэффициента экстраагрессии.

Различная интенсивность гетерогенной и аутогенной экстраагрессии свидетельствует о принципиальной дифференциации ценности чужой и собственной жизни. На основании полученных результатов можно судить о превалировании ценности чужой жизни над собственной: в 68 % стран (122 из 179 вошедших в исследование) уровень аутоагрессии превышает уровень гетероагрессии. При этом ценность женской жизни для подавляющего большинства стран выше мужской.

Профессор, кандидат юридических наук, доцент, полковник милиции в отставке **Юрий Алексеевич Зюбанов** темой своего доклада выбрал «Духовно-нравственные основы “картины мира” (акад. Н. Н. Моисеев и проф. А. А. Тер-Акопов)». Н. Н. Моисеев писал, что он «человек

нерелигиозный». Однако, следуя по дороге нравственно-идеологической и научной, он, как получается, следовал невольно и религиозным путем. Свое отношение к христианской церкви он поясняет прямо: «С религией мне не повезло: на моем пути не встретилось священника, который смог бы мне показать то, что может дать духовному миру человека настоящая религиозность». Несмотря на такое признание, он сознавал, что только религиозность обладает той мудростью, которая «привлекала к религии умнейших людей во все времена», потому что они видели ту красоту «миропредставления», которая по-настоящему присуща исключительно верующему человеку. В действительности же истинную красоту мироздания он видел, и даже показал его обратную сторону, которой является дамоклов меч XX века – «ядерная зима». Слишком пессимистичны были прогнозы этого исследования. Вывод о том, что человеческая цивилизация, сложившаяся в течение тысячелетий, будет уничтожена за несколько дней, явился «почти библейским Откровением». Эта работа советских ученых зазвучала всемирным набатом, отрезвляя людей, и прежде всего политических лидеров сверхдержав, от ракетно-ядерной эйфории. Ученый предвидел не только экологические последствия, но и «контуры рационального общества», в котором должен действовать современный нравственный императив, потому что «наша жизнь по необходимости оказывается стесненной определенными рамками (определенной дисциплиной)», и эта регламентация означает «утверждение совокупности принципов новой нравственности». Подобные ограничения ученый именует «нравственным императивом», которому еще предстоит «утвердиться в общественном сознании». Эта «будущность человека, будущность всего биологического вида *homo sapiens* в решающей степени зависит от того, насколько глубоко и полно мы окажемся в состоянии понять и усвоить содержание нравственного императива и меру способности человека следовать ему». На решение этой задачи должны быть направлены «усилия специалистов-гуманитариев».

К такому же результату поисков духовно-нравственных основ «картины мира», которые невозможны без учета христианских заповедей, приходит и проф. А. А. Тер-Акопов. Этих, казалось бы, разных людей, роднит «жгучая духовная жажда разобраться в феномене жизни как космического явления, в эволюции окружающего Мира, в великих тайнах божественного и человеческого».

Представитель Института социологии ФНИСЦ РАН кандидат социологических наук, старший научный сотрудник **Яна Андреевна Ардельянова** рассмотрела проблему скулшутинга как формы девиантного поведения современной молодежи, отметив перспективы межотраслевого исследования.

Скулшутинг является одной из острых глобальных проблем современного мира. Феномен анонимии в цифровую эпоху проявляет свою специфику: он перестает быть исключительно следствием психических нарушений личности, приобретая социокультурный характер. Проблема классификации скулшутинга остается дискуссионной в научном сообществе, однако мы считаем методологически некорректным относить данное явление к субкультурным проявлениям, поскольку такая квалификация нивелирует индивидуальную ответственность преступника, снижает значимость конкретного криминального акта, а также затрудняет разработку эффективных профилактических мер.

Среди базовых методологических подходов к изучению скулшутинга были выявлены социально-психологический, социологический и криминологический. Социально-психологический парадокс скулшутинга проявляется в противоречии между двумя нарративами. С одной стороны, акцент делается на психологической травматизации исполнителей, с другой – отмечается их активная самопрезентация в цифровом пространстве. Это противоречие требует применения феноменологического подхода, который позволит реконструировать субъективные смысловые конструкции участников явления, а также социальные представ-

ления о феномене и механизме его легитимации в общественном сознании. Также особое внимание при исследовании случаев скулшутинга следует уделить сетевому подходу. Данный подход позволит создать модель сетевых взаимодействий преступника, что в дальнейшем поможет в разработке систем контроля и профилактики.

Методологический императив современных исследований заключается в необходимости смещения фокуса от макросоциальных факторов (СМИ, глобальные сети) к непосредственному социальному окружению (семья, школа, референтная группа). Такой подход позволит разработать более эффективные стратегии профилактики, основанные на принципах раннего вмешательства и адресной работы с группами риска.

Предлагается разработать систему мониторинга макро- и микроуровней социальной реальности, состоящую из нескольких компонентов: 1) социально-психологического мониторинга школьников и студентов, для чего необходима разработка методик скрининга, которые позволят учителям и психологам вовремя заметить признаки депрессии, изоляции или повышенной агрессии, что поможет предотвратить формирование сценариев мести и насилия; 2) мониторинга информационного пространства, который включает разработку алгоритмов анализа социальных сетей на предмет потенциальных угроз. Данная мера должна быть направлена на выявление реальных рисков, но с соблюдением границ личного пространства, т. е. без перехода к массовой слежке за подростками. Важную роль могли бы сыграть системы анонимного оповещения, позволяющие сообщать о тревожных сигналах без страха последствий. Кроме того, стоит обучить педагогов цифровой грамотности, чтобы они могли понимать, какие изменения в онлайн-активности подростков действительно тревожны, а какие – просто часть подростковой культуры; 3) мониторинга систем безопасности, который включает в себя безопасность в образовательном учреждении (наличие работающих турникетов и охраны, а также грамотная работа с коллективом, где каждый знает, как действовать в кризисной ситуации). Кроме физической безопасности необходимо развивать направление кибербезопасности: защиту личных данных школьников, предотвращение утечек информации, которые могут использоваться для травли или манипуляций.

Магистр частного права НИУ ВШЭ *Ангелина Алексеевна Севостьянова* тему своего выступления определила как «Девиации в деликтном праве: цивилистический аспект». Распространенное в отечественной литературе мнение о том, что в российском праве различия между преступлениями и деликтами очевидны, представляется недостаточным, поскольку оно сводится преимущественно к нормативному утверждению, что преступление всегда закреплено в виде конкретного состава в уголовном кодексе, в отличие от деликта. Вместе с тем такой подход игнорирует важный аспект – моральное обоснование криминализации деяний, закрепляемых в уголовном праве. Не всегда преступное деяние, формально отраженное в уголовном законе, имеет убедительное моральное основание для закрепления в качестве такого. Это поднимает фундаментальный вопрос о критериях, позволяющих отнести то или иное поведение к социально отклоняющемуся и заслуживающему санкции со стороны частного и уголовного права, а также выяснить, есть ли отличия в данных критериях в зависимости от отрасли права.

В настоящее время российское право еще не достигло той степени зрелости, при которой интересы, защищаемые деликтным и уголовным правом, а также границы допустимого и недопустимого поведения были бы четко определены на уровне общетеоретического осмысления и практической реализации.

В рамках изучения деликтной ответственности значительная часть исследователей упускает из виду начальную (регулятивную) стадию правоотношений, которая охватывает охраняемые законом блага, признанные значимыми на соответствующем историческом

этапе. На данное обстоятельство указывает ст. 1064 Гражданского кодекса РФ, устанавливающая ответственность за нарушение таких благ. В отличие от уголовного права, обладающего выраженной запретительной природой и заранее устанавливающего четкие запреты, нарушение которых влечет юридическую ответственность, в деликтном праве подобный четкий запрет отсутствует. Вместе с тем очевидно, что как уголовное, так и деликтное право имеет бланкетный характер, поскольку регулятивные нормы, обеспечивающие охрану определенных благ, обычно закреплены в ином отраслевом законодательстве.

Проблема, возникающая из стремления некоторых цивилистов видеть в правоотношениях стадию, предшествующую деликту, приводит к выделению общих обязанностей (например, обязанности проявлять заботу), которые вызывают концептуальные затруднения. В действительности такие обязанности в регулятивном плане отсутствуют, поскольку, как было ранее указано, из закона напрямую не возникают регулятивные правоотношения (обязательства). В связи с этим представляется необоснованным выделение регулятивной стадии, предполагающей обязанность «не причинять вред» или «проявлять заботу». Вред как элемент деликтной ответственности не может быть самостоятельной обязанностью до момента его причинения. Можно лишь констатировать наличие запретов, аналогичных тем, которые присущи уголовному праву, однако в контексте деликтного права они представляются проблематичными ввиду отсутствия количественного измерения.

Интересно, что именно преступление по своей правовой конструкции наиболее близко к деликту. Преступления и деликты принципиально отличаются лишь формой преследования: уголовное преступление преследуется государством, тогда как деликт – посредством частных исков. Разграничение между преступлениями и деликтами часто носит политико-правовой характер, обусловленный соответствующей логикой и социальными факторами.

На этом основании можно предположить наличие стадии соблюдения норм, предшествующей охранительному правоотношению, которая не порождает конкретных юридических обязанностей, а формирует самостоятельные ожидания и представления субъектов о должном поведении (*reliance*), служащие основанием для принятия решений. По мнению проф. И. Л. Честнова, подобный подход требует кардинального пересмотра юридических категорий с формально-догматических позиций на социолого-практические. Следует рассматривать систему права как совокупность ментальных представлений и ожиданий, реализующихся в массовых социальных практиках и соотносимых с господствующими официальными системами знаков. Вследствие этого девиантное поведение в контексте деликта нужно воспринимать как социальную девиацию, определяемую профессором Я. И. Гилинским в качестве относительно массовых и статистически устойчивых форм человеческой деятельности, не соответствующих установленным или фактически сложившимся в обществе нормам и ожиданиям.

Однако подтверждение понимания деликта как социальной девиации от ожидаемого поведения мы находим в исследованиях профессора частного права Оксфордского университета Хелен Скотт, которая связывает обязанность заботы с разумной предсказуемостью поведения. Предсказуемость и ожидания должны рассматриваться в полном историческом и социокультурном контексте правовой реальности. Ожидания тесно связаны с предвидимостью последствий поступков субъектов права. Соответственно, доделиктная стадия характеризуется обязанностью предвидеть последствия своих действий и запретом на действия, нарушающие ожидания третьих лиц.

Ф. Дюдезерт обосновал существование принципа законных ожиданий в частном праве, раскрыв ожидание через доверие, присущее как деликтным, так и договорным отношениям. В первом случае законное доверие возникает из ситуации, во втором – из обещания. Аналогичную позицию занимает У. Бернам, который считал базовым деликтным обязательством

воздержания от причинения вреда другим людям. Таким образом, можно утверждать существование доделиктной стадии, на которой субъекты обязаны соблюдать ожидания третьих лиц, нарушение которых ведет к возникновению охранительного правоотношения и деликтной ответственности.

Т. Риппергер дополняет это понимание, раскрывая ожидание через доверие, определяемое как «предвосхищение положительных (или неотрицательных) результатов, возникающих на основе ожидаемых действий другой стороны в условиях неопределенности взаимодействия». Идея деликтной ответственности таким образом сводится к базовой интуиции ожидания субъектами определенного поведения третьих лиц. Нарушение этого ожидания порождает не только ответственность, но и необходимость претерпевать иные негативные последствия, что отражает развитие современной культуры компенсации убытков. Таким образом, девиация в контексте деликтного права представляет собой отклонение от ожидаемого (правомерного и разумно предсказуемого) поведения, сформированного на основе исторического и социокультурного контекста и закрепленного в виде легитимных ожиданий участников гражданского процесса. Ответственность в данном случае возникает не только и не столько вследствие нарушения прямого запрета закона, сколько вследствие нарушения оправданных ожиданий третьих лиц, ассоциируемых ими с конкретным субъектом права. Соответственно, сущностная природа деликта определяется именно нарушением доверия и легитимных ожиданий, что приводит к необходимости компенсации убытков и иным негативным последствиям, которые возникают из самой структуры социальных и правовых отношений, характеризующих современную культуру ответственности.

Профессор Сибирского юридического института МВД России доктор социологических наук, доцент **Владимир Ефимович Шинкевич** свой доклад посвятил актуальным проблемам предупреждения экстремизма в молодежной среде. Анализ результатов социологических исследований как одного из основных элементов ежегодного мониторинга наркоситуации позволил сформулировать следующие выводы:

– стабильные места в рейтинге проблем ежегодно занимают показатели по следующим индикаторам: «Качество дорог» (первое место), «Качество медицинского обслуживания» (второе место), «Наркомания» (седьмое место). При незначительном снижении общественного напряжения в целом относительно актуальности опасности наркомании, группы лиц, наиболее и наименее обеспеченных по материальному признаку, чаще указывают на широкую распространенность наркомании в регионе;

– продолжается, хотя и в пределах допустимой статистической погрешности, повышение осознанности населением проблемы наркомании и наркобезопасности;

– молодежь по-прежнему остается той социальной группой, которая нуждается в дополнительных местах проведения досуга, при этом потребность в искусственных рекреационных объектах конкретного типа у различных возрастных групп населения различна;

– большинство населения основными причинами, влияющими на распространение наркомании в обществе, на протяжении последних лет считают моральную деградацию общества, вседозволенность, плохую работу правоохранительных органов и излишнюю свободу, отсутствие организованного досуга;

– среди основных мер противодействия распространению наркомании высшие места в рейтинге население отдает как мерам принудительного характера – ужесточению мер наказания за наркопреступления и принудительному лечению наркоманов (первое и третье места соответственно при некотором увеличении и самих показателей индикаторов), так и социально-профилактической деятельности – расширению работы с молодежью (второе место);

– повышается внимание населения к интернету как основному источнику получения информации о наркотиках или способах их употребления. По-прежнему большое значение придается социальному окружению как источнику информации.

На секции с научными сообщениями выступили профессор Российского университета правосудия имени В. М. Лебедева заслуженный юрист РСФСР, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, полковник юстиции в отставке **Геннадий Ильич Загорский** (его выступление было посвящено проблемным вопросам применения принудительных мер медицинского характера к девиантам, совершившим преступления); преподаватели Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова кандидат социологических наук, доцент **Игорь Львович Грошев** (тема «Профилактика терроризма – норма жизни») и кандидат социологических наук **Любовь Игоревна Грошева** – по проблеме специфики и особенностей романтизации образа террориста в системе виртуального информирования молодежи. Президент Национальной ассоциации комплаенс (Москва) адвокат **Владимир Валерьевич Балакин** посвятил выступление проблеме профилактики правонарушающего поведения в бизнесе средствами комплаенс-процедур. Психолог МНЭПУ (Москва) кандидат педагогических наук **Александр Иванович Сумароков** поделился с собравшимися некоторыми вопросами формирования «увлечения» в качестве профилактики делинквентных установок у подростков. В докладе доктора юридических наук, доцента, главного редактора журнала «Союз криминалистов и криминологов» полковника полиции **Максима Геннадьевича Жилкина** была подвергнута глубокому анализу проблема стимулирования как инструмента уголовной политики в условиях чрезвычайных обстоятельств: кибернетический анализ ст. 78¹ УК РФ в контексте идей Н. Н. Моисеева. Доцент филиала АНО высшего образования «Институт деловой карьеры» (Тюмень) кандидат социологических наук, доцент **Ирина Александровна Грошева** в своем выступлении рассмотрела проблему девиантности как образа жизни современной молодежи на статданных и эмпирике своего региона. Заведующая отделом психологического обеспечения прокурорской деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации доктор психологических наук, профессор, старший советник юстиции **Виктория Владимировна Вахнина** свое выступление посвятила психолого-педагогическим особенностям образования в современных условиях. Известный отечественный криминолог, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН кандидат юридических наук **Светлана Вениаминовна Полубинская** осветила некоторые нерешенные теоретические и прикладные вопросы, связанные с опасными действиями лиц с психическими расстройствами.

По результатам конференции (работы секции) были сформулированы следующие рекомендации общетеоретического и прикладного характера, направленные в оргкомитет XXXII Моисеевских чтений (Комиссию РАН по изучению наследия выдающихся ученых), а также в адрес Научно-экспертного совета Совета Безопасности Российской Федерации, Экспертного управления Президента Российской Федерации, Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Всероссийской криминологической ассоциации имени А. И. Долговой, а также в журнал «Союз криминалистов и криминологов». Их текст приводится ниже, в скобках указаны авторы соответствующих предложений.

Рекомендации общего характера

1. Считать основной задачей современной отечественной девиантологической науки разработку теоретических и прикладных рекомендаций, направленных на уменьшение в обществе уровня опасных социальных девиаций и оптимизацию их структуры, в целях возможного

решения стратегической задачи – «народосбережения» России (академики РАН А. И. Солженицын, Н. Н. Моисеев и др.). Названная задача направлена на реализацию одной из национальных целей – сохранения населения, укрепления здоровья и повышения благополучия людей, поддержку семьи, определенных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

2. Считать опасными тенденциями современного положения дел в девиантологии свертывание прикладных девиантологических исследований, отсутствие социального заказа на качественное изучение реального распространения социальных девиаций, увлечение запретительными мерами в профилактике девиантного поведения, а также фактический запрет на сотрудничество с зарубежными учеными и научными центрами.

3. Признать необходимым развитие на постоянной основе межотраслевых научных исследований широкого спектра проблем социальной девиантности в Российской Федерации с привлечением государственных и общественных научных центров как важного направления научных исследований в гуманитарной и естественнонаучной областях (авт. проф. Я. И. Гишинский и доц. К. В. Харабет).

4. Считать целесообразным организацию на вневедомственной основе постоянно действующего теоретического и научно-практического семинара по проблемам изучения социальной девиантности в России; развивать методологическую научную базу дополнительно и универсального эволюционизма с возможным международным сотрудничеством, например, на базе Комиссии по изучению наследия выдающихся ученых РАН (Москва) (авт. проф. Я.И. Гишинский и доц. К. В. Харабет).

5. Организационно, научно и методически приветствовать и поддерживать деятельность ведомственных и иных научно-исследовательских и учебных заведений, на базе которых проводятся междисциплинарные девиантологические исследования и соответствующие научные мероприятия (Университет прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский университет МВД России, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Краснодарский университет МВД России и др.); формировать научные связи и кооперацию между ними, в том числе в вопросах проведения «полевых» исследований на региональном и федеральном уровнях (авт. проф. Я. И. Гишинский и доц. К. В. Харабет).

6. С учетом многократно теоретически и эмпирически подтвержденной прямой корреляции между состоянием тревожности современного общества и ростом опасных социальных девиаций (преступности, суицидального поведения, аддикций – наркотизма, пьянства и алкоголизма и проч.), рекомендовать органам власти на федеральном уровне, в регионах и на местах в пределах своей компетенции принимать меры законодотворческого и правоприминительного характера, направленные на формирование толерантности в российском обществе, а также на снижение уровня агрессивности, нетерпимости и «шельмования» инакомыслия, инаковости; препятствовать распространению в обществе идей неосталинизма; способствовать реализации позитивных социальных девиаций. Поддерживать решения органов государственной власти, которые направлены на отказ от излишней «стигматизации» отдельных социальных групп и лиц (в качестве положительного примера – отказ Государственной Думы РФ от институционализации проблемы квадроберов (февраль 2025 г.)). (авт. проф. Я. И. Гишинский и доц. К. В. Харабет).

7. Использовать опыт Великой Отечественной войны и послевоенного времени, а также войн и вооруженных конфликтов последних десятилетий, изученный зарубежной и отечественной девиантологией, военной медициной и другими науками, в целях разработки мер широкой социально-медицинской и иной профилактики среди значительных групп населения

(комбатантов и некомбатантов) возможных опасных последствий посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) в современных условиях. Отсутствие реализованного комплекса эффективных мер с высокой долей вероятности в ближайшие годы приведет к росту различных форм правонарушающего поведения, прежде всего агрессии, насилия, а также аддиктивного поведения, суицидов и пр. В связи с тем, что основным источником ПТСР априори являются широкомасштабные военные действия, считаем целесообразным поддержать предложения доктора экономических наук, профессора Г. А. Явлинского о необходимости достижения прекращения огня на востоке Европы (авт. доц. К. В. Харabet).

Рекомендации прикладного характера

1. На межведомственном (правительственном) и ведомственном (министерства) уровне следует разработать систему комплаенс-мер и процедур, направленных на предупреждение правонарушающего поведения среди работников организаций различных форм собственности и минимизацию последствий такого поведения в трудовых коллективах (авт. президент Национальной ассоциации комплаенс В. В. Балакин).

2. В целях исключения риска поступления в управленческие структуры на руководящие должности лиц с последствиями ПТСР или признаками опасного девиантного поведения в рамках реализации государственной политики формирования новой элиты из числа бывших военнослужащих, находившихся в зоне боевых действий, необходимо поручить Государственному фонду «Защитники Отечества» совместно с Военно-социальным центром Минобороны разработать и внедрить программу, включающую скрининг, выявление и недопущение к назначению на соответствующие должности (включение в кадровый резерв) указанных лиц, не прошедших социально-медицинской и иной реабилитации (авт. доц. К. В. Харabet).

3. Признать необходимым в целях научного изучения и разработки эффективных мер по максимальному снижению случаев скулшутинга и минимизации их последствий (стрельбы в школах, профучилищах и вузах) разработку на вневедомственном уровне системы мониторинга, включающего следующие компоненты: 1) социально-психологический (раннее выявление признаков депрессии, изоляции или повышенной агрессии, что поможет предотвратить формирование сценариев мести и насилия, но без стигматизации – виктимная личность не должна становиться «подозреваемым» лицом, а адресно получить эффективную помощь для преодоления выявленных проблем); 2) мониторинг информационного пространства, предполагающий разработку алгоритмов анализа социальных сетей на предмет потенциальных угроз, с соблюдением границ личного пространства, т. е. без перехода к массовой «слежке» за подростками; 3) мониторинг систем безопасности, который включает в себя безопасность в образовательном учреждении (наличие работающих турникетов и охраны, кибербезопасность (авт. доц. Я. А. Ардельянова, Институт социологии РАН).

4. В целях решения проблемы научной обоснованности выводов и рекомендаций криминологических и девиантологических исследований целесообразно критически изучить и обобщить теоретико-методологические основания массива монографических исследований, посвященных причинам (криминогенным детерминантам) преступности (иных видов отклоняющегося поведения), вышедших в стране за последние десятилетия; полученные результаты обсудить в рамках Всероссийской криминологической ассоциации (авт. доктор социологических наук, профессор Н.П. Щукина, Самарский национальный исследовательский университет имени С. П. Королева).

5. Предложить Всероссийской криминологической ассоциации имени А. И. Долговой разработать Этический кодекс криминолога и девиантолога (авт. доктор социологических наук, профессор Н. П. Щукина, Самарский национальный исследовательский университет имени С. П. Королева).

6. Рекомендовать РАН, АНО высшего образования «Академия МНЭПУ» и Фонду содействия научным исследованиям в области правового обеспечения безопасности человека имени профессора А. А. Тер-Акопова совместно на регулярной основе (например, один раз в два года) проводить научные конференции среди студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященные изучению отклоняющегося поведения в русле дальнейшего осмысления наследия академика Н. Н. Моисеева и на основе методологического принципа дополнительности в условиях глобальных вызовов XXI века, стоящих перед Россией и человечеством (авт. проф. Г. И. Загорский, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева и доцент Ю. А. Зюбанов, Военный университет имени князя А. Невского Минобороны России).

Информация об авторах

Яков Ильич Гишинский – профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Константин Васильевич Харабет – исполнительный директор Фонда содействия научным исследованиям в области правового обеспечения безопасности человека имени профессора А. А. Тер-Акопова, кандидат юридических наук, доцент, руководитель исследовательского комитета социологии девиантного поведения Российского общества социологов.

About the authors

Yakov I. Gilinsky – Professor at Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Dr. Sci. (Jurid.), Professor.

Konstantin V. Kharabet – Executive Director of the Foundation for Research Support in the Field of Legal Protection of Human Security named after Professor A. A. Ter-Akopov, Cand. Sci. (Jurid.), Docent, Head of the Research Committee on the Sociology of Deviant Behavior of the Russian Society of Sociologists.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 20.11.2025

Одобрена после рецензирования 11.12.2025

Опубликована 28.12.2025

Submitted November 20, 2025

Approved after reviewing December 11, 2025

Accepted December 28, 2025

Обзорная статья

УДК 378

Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики (обзор международной научно-практической конференции)

Антон Сергеевич Душкин

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
dushkin-ac@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-1585**Виталия Александровна Юренкова**

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
yvitaliya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7397-4277**Аннотация**

В статье представлен обзор международной научно-практической конференции «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики», прошедшей в октябре 2025 г. Конференция преследовала цель расширения и укрепления научного международного и межведомственного сотрудничества, объединения специалистов, работающих в различных сферах психолого-педагогической практики, обсуждения теоретических и практических разработок в области морально-психологической деятельности сотрудников правоохранительных органов. В конференции приняли участие более 150 специалистов из 50 организаций России и зарубежья, среди которых: представители Народной полицейской академии Министерства общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам, Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора Э. Алиева, Академии МВД Республики Узбекистан, Санкт-Петербургского государственного университета, Московского государственного психолого-педагогического университета, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Адвокатской палаты города Москвы; представители образовательных организаций МВД России, Минобороны России, Росгвардии, ФСИН России, Минобрнауки России, Минпросвещения России, территориальных органов МВД России. На пленарном заседании конференции были представлены доклады и аналитические материалы, характеризующие современное состояние морально-психологического обеспечения служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов России и зарубежных государств. В мастер-классах и на круглом столе представлен положительный опыт реализации современных психолого-педагогических практик. Результатом конференции стало обсуждение академических и прикладных проблем

Душкин А. С., Юренкова В. А. / Dushkin A. S., Yurenkova V. A.

внедрения теории юридической педагогики и психологии в практику и укрепление научных связей между сотрудниками правоохранительных органов и образовательных организаций силовых структур, а также поиск эффективных психолого-педагогических форм и методов подготовки сотрудников правоохранительных органов. По итогам работы международной научно-практической конференции сформирована и принята резолюция.

Ключевые слова

юридическая педагогика и психология, андрагогика, подготовка кадров, образовательные технологии, психологическая помощь, психолого-педагогическое сопровождение, психолого-педагогическая компетентность

Для цитирования: Душкин, А. С., Юренкова, В. А. (2025). Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики (обзор международной научно-практической конференции). *Российский девиантологический журнал*, 5 (4), 693–705.

Review

Pedagogy and psychology in law enforcement: bridging theory and practice (a conference review)

Anton S. Dushkin

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

dushkin-ac@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-1585

Vitaliya A. Yurenkova

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

yvitaliya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7397-4277

Abstract

This article offers a summary of key discussions and findings from the international conference “Pedagogy and Psychology in Law Enforcement: Bridging Theory and Practice”, held in October 2025. The primary aim of the conference was to promote and enhance international and interdisciplinary collaboration, uniting experts from various fields of psychological and pedagogical practice for a discussion on theoretical and practical developments concerning the moral and psychological aspects of law enforcement work. The conference brought together over 150 specialists from 50 organisations across Russia and abroad, including representatives from the People’s Police Academy of the Ministry of Public Security of the Socialist Republic of Vietnam, the General-Mayor E. Aliyev Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic; the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan; Saint Petersburg State University; Moscow State University of Psychology and Education; the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; the Moscow City Bar Association; as well as representatives from educational institutions under the Russian Ministry of the Interior, the Russian Ministry of Defence, the Russian National Guard, the Russian Federal Penitentiary Service, the Russian Ministry of Science and Higher Education, the Russian Ministry of Education, and territorial bodies of the Russian Ministry of Internal Affairs. The plenary session of the conference featured presentations and analytical materials that outlined

the current state of moral and psychological support for the professional duties of law enforcement officers in Russia and other countries. The conference's master classes and roundtable highlighted positive experiences in implementing contemporary psychological and pedagogical methods. The outcomes of the conference included: a discussion of academic and applied challenges of integrating legal pedagogy and psychology into practice; the enhancement scientific collaboration between law enforcement and security sector educational institutions; and the exploration of effective psychopedagogical approaches for officer training. The international conference produced a resolution.

Keywords

legal pedagogy and psychology, pedagogy, personnel training, educational technologies, psychological assistance, psychological and pedagogical support, psychological and pedagogical competence

For citation: Dushkin, A. S., Yurenkova, V. A. (2025). Pedagogy and psychology in law enforcement: bridging theory and practice (a conference review). *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (4), 693–705.

16 октября 2025 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России состоялась международная научно-практическая конференция «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики». Необходимо отметить, что конференция проводится ежегодно с 2018 г., с 2022 г. она получила международный статус.

Конференция является знаковым международным событием для ведущих ученых в области педагогики и психологии в деятельности сотрудников правоохранительных органов. Она проводится в рамках реализации приоритетного профиля подготовки Санкт-Петербургского университета МВД России «Деятельность кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел».

В конференции приняли участие представители Народной полицейской академии Министерства общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам, Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора Э. Алиева, Академии МВД Республики Узбекистан, Санкт-Петербургского государственного университета, Московского государственного психолого-педагогического университета, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Адвокатской палаты города Москвы; представители образовательных организаций МВД России, Минобороны России, Росгвардии, ФСИН России, Минобрнауки России, Минпросвещения России, территориальных органов МВД России.

Академическую и профессиональную среду представляли более 150 участников из 50 образовательных организаций Российской Федерации, стран ближнего и дальнего зарубежья.

С приветственным словом выступил врио начальника Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации полковник полиции **Максим Викторович Бавсун**.

Он отметил, что прошедший с предыдущей конференции год ознаменовался важными общественно значимыми событиями. 2025 год в России был объявлен Годом защитника Отечества. Это было сделано в целях сохранения исторической памяти, в ознаменование 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, а также как благодарность ветеранам и признание подвига участников специальной военной операции. Этот год прошел в полном соответствии с заявленными целями возвращения интереса общества и государства к воспитанию и обучению молодежи, к современным педагогическим и психологическим знаниям.

Одной из главных задач научно-представительского мероприятия является не только обмен накопленными знаниями и опытом между представителями научного сообщества,

но и передача этого опыта будущим правоприменителям: курсантам, слушателям, адъюнктам. Участие обучающихся в научных мероприятиях является одним из необходимых этапов формирования психолого-педагогических компетенций, необходимых для успешной будущей профессиональной деятельности. Именно поэтому хотелось бы, чтобы сегодняшнее обсуждение проблем, вынесенных на конференцию, было взаимно плодотворным: практика представила свои проблемы и сложности, теория показала пути их решения, а также их психолого-педагогическую основу, глубина которой позволяет видеть связи и решения в новом свете.

Вел конференцию начальник кафедры педагогики и психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент полковник полиции **Антон Сергеевич Душкин**.

В программу конференции вошли выступления участников на пленарном заседании, проведение мастер-классов и круглого стола ведущими специалистами.

В рамках пленарного заседания прозвучали доклады ученых России и зарубежных стран.

Открыла пленарное заседание профессор кафедры педагогики и психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор педагогических наук, доцент **Ольга Артуровна Чопик**, выступившая с докладом «Развитие субъектности курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России в условиях цифровой дидактики».

Докладчик отметила, что в период цифровой трансформации высшего образования особую значимость приобретает проблема развития субъектности курсантов образовательных организаций МВД России. Актуальность исследования обусловлена противоречием между необходимостью формирования у будущих сотрудников практических подразделений МВД России активной субъектной позиции и рисками ее деформации под влиянием цифровизации образовательного процесса. В докладе выделены ключевые вызовы образовательной среды: нормативно-регламентированный характер подготовки, высокая ценностно-смысловая нагрузка образовательного процесса, необходимость формирования профессиональной ответственности и рефлексии в условиях строгой дисциплины. Обоснован потенциал цифровой дидактики в развитии субъектности курсантов за счет применения адаптивных образовательных траекторий, систем кейс-обучения и инструментов рефлексивной аналитики. Предложены направления модернизации образовательного процесса, включающие проектирование метацифровой компетентности, использование гибридных моделей обучения и развитие педагогического сопровождения субъектной активности курсантов. Сделан вывод о необходимости стратегической интеграции цифровых технологий с субъектно-ориентированными методами, что позволяет формировать активную гражданскую и профессиональную позицию курсантов, соответствующую миссии образовательных организаций МВД России (Чопик, 2025).

Заведующий кафедрой военно-научных исследований научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор психологических наук, доцент **Юлия Михайловна Караяни** выступила с докладом «Профессиональная реабилитация – залог успешной ресоциализации участников боевых действий».

Юлия Михайловна акцентировала внимание на том, что участие в боевых действиях – это не только испытание для физического здоровья, но и глубокая психологическая травма, которая может оказать существенное влияние на дальнейшую жизнь человека. Возвращение

к мирной жизни для участников боевых действий часто сопряжено с трудностями реадaptации, поиском своего места в обществе и восстановлением утраченных социальных связей. В этом контексте профессиональная реабилитация выступает не просто как помощь в трудоустройстве, но и как ключевой элемент успешной ресоциализации, позволяющий участникам боевых действий вновь обрести уверенность в себе, почувствовать свою значимость и интегрироваться в общество (Караяни и др., 2025).

С докладом на тему «Влияние временной перспективы на личностный выбор соучастия в экстремальном добровольчестве» выступил доцент кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент **Владислав Евгеньевич Петров**.

Владислав Евгеньевич представил результаты эмпирического исследования влияния характеристик временной перспективы на субъектную метапозицию в выборе соучастия в экстремальном добровольчестве. Он установил, что ведущая роль в личностном выборе отводится следующим факторам: «степень ориентации на будущее», «восприятие гедонистического настоящего», «восприятие негативного прошлого». С позиции измерения «Личностный выбор соучастия в добровольчестве – Временная перспектива» выделено и описано три психотипа добровольцев, в которых факторы времени интегрированы в структуру личностного выбора («Выбор экстремального добровольчества с опорой на позитивное прошлое и ориентацией на будущее»; «Индифферентный с точки зрения временной перспективы личностный выбор соучастия в экстремальном добровольчестве»; «Выбор экстремального добровольчества как компенсация личностных проблем в прошлом и настоящем») (Петров, 2025).

Преподаватель кафедры политической философии и гуманитарных наук Народной полицейской Академии Социалистической Республики Вьетнам, кандидат психологических наук капитан полиции **Фам Вьет Кхоа** выступил с докладом «Конкурс “Лучший по профессии” как одно из основных направлений личностно-профессионального развития преподавателей Народной полицейской Академии Социалистической Республики Вьетнам».

Фам Вьет Кхоа представил основные цели образования в соответствии с резолюцией Центрального Комитета Коммунистической партии Вьетнама, подчеркивающей актуальность и важность обучения высококвалифицированных и опытных педагогов-профессионалов. В резолюции Политбюро Вьетнама 71-NQ/TW от 22 августа 2025 г. изложены прорывные цели по развитию образования и обучения во Вьетнаме. Особое внимание уделяется нравственному воспитанию педагога, навыкам преподавания, координации действий учебных заведений для личностно-профессионального развития педагогов. Конкурс «Лучший по профессии» в Народной полицейской Академии Социалистической Республики Вьетнам проводится ежегодно в целях выявления лучших преподавателей, а также воспитания и развития поколения молодых преподавателей (Фам, 2025).

С докладом на тему «Формирование мировоззренческих ценностей сотрудников полиции как приоритетное направление информационно-пропагандистской работы в органах внутренних дел» выступил профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор исторических наук, доцент **Геннадий Викторович Марченко**.

Геннадий Викторович раскрыл вопросы формирования государственно-патриотического мировоззрения сотрудников полиции на основе российских традиционных духовно-нравственных ценностей в рамках проведения информационно-пропагандистской работы в системе морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел. Он подчеркнул, что обращение к педагогическому опыту организации проектной деятельности

курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России в решении задач историко-мемориальной работы по сохранению исторической памяти и приумножению лучших профессиональных традиций правоохранительной службы позволяет повысить качество занятий, разнообразить их содержание, создать творческую атмосферу в ходе их проведения. Такой опыт может быть применим и в работе по данному направлению деятельности в территориальных органах МВД России (Марченко, 2025).

Начальник Санкт-Петербургского суворовского военного училища МВД России генерал-майор полиции **Игорь Анатольевич Медведев** выступил с докладом «Влияние патриотических и профессиональных традиций на воспитание выпускников суворовских военных училищ МВД России».

Игорь Анатольевич отметил, что суворовские военные училища МВД России играют особую роль в системе подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации. Они не только дают своим воспитанникам прочные знания и навыки, но и закладывают фундамент их личности, формируя гражданскую позицию, чувство долга и готовность к служению Отечеству. Ключевым фактором в этом процессе являются патриотические и профессиональные традиции, которые неразрывно связаны между собой и пронизывают всю жизнь училища, от учебных занятий до внеклассной деятельности (Селин, Илакавичус, 2024).

С докладом на тему «Подростковый суицид в Кыргызстане: психологические факторы и феноменологические особенности» выступила доцент кафедры общественно-политических дисциплин и психологии Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора Э. Алиева, кандидат психологических наук капитан милиции **Айчурок Акжолтоевна Зайырбекова**.

Айчурок Акжолтоевна в докладе подчеркнула актуальность исследования социокультурных предпосылок суицидальных действий среди подростков в Кыргызской Республике. Основное внимание докладчик уделила феноменологическим и этнопсихологическим особенностям в Кыргызской Республике. Ключевым уникальным фактором риска является внешняя трудовая миграция родителей, приводящая к синдрому «брошенного ребенка» и чрезмерной ответственности. Рассматривается роль дисфункциональных семейных моделей, насилия и конфликта поколений, а также гендерные различия в суицидальном поведении (более частые завершённые суициды у мальчиков и попытки у девочек). Особо выделена проблема социальной стигматизации («уйт»-стыд, позор), которая препятствует своевременному обращению за помощью. В заключение доклада были сформулированы комплексные меры профилактики и интервенции, включающие национальную стратегию дестигматизации, развитие школьной психологической службы, создание кризисных центров и целевую работу с семьями мигрантов (Зайырбекова, 2025).

Основные направления психологического консультирования по семейным вопросам в уголовно-исполнительной системе осветила в своем докладе доцент кафедры психологии профессиональной деятельности факультета психологии и probation Вологодского института права и экономики ФСИН России, кандидат психологических наук **Наталья Олеговна Макух**.

Наталья Олеговна особое внимание уделила специфике психологической работы с семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации, в частности, подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, находящимися в местах лишения свободы, лицами, условно осужденными, и их родственниками, а также сотрудниками и работниками уголовно-исполнительной системы и членами их семей; представила психологические аспекты влияния уголовного наказания на структуру и функционирование семьи, деструктивные семейные паттерны, возникающие в связи с лишением свободы, а также с прохождением службы (Макух, 2025).

С докладом «Современные формы и особенности контрпродуктивного поведения сотрудников органов внутренних дел» выступил преподаватель кафедры служебной психологии

и профессиональной культуры Академии МВД Республики Узбекистан лейтенант **Азизжон Саидкул угли Кодиркулов**.

Азизжон Саидкул угли в своем докладе особое внимание уделил формам и особенностям проявления девиаций в профессиональной деятельности сотрудников полиции: от классических проявлений (чрезмерное применение силы, коррупция, дискриминация, фальсификация отчетности) до новых рисков цифровой эпохи (онлайн-нарушения, социальные сети, избирательная отчетность). Выступающий сформулировал практические выводы о перспективах профилактики и управленческих ответах в условиях трансформации полицейских институтов (Кодиркулов, 2025).

В соответствии с программой конференции были проведены мастер-классы и круглый стол в Калининградском филиале Санкт-Петербургского университета МВД России.

Ведущим мастер-класса «Педагогическое взаимодействие субъектов воспитательной работы в общеобразовательных организациях: эффективные программы и мероприятия» выступил профессор кафедры физической подготовки и прикладных единоборств Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор педагогических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации **Леонид Трофимович Бородавко**. В рамках мастер-класса были представлены и обсуждены эффективные антропопрактики и примеры программ мероприятий, направленных на развитие педагогического взаимодействия субъектов воспитательной работы в общеобразовательных организациях и образовательных организациях МВД России.

Ведущим мастер-класса «Цифровая дидактика: проектируем элементы учебного процесса с использованием искусственного интеллекта» стала профессор кафедры педагогики и психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор педагогических наук, доцент **Ольга Артуровна Чопик**. В ходе проведения мастер-класса его участники получили представление о грамотном, ответственном и этичном использовании искусственного интеллекта в образовательной деятельности на основании Указа Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и ГОСТ Р 59895–2021 «Технологии искусственного интеллекта в образовании». Участники мастер-класса практически отработали задания с формированием задач и ключевых элементов составления профессиональных запросов, генерации плана и конспекта занятия, элементов тестовых заданий для оценки знаний обучающихся.

Ведущим мастер-класса «Проектная деятельность в образовательной организации МВД России как один из факторов формирования личностной зрелости обучающихся, укрепления их мировоззренческих ценностей» выступил профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор исторических наук, доцент **Геннадий Викторович Марченко**. В ходе проведения мастер-класса его участники (научно-педагогические работники кафедр, адъюнкты адъюнктуры, курсанты и слушатели Санкт-Петербургского университета МВД России) получили представление о содержании реализованных в 2023–2025 гг. проектов с участием обучающихся университета, способствовавших формированию государственно-патриотического мировоззрения на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, изучили технологии работы и алгоритм действий по вопросам увековечения памяти героев Отечества в топонимике, оформлении наглядной агитации, проведения занятий по морально-

психологической подготовке на основе обращения к наследию выдающихся личностей российской истории, подготовке обучающих видеоматериалов.

Участники мастер-класса практически отработали различные кейсы по вопросам методики проведения учебно-воспитательных мероприятий на основе требований приказа МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов Российской Федерации», получили навыки и умения практической работы по организации мероприятий политико-воспитательной и информационно-пропагандистской работы.

Ведущим мастер-класса «Методические подходы к формированию личностно-профессиональных качеств полицейского в контексте современной технологической революции» стал профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор исторических наук, профессор **Сергей Юрьевич Чимаров**. В ходе проведения мастер-класса его участники (научно-педагогические работники кафедр, адъюнкты адъюнктуры, курсанты и слушатели Санкт-Петербургского университета МВД России) отработали предложенные им кейсы по вопросам применения нейросетей в профессиональной служебной деятельности личного состава органов внутренних дел Российской Федерации, что корреспондирует общему смыслу распоряжения МВД России от 25 января 2023 г. № 1/649 «Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2023–2025 годы» и позволяет сформировать у участников мастер-класса навыки и умения практической работы по данному направлению. Моделирование участниками мастер-класса персональных проектов «Тихие воды» и «Стратегии использования социальных сетей для продвижения информации до населения» позволило оценить уровень личностно-профессиональных качеств современного полицейского, работающего в условиях технологической революции первой четверти XXI в.

В ходе проведения мастер-класса «Развитие готовности начинающего преподавателя образовательной организации МВД России к педагогической деятельности» участникам был представлен передовой педагогический опыт кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России по реализации программы профессиональной переподготовки «Школа педагогического мастерства», а также применения в учебно-воспитательном процессе современных образовательных технологий. Ведущим мастер-класса являлась доцент кафедры педагогики и психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент **Тамара Леонидовна Журавлева**. В процессе мастер-класса участники определяли жизненные цели и обсуждали факторы, способствующие или препятствующие достижению этих целей. Участники выявили и охарактеризовали сильные и слабые качества своей личности. На завершающем этапе участники мастер-класса выполнили упражнение «Миссия через качества». В итоге миссия была определена каждым участником – «Воспитывать и учить». Все участники оценили важность познания самого себя в процессе мастер-класса.

Ведущим мастер-класса «Ценностно-ориентированная технология подготовки курсантов и слушателей в образовательных организациях МВД России» выступила доцент кафедры педагогики и психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент **Юзефа Казимировна Нимировская**. В ходе проведения мастер-класса его участники (курсанты и слушатели Санкт-Петербургского университета МВД России) получили представление о том,

какие жизненные ценности они считают важными для своей профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел. Работа малыми группами со случайным составом развивает такие компетенции, как способность к коммуникации для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия, способность работать в коллективе, толерантно воспринимая этнические, конфессиональные и культурные различия, способность к самообразованию. Также были отработаны упражнения, направленные на развитие таких ценностей, как стремление иметь интересную работу полицейского, уверенность в себе, сила воли, честность, образованность, эффективность в делах, ответственность и другие.

Доцент кафедры психологии профессиональной деятельности факультета психологии и пробации Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат психологических наук **Наталья Олеговна Макух** была ведущим мастер-класса «Созависимость и контрзависимость в семейных отношениях сотрудников правоохранительных органов». Для профилактики кризисных ситуаций в жизни семей сотрудников и решения возникающих затруднений участники мастер-класса ознакомились с практическими упражнениями «Знакомство с собой», «Мои границы», «Созависимый треугольник», «Маяк надежды». Эти упражнения помогли проанализировать актуальные особенности семейных отношений и спланировать ближайшие действия по их улучшению.

Ведущим мастер-класса «Символический анализатор мира на основе психогеометрических ассоциаций как альтернатива полиграфных проверок в кадровом профайлинге» выступил доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат медицинских наук, доцент **Валентин Анатольевич Шаповал**. В ходе проведения мастер-класса его участники (научно-педагогические работники кафедр, адъюнкты адъюнктуры, курсанты и слушатели Санкт-Петербургского университета МВД России) получили представление о технологии «Символический анализатор мира на основе психогеометрических ассоциаций», способствующей формированию навыков: применения теста психогеометрических ассоциаций Малышева-Толкачева для проективной экспресс-диагностики ведущих характерологических векторов человека; применения технологии «Символический анализатор мира» на основе метода психогеометрических ассоциаций для оценки и анализа системы отношений испытуемых и скрываемых обстоятельств (событий) своей жизни; отбора психодиагностических понятий «Символического анализатора мира», адекватных целям, ситуации и контингенту испытуемых; интерпретации полученных эмпирических данных в изучении свойств личности, системы отношений, скрываемых обстоятельств (событий); составления психодиагностических заключений и рекомендаций по их использованию. Участники мастер-класса практически отработали различные кейсы по вопросам использования данной технологии и получили навыки работы с ней.

Ведущим круглого стола «Психолого-педагогические аспекты подготовки кадров для органов внутренних дел: опыт и инновации» стала заместитель начальника Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России по учебной и научной работе, кандидат юридических наук, доцент полковник полиции **Светлана Андреевна Старостина**. В рамках работы круглого стола был осуществлен обмен опытом эффективных практик и инновационных решений в области психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса; выявлены актуальные проблемы и определены перспективные направления подготовки кадров для органов внутренних дел на основе интегративного подхода.

Мастер-классы и круглый стол были посвящены практическим аспектам морально-психологического обеспечения деятельности сотрудников правоохранительных органов,

подготовки кадров для органов внутренних дел и включали практические рекомендации по применению знаний в области юридической педагогики и психологии. Все участники высоко оценили эффективность проведенных мероприятий.

Заслушав и обсудив материалы докладов пленарного заседания, круглых столов и мастер-классов, участники конференции приняли **резолцию**.

Участники конференции считают, что:

- состоялся плодотворный обмен мнениями по теоретическим и практическим проблемам педагогики и психологии в деятельности сотрудников правоохранительных органов; установлены пути международного сотрудничества с зарубежными образовательными организациями; принято решение провести в 2026 г. международную научно-практическую конференцию «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики», сосредоточив внимание на актуальных проблемах взаимодействия образовательных и научных организаций, а также территориальных органов различных министерств и ведомств.

На пленарном заседании конференции были озвучены доклады, характеризующие современное состояние морально-психологического обеспечения служебной деятельности сотрудников силовых структур. В рамках мастер-классов и круглого стола был представлен положительный опыт реализации современных образовательных технологий в системе подготовки кадров для правоохранительных органов, а также психологической работы с сотрудниками правоохранительных органов, выполнявших оперативно-служебные задачи в особых условиях.

В рамках работы конференции были выявлены следующие значимые **теоретические выводы**:

- уточнены методологические подходы к проектированию и реализации андрагогических технологий в правоохранительных органах России и зарубежных государств;
- сформулированы идейные основы проведения психологической реабилитации сотрудников правоохранительных органов, выполнявших оперативно-служебные и служебно-боевые задачи в зоне проведения специальной военной операции;
- сформулированы перспективные направления развития эффективных практик психолого-педагогического сопровождения личностно-профессионального развития сотрудников правоохранительных органов России и зарубежных государств;
- обоснована необходимость методического обеспечения подготовки психологов для работы с участниками специальной военной операции и членами их семей.

В рамках работы конференции были сформулированы следующие предложения **по решению практических проблем**:

- необходимо провести научно-исследовательские работы по заявкам территориальных органов МВД России по следующим темам: «Психологическая подготовка наставников, осуществляющих индивидуальное обучение стажеров в органах внутренних дел», «Развитие эмоционально-волевой саморегуляции сотрудников органов внутренних дел в системе морально-психологической подготовки в 2026 году»;

- в целях научно-методического обеспечения деятельности психологов органов внутренних дел следует подготовить методические рекомендации «Психологическое сопровождение диады “наставник – стажер” в период первого года службы сотрудника органов внутренних дел» в 2026 г.;

- в целях укрепления и поддержания международного сотрудничества нужно подготовить совместно с сотрудниками Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шпракбека Кабылбаева научно-исследовательскую работу «Особенности психологического консультирования сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации и Республики Казахстан» в 2026 г.

Список литературы

- Зайырбекова, А. А. (2025). Подростковый суицид в Кыргызстане: психологические факторы и феноменологические особенности. В *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 16 октября 2025 года, стр. 57–66). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Караяни, А. Г., Караяни, Ю. М., Кийко, А. Ю., Утюганов, А. А., Чекунов, А. А. (2025). *Принципиальная модель и методы оказания психологической помощи раненым*: монография. Санкт-Петербург: Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации.
- Кодиркулов, А. С. (2025). Современные формы и особенности контрпродуктивного поведения сотрудников органов внутренних дел. В *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 16 октября 2025 года, стр. 72–77). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Макух, Н. О. (2025). Основные направления психологического консультирования по семейным вопросам в уголовно-исполнительной системе. В *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 16 октября 2025 года, стр. 67–71). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Марченко, Г. В. (2025). Формирование мировоззренческих ценностей сотрудников полиции как приоритетное направление информационно-пропагандистской работы в органах внутренних дел. В *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 16 октября 2025 года, стр. 35–44). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Петров, В. Е. (2025). Влияние временной перспективы на личностный выбор соучастия в экстремальном добровольчестве. В *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 16 октября 2025 года, стр. 24–29). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Селин, П. В., Илакавичус, М. Р. (2024). *Подготовка начальствующего состава и педагогических работников суворовских военных училищ МВД России к совместной воспитательной деятельности*: монография. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Фам, В. К. (2025). Конкурс «Лучший по профессии» как одно из основных направлений личностно-профессионального развития преподавателей Народной полицейской Академии Социалистической Республики Вьетнам. В *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 16 октября 2025 года, стр. 30–34). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Чопик, О. А. (2025). Развитие субъектности курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России в условиях цифровой дидактики. В *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 16 октября 2025 года, стр. 10–23). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.

References

- Zajrbekova, A. A. (2025). Podrozkovyy suicid v Kyrgyzstane: psihologicheskie faktory i fenomenologicheskie osobennosti. V *Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 16 oktyabrya 2025 goda, str. 57–66). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.
- Karayani, A. G., Karayani, Yu. M., Kijko, A. Yu., Utyuganov, A. A., Chekunov, A. A. (2025). *Principial'naya model' i metody okazaniya psihologicheskoy pomoshchi ranenym*: monografiya. Saint Petersburg: Voennaya ordena Zhukova akademiya vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii.
- Kodirkulov, A. S. (2025). Sovremennye formy i osobennosti kontrproduktivnogo povedeniya sotrudnikov organov vnutrennih del. V *Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 16 oktyabrya 2025 goda, str. 72–77). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.
- Makuh, N. O. (2025). Osnovnye napravleniya psihologicheskogo konsul'tirovaniya po semejnym voprosam v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme. V *Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 16 oktyabrya 2025 goda, str. 67–71). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.
- Marchenko, G. V. (2025). Formirovanie mirovozzrencheskih cennostej sotrudnikov policii kak prioritnoe napravlenie informacionno-propagandistskoj raboty v organah vnutrennih del. V *Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 16 oktyabrya 2025 goda, str. 35–44). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.
- Petrov, V. E. (2025). Vliyanie vremennoj perspektivy na lichnostnyj vybor souchastiya v ekstremal'nom dobrovol'chestve. V *Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 16 oktyabrya 2025 goda, str. 458–463). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.
- Selin, P. V., Ilakavichus, M. R. (2024). *Podgotovka nachal'stvuyushchego sostava i pedagogicheskikh rabotnikov suvorovskih voennyh uchilishch MVD Rossii k sovmestnoj vospitatel'noj deyatel'nosti*: monografiya. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.
- Fam, V. K. (2025). Konkurs «Luchshij po professii» kak odno iz osnovnyh napravlenij lichnostno-professional'nogo razvitiya prepodavatelej Narodnoj policejskoj Akademii Socialisticheskoy Respubliki V'etnam. V *Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy*

konferencii (Sankt-Peterburg, 16 oktyabrya 2025 goda, str. 30–34). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.

Chopik, O. A. (2025). Razvitie sub"ektnosti kursantov obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovaniya MVD Rossii v usloviyah cifrovoj didaktiki. V *Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 16 oktyabrya 2025 goda, str. 10–23). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.

Информация об авторах

Антон Сергеевич Душкин – начальник кафедры педагогики и психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

Виталия Александровна Юренкова – начальник учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

About the authors

Anton S. Dushkin – Head of the Pedagogy and Psychology Department at the Research Center for Personnel and Psycho-Moral Support in Law Enforcement, of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Cand. Sci. (Psy.), Docent.

Vitalia A. Yurenkova – Head of the Research Center for Personnel and Psycho-Moral Support in Law Enforcement, of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Cand. Sci. (Psy.), Docent.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 11.11.2025

Одобрена после рецензирования 29.11.2025

Опубликована 28.12.2025

Submitted November 11, 2025

Approved after reviewing November 29, 2025

Accepted December 28, 2025